

Лидия Рыбалко

Дорога к счастью

Повести и рассказы

г. Свердловск 2023г.

УДК 82-31:919:41+41
ББК 84(4Укр-4Луг)6-44
Р93

Рыбалко Л.
Р93 Дорога к счастью: повести и рассказы/

В данной книге собраны повести и рассказы о женских судьбах, о счастье и любви.

УДК 82-31:919:41+41
ББК 84(4Укр-4Луг)6-44

Лидия Рыбалко

Родилась в 1951 году на Урале в г. Камышлове. После школы окончила Копейский техникум легкой промышленности по специальности «Техник – технолог швейного производства». Живу в г. Свердловске. Писать начала в 2016 году. В этом же году стала членом ЛИТО «Забой» им. А. Лебединского. С 2020 года член Союза писателей ЛНР. Издала четыре книги для взрослых и одну для детей.

В новую книгу вошли повести и рассказы о судьбах женщин. Долгим и трудным путем идут они к своему счастью, у каждой свой путь. Все они находят свое долгожданное счастье. Надеюсь, что после прочтения вами, рассказы оставят след в вашей душе.

Приятного всем чтения!

С уважением автор.

Счастье тебя найдет

Я стояла на высокой круче, от увиденной красоты просто захватило дух. Внизу, подо мной, расстился Дон. В этом месте он делал крутой поворот.

—Здравствуй, Дон — батюшка!— с замираем в сердце, сказала я.—Так вот ты какой!

Я смотрела и ждала, что вот сейчас послышится легкий всплеск от весел, и из-за поворота покажется чайка. Так раньше назывался острогрудый чёлн казаков, и над водами Дона поплывет старинная казачья песня. На носу челна будет стоять атаман, зорко смотрящий вперед. Я так задумалась, что не услышала шагов.

—Я тебя потеряла,—услышала голос подруги,—пока сумки поставила, а тебя и след простыл.

Она подошла, встала рядом, вздохнула.

—Хорошо как,— повернулась ко мне, прищурила глаза от яркого солнца.—А ты не хотела ехать. Вечером искупаемся, вода будет, как парное молоко. Пойдем, сейчас будет жарко, можно сгореть на солнце.

В доме и, правда, было прохладно. Степанида Васильевна, мать подруги, принесла из погреба холодного кваса. От обеда мы отказались. С Надей мы познакомились несколько лет назад в небольшом уральском городке. Случайно оказались в одном номере в местной гостинице. Это была живая общительная девушка с большими голубыми глазами. У нее был удивительно красивый мягкий голос. Мы приехали поступать учиться в техникум легкой промышленности. Надя хотела стать бухгалтером, чтобы работать в своей станице. Она с большой любовью рассказывала о своем доме, который стоит на берегу Дона. Мы поступили, подружились. После окончания учебы, Надя уехала в свою станицу, между нами завязалась переписка. Я узнала, что Надя вышла замуж и была счастлива. Потом мы потерялись. И вот, совершенно случайно, спустя несколько лет, мне пришло письмо от нее, в котором был номер телефона. Я позвонила, трубку взяла Надя, я сразу узнала ее по голосу. Мы долго говорили, потом она пригласила меня в гости. Я ответила, что подумаю. Так как дома меня ничто не держало, я, недолго думая, собралась в дорогу. Надя встретила меня на вокзале. Я сразу узнала ее, конечно же, по глазам, они были такими же голубыми и добрыми. В машине, которую, кстати, она вела сама, Надя рассказала мне, что вместе с мужем работают в частном фермерском хозяйстве, хозяин хороший человек. Она— бухгалтер, а муж, правая рука хозяина, так как раньше работал агрономом. Дети, две дочери, живут в Ростове, в деревню их не заманишь. Одна детский врач, другая экономист. Обе замужем, живут хорошо. Одна беда — внуками не радуют, для себя пожить хотят. Изредка поворачиваясь ко мне, рассказывала о себе и продолжала вести машину. Дорога проходила среди полей. В машину, через открытые окна, проникал пряный запах трав, щекотал нос. Золотые колосья пшеницы, под легкими порывами ветерка шелестели, словно шептались между собой.

—Красиво,—не удержалась я, глядя в окно.

—Да, пшеничка в этом году уродилась на славу,— довольно произнесла Надя.

Машина свернула с главной дороги, и вскоре я увидела дома, утопающие в зелени. Встречать нас вышла Степанида Васильевна, мать Нади. Заочно мы уже были знакомы, поэтому крепко обнялись. В это время во двор вошел мужчина.

—А вот и Павлуша пришел,—улыбаясь, сказала Надя.

Я тоже улыбнулась, потому что моя подруга едва доставала мужу до плеча. Это был высокий, статный мужчина, с густой седой шевелюрой. Мы познакомились, я немного смутилась, встретившись с ним взглядом. На меня внимательно смотрели необычного цвета глаза, они были зеленые с коричневыми крапинками. Вечером Надя меня уговорила идти купаться. Вода действительно была очень теплой, казалось, что тело обволакивают легким шелком, такое было приятное чувство от касания воды. После купания за столом в саду собралась небольшая компания. Степанида Васильевна постоянно что-то подносила и ставила на стол, я даже ужаснулась про себя, неужели это можно все съесть. Больше всего на столе было рыбы, Дон ведь в двух шагах. Надя присела рядом со мной, положила мне руку на плечо.

—Я рада, что ты приехала. Сидела как-то пересматривала фотографии и увидела ту, где мы с тобой в номере сидим. Ты с книжками, я с книжками, вид у обеих такой заумный. Помнишь, как мы смеялись над этой фотографией.

Через некоторое время за столом стало шумно. Женщины тихо запели, мужчины о чем-то спорили. Вдруг все притихли, в сад вошел мужчина, все женщины придиричиво оглядели друг друга, и посмотрели на него. Надя быстро поднялась ему навстречу.

—Николай, молодец что пришел. Проходи, садись,—щебетала она, усаживая гостя рядом со мной.

Мужчина, не глядя на меня присел на лавку. За столом снова стало шумно. На улице уже стемнело, и над столом зажгли лампочки, на свет которых моментально слетелись сотни ночных мотыльков. Подруга моя, подмигивая мне, сказала соседу:

—Николай, поухаживай за моей подругой.

Мы познакомились, он уговорил меня попробовать домашнего вина, сливянки. От выпитого вина скованность пропала. Я заметила, как женщины за столом зашептались. Не обращая внимания на них, я спросила, почему он пришел один? Где его жена? Он ответил, что у него нет жены. Я извинилась за свой вопрос и посмотрела на подругу, которая сидела среди женщин, подпевая им, одновременно следя за нами. Тут до меня дошло, почему она пригласила меня в гости, смех вырвался сам. Николай удивленно посмотрел на меня, а мне пришлось еще раз извиниться. Я встала и направилась к дому, но меня догнала Надя.

—Ты куда?—обеспокоенно спросила она.

—Я сейчас,—ответила я, потом посмотрела на нее, улыбнулась и добавила: —Хитруля ты, Надежда.

—Хороший мужик, правда, хороший,—произнесла она.

—Сколько баб у нас по нему тоскуют, любая рада бы жить с ним. А он ни на одну не смотрит.

—Почему?—вырвалось у меня

—Да была у него любовь, я тебе потом расскажу, а сейчас пойдем, посидим. Ты ведь наших песен еще не слышала.

Мы вернулись, я присела рядом с Николаем, а Надя подошла к бабам, что-то шепнула. В мгновение ока откуда-то появился баян, раздались аккорды, и полилась песня. « По Дону гуляет казак молодой...». Пели женщины, потом подтянули мужчины, и песня, набирая силу, разлеталась по станице, а эхо возвращало ее назад.

—Красиво поют,—не выдержала я и посмотрела на Николая.

—Очень красиво,—ответил он.

К нам подошел баянист, присел к Николаю с другой стороны.

—Николай, спой нам, да и гостя наша пусть послушает,— попросил он.

Я почувствовала, как чьи-то руки легли мне на плечи, и услышала тихий голос подруги:

—Знаешь, как красиво он поет.

После проигрыша он запел. Я вздрогнула, услышав первые слова: «Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной,,». Голос, правда, был очень красивый. Слушая песню, я представила умирающего казака со стрелой в груди. Голос и песня так тронули меня, что ком подступил к горлу. Он замолчал, и некоторое время стояла тишина, а потом кто-то сказал:

—Вот так надо петь, чтобы песня через сердце и душу проходила. Спасибо, Николай, порадовал ты нас.

Когда все разошлись, мы убрали со стола, помыли посуду.

—Я пойду спать, завтра рано вставать,— сказал муж Наде.

—Иди, иди, а мы с подругой немного посидим, поболтаем, давно не виделись,— ответила она, присаживаясь рядом со мной на крыльце.

Вечер был просто удивительный. Станица отдыхала после трудового дня, только где-то на берегу слышались голоса и смех. Это молодежь собралась на вечерние посиделки, громко играл магнитофон.

—Так, давай рассказывай, что ты задумала?—спросила я Надежду.

—А что здесь такого?—вопросом на вопрос ответила она. Потом, видимо, подумав, сказала: —Ты женщина одинокая, красавица и умница. Я тихо засмеялась.

—Ну что ты смеешься?

—И ты решила меня пристроить?

—Понимаешь, он уже много лет живет один. Баб одиноких в станице тоже хватает, любая с радостью за него побежит. А он ни на кого не смотрит, бирюком его за это называют. Вот я и подумала о тебе, может, вы понравитесь друг другу.

—А что у него случилось с женой?

—Умерла она, преждевременные роды, несчастный случай.

На крыльцо вышла Степанида Васильевна.

—Полуночницы, вы отдыхать думаете?

—Идем, идем,— ответила, вставая Надежда.

Мне постелили в зале на диване, в открытое окно, которое выходило в сад, доносился ароматный запах поспевающих яблок. Я заснула быстро, неожиданно разбудил меня какой-то звук. Я открыла глаза, лунный свет хорошо освещал комнату. На подушке рядом со мной спал большой кот, он фыркал и дергал всеми четырьмя лапами. Видимо во сне удачно охотился, я повернулась на другой бок и снова заснула. Проснулась от того, что-то теплое коснулось моего лица. Я открыла глаза и тут же зажмурилась. Яркие утренние солнечные лучи светили прямо в лицо. В доме стояла тишина, накинув халатик, я вышла на крыльцо. Во дворе Степанида Васильевна кормила кур.

—Доброе утро,— улыбнулась мне.—Как спалось на новом месте? Жених приснился?

Я рассмеялась, рассказала, как кот напугал ночью.

—Вот проказник,— произнесла с сожалением Степанида Васильевна.—Это его место, любит там лежать, старый уже, четырнадцать лет живет у нас. Привыкли к нему, жалко будет, если помрет.

—А где Надя?—спросила я.

—Так они рано встают, еще до свету, работы у них много. Придут поздно, так что завтракать будем вдвоем. После завтрака я напросилась помочь по хозяйству. В своем доме работы много. Степанида Васильевна оказалась разговорчивой, добродушной женщиной, так что день прошел незаметно. В течение дня я несколько раз вспоминала Николая. Вчера я посмеялась над словами подруги, а сегодня подумала, а почему бы и нет? Мужчина и, правда, он интересный, да и устала я от одиночества. Хочется иметь рядом крепкое плечо и надежного человека, а больше всего хочется быть желанной и любить. Вечером пришла Надя

с мужем. После ужина сходили на Дон, искупались. По деревянным ступеням поднялись на кручу. На самом краю, свесив ноги, сидел Николай.

—Добрый вечер, сосед,—бодро сказала Надя.

—Добрый вечер,—улыбнулся он и внимательно посмотрел на меня.

—Опять сидит,—тихо произнесла подруга,— часто тут сидит и смотрит на воду.

Прошло несколько дней. Однажды Надя предупредила, что завтра ее с мужем не будет, дела в Ростове. Заодно и к дочкам заедут. Я попросила, чтобы меня завезли на вокзал, я поеду домой. Она уговорила меня остаться еще на несколько дней, и я сдалась. Рано утром они уехали, а я помогала Степаниде Васильевне закрывать помидоры. Вечером решила сходить искупаться. Поднимаясь назад, увидела Николая, он сидел на том же месте. Я не удержалась и подошла. Николай сидел на траве, задумчиво смотрел на воду и курил сигарету. Я тихо присела рядом с ним, он молча посмотрел на меня, затянулся сигаретой.

—Часто здесь сидите, почему?— спросила я.

Он не ответил, просто согласно кивнул головой.

—Что случилось с Вашей женой? Мне Надя сказала, что она умерла.

По тому, как он посмотрел на меня, поняла, что спросила о глубоко личном. Лицо мое вспыхнуло, я встала, извинилась и хотела уйти. Но Николай затянулся еще раз сигаретой и выбросил ее.

—Она умерла при родах.

Я снова присел рядом с ним. Он достал еще сигарету, но прикуривать не стал, а просто смял ее пальцами.

—Я очень любил свою жену. Мы дружили с детства, потом вместе учились в школе. Я называл ее «ласточка». Она, и правда, напоминала мне ласточку. Вы видели, сколько у нас здесь этих птиц, сотни живут в этой круче. Если с реки смотреть, то вся круча в дырках, это их гнезда. Быстрые птицы. Вот и моя Ксения была быстрой и стремительной. Тоненькая, смуглая, с длинными черными волосами, которые закрывали всю спину. Когда бежала, то волосы, словно крылья были за ее спиной. Я никогда не видел ее грустной. Своим жизнелюбием она заражала всех. Атаман в юбке— так ее называли все. Я никому не позволял даже смотреть на нее. Она была моей жизнью. Пришло время, мне надо было идти в армию, сердце мое разрывалось от страха. Я боялся, что у меня уведут ее, тем более, что родители хотели себе другого зятя. Я решил, что она будет только моя.

Здесь Николай замолчал, посмотрел на меня и продолжил:

—Мне до сих пор стыдно, когда я вспоминаю тот день. Я пригласил ее съездить к моей тетке, соврал, что она меня позвала, дело у нее. Ксения радостно согласилась, и мы поехали на одном велосипеде. Естественно, что тетки дома не оказалось. Мы сидели, говорили. Я стал ее целовать все жарче и жарче. Она испугалась, стала меня отталкивать.

—Ты меня не любишь,— обиженно я сказал ей.

—Люблю, больше всех люблю,— чуть не плача ответила она.

—Тогда почему? Почему отталкиваешь меня?—обиделся я.

—Я буду тебя ждать, я слово даю, только не надо сейчас. Я не хочу так,— она заплакала.

—А мне вдруг стало так стыдно и очень жалко ее. Ведь я любил,— он замолчал, посмотрел на меня и продолжил.— Вы не поверите, такой любви, как наша, наверно на свете если существует, то одна на несколько тысяч.

Николай снова замолчал.

—А дальше?— не удержалась я и спросила.

—А дальше я ушел в армию. Она меня дождалась.

Родители хотели ее силой выдать замуж, но дед и бабушка не позволили, они были на стороне внучки. В старину у казаков было так, что, если девушка не хочет замуж, ее не будут принуждать. Я вернулся из армии и сразу пошел к моей ласточке. За два года она повзрослела, стала еще красивей. Потом была свадьба, я был самым счастливым человеком на земле. Я любил самую лучшую девушку в мире, а она безгранично любила меня. Тогда у нас в станице был колхоз, хороший колхоз, не бедный. Мы были молоды и полны сил. Она была прекрасная хозяйка. Мы никогда не ссорились и ждали своего первенца, готовились к тому дню, когда в доме появится наш ребенок. Видимо, кто-то позавидовал нашему счастью, беда пришла неожиданно. Однажды Ксюша полоскала белье в речке, у нас так все делали, недалеко купались дети. Не знаю, что у них там случилось, но один мальчонка стал тонуть. Ногу свело или в водоворот попал, но стал он

кричать. Дети выскочили все на берег, как на беду никого не было, кроме Ксюши. Она, не раздумывая бросилась спасать ребенка, а его уже и не видно было. Она долго уходила под воду, пыталась его найти, но тщетно. Тут мужики подоспели, ее вытащили, уже совсем ослабевшую. На берегу у нее начались схватки, она кричала. В больницу ее привезли уже почти без сознания, врачи долго боролись за ее жизнь. Доченька родилась, но прожила несколько часов.

Николай застонал, обхватил голову руками и наклонился.

—Я думал, что и мне жить не стоит, но она пришла ко мне во сне и попросила жить за себя и за нее, не забывать ее. А как я забуду, если для меня до сих пор она живая. В доме я чувствую ее запах, по ночам слышу ее шаги, сердце мое до краев наполнено любовью к ней. Мне стало жалко этого большого, сильного человека. Я погладила его по плечу. Он посмотрел на меня долго и внимательно, потом произнес:

—Уже темно, извините, что задержал Вас,— он встал. — Не знаю, почему я все рассказал, что-то внутри подсказало, что Вам можно. Пойдемте, я провожу Вас. Мы пошли рядом, на улице еще были люди. Несколько человек оглянулись на нас, бабы пристально смотрели и шептались. Он улыбнулся и хмыкнул. Мы подошли к дому Надежды.

—Гуляете?— весело спросила подруга, стоя у калитки.—А я думаю, куда это гостя моя пропала. Мама сказала, что к реке пошла, и переживаю, долго что-то нет.

—Добрый вечер, Надежда, не бойся. Жива и здорова гостя твоя.

—Добрый вечер, Николай,— ответила она.

Он попрощался и пошел дальше по улице. После ужина мы вышли с Надей в сад.

—Как он тебе, скажи мне честно,— спросила она меня.

—Хороший человек, Надюша, жалко мне его. Только напрасно ты меня пригласила сюда.

—Это почему напрасно? Тебе не нравится здесь? — обиделась Надя.

—Ой, что ты,—спохватилась я,—спасибо тебе большое.

Здесь так красиво, тебя вот увидела.

Я обняла ее, прижалась лицом к плечу подруги. Надежда всей душой желала счастья подруге.

—А про Николая я тебе так скажу. Любовь, которая живет в его сердце, сильнее его самого. Никакая женщина не станет для него желанной и любимой. Я так думаю, дорогая, конечно, он не святой, не без греха. Но он сам выбрал эту жизнь, и изменить ее он не захочет, ему это не нужно.

—Может ты и права, муж тоже так говорит. Еще ругает меня, что попыталась сунуться в чужую жизнь.

Утром Степанида Васильевна попросила меня отнести банку с молоком Николаю. Калитка была открыта и я вошла в дом. С кухни слышалось какое-то шипение, пройдя дальше, я увидела, как он жарит яичницу с помидорами. Рукава светлой рубашки были закатаны до локтей, об его ноги терся огромный рыжий кот

—Доброе утро,—поздоровалась я.

Он удивился, увидев меня и растерялся.

—Я молоко принесла, Степанида Васильевна передала.

—Спасибо,— ответил он, ставя сковороду на стол, потом предложил: — Позавтракаете со мной?

Я отказалась, сказала, что уже позавтракала. Потом я осмотрелась. На стене в зале висели фотографии, на которых была одна и та же девушка. Красивое лицо и внимательный взгляд восточного разреза глаз. Фотографий было много. Их количество говорит больше, чем слова. Хозяйка в доме есть, ее любят и берегут. Николай смотрел молча, не сказал ни единого слова, завтрак остывал на столе. Я попрощалась и ушла. На другой день Надежда отвезла меня на автовокзал. Стоя на перроне, она сказала:

—Жаль, я так хотела осчастливить двух людей, одиноких людей, но ошиблась. Прости меня.

—Я люблю тебя, подружка, очень люблю. Знаю, ты хотела добра. Только бывает так, что человеку в одиночестве легче жить, особенно, если его крепко держит прошлое, красивое прошлое.

Я вошла в автобус, заняла свое место. В окно видела, как подруга смахнула слезы и помахала мне рукой. У меня тоже сжалось сердце, я сделала глубокий вдох и выдох. Уютно расположившись в кресле, я задумалась, стало как-то грустно. Было такое чувство, что осталась там часть моей души. Мне не хватало рядом близкого человека, так сложилась жизнь, что в свои сорок, я была одна. Возвращаясь в свою маленькую, однокомнатную квартирку, остро ощущала одиночество. Я даже не могла завести себе кошку или собаку, потому что часто уезжаю в командировки. К мужчинам я относилась с недоверием, не то, чтобы я боялась их, нет. Просто не повезло мне, не в того человека я влюбилась, и моя первая любовь принесла мне боль и разочарование. Незаметно я задремала, очнувшись от того, что кто-то тронул меня за плечо, я открыла глаза. Мне улыбался молодой человек.

—Девушка, приехали,— сказал он.

Я посмотрела в окно, там, действительно, был наш автовокзал.

—Спасибо,— ответила я молодому человеку.

Он обернулся и снова улыбнулся мне. Такси подъехало к подъезду, я расплатилась и вышла из машины. Пока водитель доставал мою сумку, я огляделась, на скамейке сидели наши, всезнающие бабушки. Увидев меня с багажной сумкой, они чуть ли не хором поздоровались со мной.

—Лизонька, откуда ты приехала? А мы думаем, гадаем, куда это наша соседка пропала.

Я ответила им, что была в отпуске и вошла в подъезд. Дом наш старый, хрущевка, поэтому и жильцы в основном пенсионеры. Квартира мне досталась от бабушки, я и этому была рада. Многие мои подруги с семьями ютились в общагах или на съемном жилье. Ночью, лежа в постели, я никак не могла заснуть, в открытое окно веяло ночной прохладой. В голову лезли разные мысли, внутренний голос стал нашептывать, что я поторопилась с отъездом. Я вспомнила глаза Николая, его взгляд, когда мы прощались у калитки. Это был

взгляд уставшего человека. Настоящая любовь, даже, если она трагична, не умирает и остается в сердце навсегда. Николай остался в своем светлом прошлом, и мне нет места рядом с ним. Внутренний голос снова прошептал мне, что нельзя жить прошлым, жить надо настоящим. У меня снова сжалось сердце, я поняла, мне нужен этот чело-

век, мы созданы друг для друга. С этими мыслями я незаметно уснула.

На работе за мое отсутствие ничего не изменилось. Тот же шелест бумаг на столах, те же сосредоточенные лица.

—Как отдохнула?—спросила Лерка, моя подруга, как только я заняла свое место за столом.

—Нормально,— ответила я, выдвигая ящик стола, достала нужные бумаги и положила перед собой.

—Ты не крути, я же вижу, что-то случилось,— вспыхнула она. С Леркой мы дружим с института, который я окончила после техникума, повезло нам даже трудиться в одной конторе. В отличие от меня у подруги была семья. Лерка была счастлива: хороший, любящий муж, двое детей, мальчики. Квартира в новом микрорайоне, машина и даже дача. Не дождавшись ответа, подруга обиженно вернулась за свой стол. Погрузившись в столбики цифр, я не заметила, как пришло время обеда. Спустившись в кафе, я увидела, что она уже сидит за столиком и машет мне рукой, показывая, что обед уже на столе. Я улыбнулась и направилась к ней. Надо отметить, что подруга моя была яркая женщина. Высокого роста, с невероятно длинными ногами и красивой фигурой, она просто вызывала зависть у многих наших сотрудниц. Ее белокурые волосы и серые глаза добавляли очарование ее внешности. Я рядом с ней выглядела серой мышкой, но не расстраивалась, а гордилась своей подругой. Мы уже заканчивали обед, когда она не выдержала и спросила:

—Так что же случилось с тобой? Я тебя не узнаю. Я рассказала ей все. Она выслушала меня, не перебивая. В конце посмотрела на меня внимательно и сказала:

—Что ты думаешь делать?

—Лера, я не знаю, правда, но я хочу видеть его, слышать его голос, чувствовать его руки. Просто хочу быть рядом с ним всегда.

Прошла неделя, и я втянулась в работу, как говорят, вошла в свой ритм. В выходной решила поваляться в постели, в окно светило солнце, наполняя комнату своим ярким светом. Я рассмеялась и подумала, сегодня должно случиться что-то хорошее, интуиция меня никогда не подводила. Словно прочитав мои мысли, зазвонил телефон. Я соскочила с постели и бегом кинулась в прихожую.

—Алло,— бодро сказала в трубку.

—Доброе утро, Лизонька,— услышала я голос Нади.— Как живешь? Почему не звонишь?

Мне стало стыдно, я ведь, действительно, не позвонила ей, когда приехала.

–Прости, Надюша, прости дорогая, закрутилась и забыла,– пыталась я оправдаться.

–Да ладно,– успокоила меня она, я понимаю.

–Я звоню тебе, хочу поделиться радостью. Старшая дочка наша беременная. В станице не поделишься ведь

этим, через полчаса все будут знать, а поделиться хочется,

аж распирает.

Она засмеялась, я поздравила ее.

–Ой, пока не поздравляй, чтобы не сглазить,– в трубке послышался вздох, потом шепот.

Я услышала слова молитвы, а Надя, вздохнув еще раз, сказала мне:

–Тут о тебе один человек спрашивал,– сердце мое забилося часто и громко, а она добавила.– Зря ты уехала так быстро, а мысли мои, оказывается, были правильные. Это я насчет того, чтобы соединить вас.

–Как спрашивал и о чем?– немного успокоившись, спросила я ее.

–Интересовался твоей жизнью. Сказал, что ты хорошая и красивая женщина.

Ну, я ему немного рассказала о тебе. Что ты прекрасный

человек, но не повезло в личной жизни, ты пережила

целую трагедию в любви.

Я замерла от удивления, помолчала и обиженно произнесла в трубку:

–Ты чего там насочиняла, подруга? Какую трагедию? Просто подлецом оказался, расстались без слез.

–Ну вот сама ему все и расскажешь, если мне не доверяешь.

–Да мы, может быть, и не увидимся никогда больше,– тихо ответила я.

–Это как, что не увидите? Ты что, не приедешь на юбилей моего мужа? Отказа не принимаю, отговорок тоже,– в трубке наступила тишина, потом Надя спросила: – Можно твой номер телефона дать Николаю, он попросил.

Сердце мое снова часто застучало, я улыбнулась.

–Конечно можно. Передай ему от меня привет.

–Вопросы все решили, побегу я, дела, надо в Ростов съездить фрукты и овощи девочкам отвезти, да по курочке отец им зарубил. Звони, не пропадай, я всегда рада тебе,–весело сказала Надежда.

–Давай, удачи тебе,– ответила я и положила трубку. Сварила себе кофе, уютно расположилась в кресле, хотелось привести мысли в порядок, потому что в голове все перепуталось. Зато душа моя пела, значит, он тоже думает обо мне. Я счастливо улыбнулась, но тут, вновь вмешался мой внутренний голос, с иронией он сказал мне:

–Глупая, ты что обрадовалась? Чему? Подумаешь, привет ей передали, и номер телефона попросили. А может быть это из вежливости просто.

–Ну вот умеешь ты испортить настроение,– произнесла я вслух, резко поставила чашку на стол и поднялась с кресла.

Подошла к висящему на стене зеркалу, посмотрела на свое отражение, и мне стало смешно, дожилась, сама сама с собой разговариваю.

Шло время, Николай мне не позвонил. Я успокаивала сама себя, что могут быть различные причины для этого, хотя постоянно ждала звонка. Стояли жаркие дни, несмотря на то, что наступил сентябрь. Прохлада наступала только вечером, ночи были ясными, звезды, как миллиарды чистых алмазов, сияли своим голубоватым цветом. Изредка одна из них срывалась с небосклона и стремительно падала, сгорая, не долетев до земли. Говорят, что когда падает звезда, надо успеть загадать желание и оно обязательно исполнится, но, оказывается, это невозможно, просто не успеваешь. Я люблю раннюю осень, ее яркая красота просто очаровывает. Часто возвращаясь с работы, иду через городской парк. Тишина, стоящая кругом, просто успокаивает, под ногами шуршат опавшие листья. Вечером неожиданно зазвонил телефон. Прежде чем снять трубку, выдохнула из себя воздух, подождала мгновение, приложила ее к уху.

—Алло,— спокойно произнесла.

В трубке что-то затрещало, а может быть, это мое сердце так стучало.

—Алло, —услышала я голос Нади.—Здравствуй, Лизонька, это я.

—Здравствуй, Надюша.

—Я хочу напомнить, что в субботу мы ждем тебя.

—Хорошо, я постараюсь приехать.

—Не постараюсь, а чтобы была. Девчонки наши приедут, познакомишься, а то обе спрашивают о тебе.

—Правда, постараюсь, у меня пара отгулов есть, думаю, что Сан Саныч (это наш начальник отдела) отпустит.

—Ну и славненько,—обрадовалась подруга, потом добавила. —Николай звонил?

—Нет, не звонил.

—Как не звонил? Я же ему телефон твой сразу дала.

Может, тебя дома не было?

—Надюша, у меня записываются звонки, не звонил.

—Как же так,—упавшим голосом произнесла она.—Он так обрадовался, когда я продиктовала номер.

—Наверно, передумал или что-нибудь помешало. Ну ты не переживай, я увижу и выясню в чем дело.

—Нет, нет, не надо, ничего не говори ему, я тебя прошу.

—Хорошо, не буду, только приезжай. Позвони когда будешь выезжать, мы тебя встретим.

Мы попрощались, и я положила трубку. В голове все перевернулось, мысли путались. Как же так, взял номер и не позвонил, может, постеснялся, а может, передумал. Наступила среда и сразу с утра я направилась в кабинет Сан Саныча.

—Можно?—спросила я, приоткрыв дверь его кабинета.

В кабинете никого не оказалось, я хотела закрыть дверь, но из-под стола показалась голова начальника.

—Заходи, Елизавета,—ответил он, присаживаясь на стул. Я прошла и присела напротив него.

—Что это?—спросил он, кивая на лист бумаги в моей руке.

—Заявление,— ответила я с улыбкой, стараясь вложить в нее, как больше очарования,—мне нужны два дня и у меня как раз есть два отгула.

—У тебя совесть есть, Елизавета? Ты же недавно из отпуска.

—Сан Саныч, ну миленький, правда, очень надо. Я потом сполна отслужу Вам, не забывайте, скоро отчеты, кому все это делать?— с хитрой улыбкой произнесла я.

—Куда на сей раз отбываешь?

—Все туда же, к подруге на Дон.

—К другу, наверно, посмотрел на меня и, заметив, как я покраснела, уже дружелюбно добавил.

—Ладно, давай свое заявление.

Довольная я вышла из кабинета. Не успела расположиться за столом, как подлетела Лерка.

—Ты зачем ходила к Санычу?

—Заявление подписала на отгулы. Надя пригласила на юбилей мужа.

—Поедешь? А Николай так и не позвонил? Ты его еще не забыла?

Я промолчала, а Лерка, присаживаясь на стул рядом, стала учить меня уму-разуму, потом вздохнула и сказала:

—Эх, жаль, что ты без меня едешь. Уж я бы ему там все сказала. Вот точно, назад он бы с нами приехал.

Я не сдержалась и громко рассмеялась, что все подняли головы и посмотрели на нас. Лерка поспешно ретировалась, шепнув мне:

—После работы дождись меня.

Я кивнула.

—Пройдемся пешком,—сказала мне она, когда мы вышли на улицу.

—Не знаю, какой подарок купить,— сказала я и посмотрела на подругу.

—Не передумала, едешь?

—Нет, еду —улыбнулась я.— Сан Саныч отпустил, правда, с условием.

—Подожди, угадаю,—перебила меня Лерка,—годовой отчет сделаешь сама и вовремя сдашь.

—Ну да,—ответила я, и мы рассмеялись вместе.

—Так что же нам придумать с подарком,— серьезно сказала Лерка и добавила.— У него есть какое-нибудь хобби? Ну чем-нибудь увлекается?

Я пожала плечами, потом вспомнила.

—Надя говорила, что он раньше музыкой увлекался, что неплохо играл на гитаре. Потом она у него сломалась, кто-то брал у них и все, пропала гитара. Подарить бы новую, только где ее сейчас купишь.

Лерка остановилась, посмотрела на меня, потом взяла меня под руку.

—Попробуем достать, есть у меня один человек,— сказала она, таинственно улыбаясь, и потащила меня куда-то. Вскоре мы зашли в музыкальный салон, подруга подошла к продавщице и что-то тихо ее спросила. Девушка кивнула

головой и указала нам на дверь. Лерка постучала, и мы вошли. В маленьком кабинете за столом сидел полноватый седовласый мужчина лет пятидесяти.

—Здравствуй, Роман— произнесла подруга.

Мужчина поднял голову и посмотрел на нас, несколько секунд всматривался, потом встал из-за стола, и широко улыбаясь, произнес с улыбкой:

—Валерия? Каким ветром? Сколько лет, сколько зим,— все это он говорил, обнимая и целуя в щеки, мою подругу.

Наконец, после бурного приветствия, пригласил нас к столу, на котором мгновенно появилась начатая бутылка коньяка и три бокала. Роман суетливо налил немного в бокалы, открыл коробку конфет.

—Девочки, за встречу! Это же, сколько лет мы виделись?— он посмотрел на Лерку,— Лет 20,наверно.

—17 лет,—ответила она и пригубила коньяк.

—А ты не изменилась, дорогая,—он улыбнулся.—Девочки, я так думаю, что не просто так вы зашли в сие заведение

—Рома, нам нужна хорошая гитара. Очень нужна,— сказала Лерка, заметив его удивленный взгляд.

Он немного подумал, потом согласно кивнул и вышел из кабинета. Я взглядом спросила у подруги, кто это? Она мне ответила, что когда-то чуть не вышла за него замуж. Я представила себе Лерку и Романа в паре и засмеялась. Вернулся Роман, в руках держал гитару. Она

была такая красивая, вся переливалась. Он провел рукой по струнам и раздался нежный звук.

—Вам повезло, девочки, одна на складе завалилась. Кто-то заказал, но так и не пришел, вот пригодилась.

Мы еще немного посидели, поболтали и попрощались. На улице Лерка вздохнула и произнесла:

—Какой парень был, талантливый, играл на многих инструментах, у нас все девчонки в школе от одного его взгляда просто умирали.

—Лера, я завтра тебе на работу принесу деньги, а хочешь, сейчас зайдем.

—Нет, меня, наверно, уже дома потеряли.

Она чмокнула меня в щеку, остановила такси.

В пятницу после обеда Надежда встретила меня, и мы снова ехали знакомой дорогой через поля. Картина уже изменилась. Золотистую рожь скосили, поля вспахали. По черной мягкой земле важно ходили птицы, не обращая внимания на шум машины. Это были журавли, впереди у них была долгая дорога домой в теплые края. За всю дорогу мы с Надей говорили, но о Николае не было не сказано ни слова. Из ворот навстречу нам вышла Степанида Васильевна, мы обнялись. Лицо ее покраснелось, от нее исходил запах специй, она смутилась и сказала, что занята на кухне. В саду несколько мужчин ставили столы, слышен был стук молотков. Надя громко окрикнула мужа, оглянулись все. Я почувствовала, как горит мое лицо, а сердце готово выскочить, и заметила Николая. Не знаю, может быть, мне показалось, как радостно блеснули его глаза, на лице появилась улыбка, но он быстро справился с собой и стал приколачивать

доски. Переодевшись с дороги, я предложила свою помощь. Надя провела меня летнюю кухню, где были две женщины, а на печи что-то варилось и жарилось. Одну женщину я помнила с прошлого приезда, а вот вторую видела впервые. Это была очень красивая женщина лет шестидесяти. Настоящая казачка с черными, как ночь глазами, волосы собраны в пучок, как носят местные женщины. У меня мелькнула мысль, что незнакомка очень похожа на шолоховскую героиню Аксинью.

—Я вам помощницу привела,—громко сказала Надежда.—Это Лиза, мы вместе учились, когда были молодыми девушками.

—Какая красивая женщина,—тихо произнесла я.

—Аксинья,—ответила Надя и, заметив удивление, добавила.—Да, да, ее зовут Аксинья. Кстати, это ее мальчика пыталась спасти жена Николая, его потом нашли по течению ниже станицы. После похорон они с мужем уехали. Вернулась недавно, мать ее умерла, муж умер, вот и живет одна.

Вечером, когда все разошлись, мы с Надей сидели за столом в саду, Степанида Васильевна ушла отдыхать, что-то неважно себя чувствовала.

—Можно я с вами присяду?—спросила Аксинья,—Дома одной скучно.

Надя налила еще чашку чая и подала ей. Вечер был теплый, кое-где слышались голоса, это хозяева управлялись по хозяйству.

—Ксюша, все хочу спросить, почему Василий умер? Здоровый ведь мужик был,—обратилась Надежда к Аксинье.

Та помолчала, потом обхватила ладонями чашку, словно хотела согреть руки, вздохнула.

—Смерть Кирюши сломала его. Мы и уехали только потому, что он всюду нам мерещился, куда не пойдешь, видишь его,—смахнув слезы с ресниц, сказала Аксинья, потом продолжила: —Но и на новом месте вся жизнь пошла на перекося. Стал Василий пить, а я так хотела ребенка, но не получалось у нас. Видимо Господь обиделся на нас, что не уберегли Кирюшу. Я даже хотела уйти от мужа, но как увижу его пьяного, незащитного, жалко становится, вот и терпела, любила. Он ведь неплохой мужик и руки с того места у него, что надо по хозяйству, все сделает. Но водка любого свалит, хоть сколь в тебе силы. Так и Вася мой, как напьется, стал в зверя превращаться, руки стал поднимать. Утром проспится, в ногах валяется, клянется, что это последний раз было, что больше ни капли в рот не возьмет и пальцем меня не тронет. Эх, девочки, если бы вы знали, сколько этих клятв было, до первой бутылки. Друзья постепенно все отвернулись от нас, кому нужен такой товарищ. А умер он тоже от водки, сказали, что суррогат какой-то выпили с напарником, оба и умерли. Осталась одна, решила к матери вернуться, ей уже тяжело было самой, да пока собиралась, она померла.

—Да, водка многих хлопцев сгубила,—сказала Надежда.

—Ну тебе это не грозит,—улыбнулась я.—У тебя не запьет.

—Дай Бог,—ответила она и встала со скамьи.—Пойдемте отдыхать, завтра много работы.

Тут мы заметили, как к калитке подошел Николай.

–Вот еще одна моя боль,– горько произнесла Акси́нья. Сердце у меня тревожно застучало, я не удержалась и спросила:

–Почему?

–Да ведь если бы не мой Кирюша, жива бы была его жена и дочка бы была жива. Виноватой себя чувствую, это ведь я тогда отпустила Кирюшу с ребятишками на реку, никогда не пускала, а тут отпустила. Жалко мне Николая. Я ведь хорошо знала Ксюшу, и вся их любовь на моих глазах была. Сидит во мне эта боль, сердце рвет, когда уже знаешь, что ничего не будет, время ушло, а тот, кто нужен был, остался в прошлом и ушел. Теперь больно и правда, что, может быть, могло быть все иначе.

Николай же стоял и смотрел на нас, я поняла, что он хочет, чтобы я подошла. Акси́нья, видимо, поняла, попрощалась и ушла домой. Надежда улыбнулась, сказала мне, что дверь не запрет и вошла в дом.

–Здравствуй, Николай,– сказала я.

–Здравствуй, Лиза,–ответил он и добавил.–Пойдем к реке, поговорим.

Я взяла Надину кофту, что висела на веревке, и мы направились к Дону. Фонари освещали улицу, было так тихо кругом, даже ни одна собака не залаяла нам вслед. У реки было прохладно, я надела кофточку, мы сели на край берега, Николай достал сигареты и закурил. Из – за тучки выглянула луна, осветила гладь воды так, что по воде протянулись серебряные дорожки.

–Я ждал тебя, Лиза,– нарушил он молчание.– Мне Надя дала номер твоего телефона. Не поверишь, сколько раз хотел позвонить, приду на почту, постою и уйду. Думал: « А что я ей скажу?» и уходил. Как мальчишка стеснялся. Я думал о тебе, очень много думал. Надежда успокоила меня, сказала, что ты приедешь скоро.

–А я ждала звонка и тоже думала о тебе.

–Что же теперь будет, Лиза? Я уже не думал, что мое сердце потянется к женщине, не надеялся, что могу быть снова счастлив. А сегодня увидел тебя, и стало так тепло на душе.

–Коля, давай не будем спешить, проверим свои чувства. Мне уже однажды показалось, что я поймала птицу счастья, но не птица это была, а так, все пустым оказалось.

–Я не тороплю тебя, Лиза, конечно нужно время и у нас его много.

Он положил руку на мое плечо, я не отодвинулась, так мы просидели и проговорили до первых петухов. Я рассказала ему, как влюбилась и доверилась молодому человеку. Собиралась за него замуж, но он поиграл моими чувствами и исчез. Я тяжело перенесла предательство и дала себе слово: никогда не влюбляться больше. Николай выслушал меня, потом тихо сказал:

–Я тебя никогда не брошу.

Дверь была приоткрыта, я на пальчиках прошла в зал, где мне было постелено на диване, прилегла и засмеялась тихо, на подушке спал старый знакомый кот. Тихонько его отодвинула, он даже не проснулся, я с наслаждением потянулась,

закрыла глаза и уснула. На другой день приехали дочери со своими мужьями, и Надя познакомила нас.

—Лизонька, вот наши девочки,— она улыбнулась и добавила.
— Наша с отцом гордость: Даша и Маша.

—Здравствуйте,—сказала Даша,—мама столько о Вас говорит, она Вас просто обожает.

—Рассказывала, как вы учились, как жили в общежитии,— подхватила разговор Маша.

—Я тоже очень люблю Надюшу,— улыбнулась я.
Весь день все работали, жарили, парили, резали. Днем один раз зашел Николай, нашел меня глазами и улыбнулся. Ну, естественно, я тоже улыбнулась ему в ответ, и так хорошо стало на душе. Вечером пошли с Надюшей в баню, когда вошли, то я чуть не задохнулась от жары и пара. Я встала и стою, думаю: «Ну все, здесь я останусь», а подруга, уже обнаженная, смеется:

—Не бойся, пошли я тебя попарю веничком, вся усталость пропадет.
Я разделась и пошла за ней, уложив меня на полоч начала
хлестать меня веником, я только вскрикивала. Потом сидели с ней и просто дышали паром, у которого был ароматный запах полевых трав. Надежда посмотрела на меня и говорит:

—Красивая ты, Лиза, тело такое здоровое, рожать тебе надо, обязательно надо, без детей ведь и жизнь пустая, не в радость она. Что Николай тебе говорит?

—Что думал обо мне, хотел позвонить, да стеснялся. Нравится он мне, Надюша, очень нравится. Только все равно страшно, он до сих пор любит свою жену.

—Время покажет, дорогая, только не теряй надежду. Почувствуешь, чтолюбишь, что это твое, тогда борись за свою любовь. Ты думаешь, у меня все просто было, тоже пришлось побороться за свое счастье. Даже город бросила ради него.

На другой день утром я увидела, как из дома Николая вышла Акси́нья и заспешила к калитке, но увидела меня и подошла к забору.

—Доброе утро, Лиза, а я вот от Николая, брюки принесла его. Купил себе новые, а они длинноваты ему, попросил меня укоротить. Я ведь раньше обшивала всю станицу. Не знаю, что она увидела в моих глазах, но мягким голосом произнесла:

—Не переживай, девонька, не пара я для него, ему такая как ты нужна.
Она улыбнулась своей красивой улыбкой и вышла на улицу. К обеду начали собираться гости, в саду, где были накрыты столы, стало шумно. Из колонок разносилась далеко за пределы улицы музыка. В комнату, где одевалась я, вошла Надежда. На ней было легкое бирюзовое платье, которое очень шло к ее глазам. Темные волнистые волосы были уложены в прическу.

—Ты что, еще не готова?—спросила она и ахнула, когда я повернулась к ней.—Какая ты красавица сегодня! Я смутилась, а в душе поблагодарила Лерку, это она настояла на зеленом платье. Мне оно не очень понравилось, но подруга убедила меня, что оно мне очень идет, продавец согласна была с ней. Гостей было много, Николай дал мне знак, что занял место для меня. Я присела рядом с ним,

чувствуя на себе множество взглядов, но потом взяла себя в руки, подняла голову, посмотрела на Николая. Он все понял и ободряюще улыбнулся мне. Праздник начался с поздравления дочерей, они вместе с мужьями показали интересное выступление с переодеванием в костюмы. Гости говорили очень много добрых слов юбиляру, Павел очень смущался. Высокий, крепкий мужчина краснел как мальчишка, принимая поздравления. Дарили в основном конверты, были и подарки. Я очень волновалась, ругала себя, что лучше ничего не придумала, как купить гитару. Вспомнила, как смеялась Надежда на автовокзале, когда я вышла с ней из автобуса.

–Лиза, это для Павла подарок?

Я кивнула головой, она засмеялась и сказала:

–Будем теперь слушать романсы,–потом уже серьезно добавила,– думаю, что он будет рад.

Я вернулась в действительность и дала знак подруге, она принесла мне подарок. Волнуясь, я поздравила Павла с юбилеем, пожелала ему всего и много, потом сказала:

–Я знаю, что ты увлекаешься и любишь музыку, неплохо играешь на гитаре. Это очень хорошо, потому что музыка – это язык, на котором душа говорит с душой. Она заставляет нас радоваться и плакать, любить и ненавидеть. Дарю тебе этот музыкальный инструмент и очень надеюсь услышать, как ты играешь на нем. Павел не ожидал такого подарка, растерялся, вытащил гитару из чехла и нежно провел по грифу пальцами.

–Спасибо, Лизонька, это, правда, для меня неожиданно и приятно.

–Павел, давай, попробуй струмент,– громко сказал какой-то дедуля.

–Обязательно, услышите мою игру, еще и спою вам. На смену поздравлениям пришли песни, надо сказать, что петь здесь умеют красиво и душевно. Запевалами были Николай и Аксиныя, у обоих были сильные голоса и отличный музыкальный слух. Песни были мне не знакомые, поэтому я слушала, иногда стараясь подтянуть

Вдруг какая-то шустрая казачка выскочила из-за стола и громко крикнула баянисту:

–Эх, родимый, давай нашу, ноги просятся в пляс. Гости оживились, повернулись к ней, кто-то сказал:

–Ну сейчас Наташка покажет класс.

Баянист выпил, поднесенную ему рюмку, махнул головой и растянул меха, под веселую казачью музыку плясунья подняла вверх руки и, покачивая бедрами, прошла по кругу, потом остановилась возле молодого парня, топнула ногой, приглашая в круг. Парень засмущался, но кто-то легонько толкнул его к плясунье. Он лихо обошел ее, раскинул руки, присел на корточки и вприсядку сделал круг. Наталья не отставала от него, она крутилась, вертелась, делая ногами различные па, просто летала по кругу, притоптывая каблучками. Искрометный, зажигательный танец, когда он закончился, плясунья присела на скамью, грудь ее просто вздымалась от частого дыхания.

–Молодцы!–закричали зрители и захлопали в ладоши.

Баянист, довольно улыбаясь, снова растянул меха, и полилась красивая музыка медленного танца, Николай протянул мне руку, я встала и мы влились в круг танцующих пар. Танцевал он превосходно, ловко обходя другие пары. Я чувствовала на своей спине его сильную и горячую руку, от волнения кровь ударила мне в голову и я пошатнулась. Он прижал меня к себе и шепнул на ухо:

— Не волнуйся, все хорошо.

Потом мы еще много танцевали, я чувствовала себя рядом с ним уже свободней. Веселье продолжалось, когда начало темнеть, в саду включили множество разноцветных лампочек, что привело всех в восторг. Постепенно люди стали расходиться, у всех хозяйство и, значит, дома ждут дела. Кому некуда было спешить сидели за столом, женщины тихо напевали свои казачьи песни, а мужчины о чем-то горячо спорили. Вдруг раздались аккорды, все повернули головы. На крыльце сидел Павел и настраивал гитару. Через некоторое время мы услышали нежную музыку, я сразу ее узнала, это был романс «Ночь светла». Играл Павел превосходно, Надежда присела рядом с мужем и тихо стала подпевать. Я молча слушала, это был любимый романс моей матери, внезапно душу охватила какая-то тоска. Потом пели все вместе песни нашей молодости. Наконец Павел положил ладонь на струны.

— Чудесный подарок, — он посмотрел на меня и добавил. — Спасибо, Лиза. Я думал, что уже разучился играть, но помнят пальчики, все помнят.

Спать мы легли поздно, надо было убрать со столов и перемыть всю посуду. Николай, когда уходил, долго держал мою руку и внимательно смотрел на меня, словно хотел что-то сказать. Я догадывалась, что сейчас творится в его душе, но не хотела торопить события. Попрощавшись, я вернулась помочь подруге.

— Ну как у вас дела? — вытирая тарелки, спросила меня Надежда.

— Да никак, — ответила я.

— Ты когда назад поедешь?

— В понедельник утром.

— Поговорить вам надо, что вы все молчите. Я видела сегодня, как он смотрел на тебя, когда вы танцевали, — сказала она.

— Ты прямо как Лерка говоришь, — ответила я и улыбнулась, — та тоже советует «братъ быка за рога».

— Права твоя Лерка, — вскипела Надежда, — есть мужик, значит, хватай, а то так одна и останешься. Возле него, знаешь, как бабы наши одинокие крутятся. Одной забор поправить, другой замок вставить. Хороший ведь мужик, а то, что старше, так это ничего. Подумаешь восемь лет, Паша тоже меня ведь старше, а ничего, жизнь прожили. Дочек

подняли, вот внука или внучку ждем. И тебе ребенок нужен, Лиза.

Так за разговорами убрали со столов, перемыли посуду. Лежа на диване, я снова прокрутила в голове наш разговор, но так ни к чему и не пришла. В воскресенье небольшой компанией на берегу Дона устроили пикник. Горел костер, в казане варилась уха, а рядом на мангале жарились шашлыки. Пока все варилось и жарилось, мужчины решили поплавать, они заспорили, кто переплывет реку,

загорелись азартом и кинулись в воду. Не знаю, чем бы закончился спор, но вмешался рассудительный Николай и убедил их, что не стоит рисковать после такой дозы выпитого алкоголя. Успокоившись, все присели к столику, где уже дымилась ароматная уха, на большом блюде лежали шашлыки. За разговорами, тостами и едой день прошел незаметно. Сгущались сумерки, и мы стали собираться. По дороге домой Николай шепнул мне:

–Ты завтра уезжаешь, давай проведем вечер вместе.

Я немного подумала и согласно кивнула, потом подошла к Надежде.

–Надюш, не закрывай дверь, я приду поздно.

Она улыбнулась понимающе и шутливо произнесла:

–А может, совсем не придешь?

Потом, видимо, поняла, что сказала глупость, поправилась:

–Хорошо, я не буду закрывать дверь, а калитку ты знаешь, как открыть.

Мы с Николаем незаметно отстали и вернулись на берег.

–Искупаемся?–спросил он.

–Нет, ты что, вода холодная уже, не лето ведь.

Он рассмеялся, разделся и бросился в воду. В свете луны я видела, как он плыл, как играли его мышцы, когда его тело оказывалось над водой. Вскоре он направился к берегу. Мокрое смуглое и сильное тело так и притягивало к себе. Я не могла оторвать взгляда от него. Николай оделся, от воды повело прохладой, я поежилась, он обнял меня.

–Пойдем ко мне, согреемся горячим чаем,– с улыбкой сказал он.– А может, и покрепче что найдем.

А мне стало так хорошо рядом с ним, так спокойно, что позови он меня сейчас хоть куда, я пойду не раздумывая. Мне вдруг стало все равно, что обо мне подумают. Я живу для себя, сейчас я счастлива и я радуюсь этому. Мы вошли в дом, Николай засуетился сразу, я предложила помочь, он улыбнулся и отказался. Я присела на стул возле стола и огляделась. В комнате ничего не изменилось, портреты его жены продолжали висеть на стене. Где-то в глубине души у меня неприятно что-то шевельнулось. На столе появился горячий чайник, бутылка домашнего вина, печенье, сахар и бублики, их холодильника он достал колбасу и на тарелке жареную рыбу. Извинившись за скромный стол, Николай присел напротив меня и налил в стаканы немного вина. Я взяла стакан, поднесла ближе, и в нос ударил приятный аромат, вино оказалось вкусным, полусладким. Сделав несколько глотков, я поставила стакан на стол.

–Очень вкусное вино,–сказала я.– Сам делал?

–Да, винограда в прошлом году было очень много, вот и нашел ему применение,– рассмеялся он.

Мы пили вино, много говорили, по телевизору шел какой-то фильм. Я внимательно слушала Николая, но никак не могла избавиться от чувства, мне казалось, что мы не одни, кто-то наблюдает за нами.

–Ты уже, наверно, слышала, что меня называют здесь « Бирюк», волк-одиночка. А я, правда, одиночка. Мать умерла, я еще совсем маленький был, а отца вообще не помню. Вырастила меня бабка, моей матери мать. Тетка еще

была, сварливая и злая такая была, не любил я ее. Бабку мою не очень любили в древне, даже боялись ее, считали колдуньей, а она травы все знала, любую болезнь могла вылечить, порчу или заговор снять. А я рос сам по себе, так и вырос. Ласточка вдохнула в меня жизнь, желание жить. Правда, родителям ее я не нравился, не та социальная прослойка. Знаешь, они меня считают виновным в смерти дочери. Говорили, если бы я не встретился Ксюше, то она бы была жива. Может быть и так.

Николай посмотрел на портрет жены. Уже была глубокая ночь, и я встала, чтобы уйти. Он подошел ко мне, посмотрел в глаза.

—Ты действительно хочешь уйти, Лиза?

Я стояла и молчала. Тогда Николай поднял меня на руки и унес в другую комнату, положил меня на постель. Мне страшно было открыть глаза, но когда он стал целовать меня, я уже не смогла владеть собой. Тело мое, соскучившееся по ласке, отдалось полностью этому сильному и нежному человеку. Изможденные страстью и любовью, мы, наконец, заснули. Когда я проснулась, в окнах серел рассвет, я повернулась и заметила, что Николая нет рядом. Обернувшись простыней, я тихо вышла в большую комнату. Николай стоял у стены ко мне спиной. Он смотрел на портрет, до меня донесся слабый стон. Я также тихо вернулась в спальню и стала одеваться.

—Ты что так рано проснулась?—спросил он, обхватив меня руками.

—Мне пора,—торопливо ответила я.—Надя меня, наверно потеряла.

—Надя очень умная женщина и все понимает.

—Нет, нет,—сказала я и выскользнула из его объятий.— Я пойду, мне надо.

Он не стал меня удерживать, я выбежала из калитки, через несколько минут я уже лежала на диване, рядом кот, которому не понравилось мое вторжение на его территорию. Видимо я заснула, потому что меня разбудила подруга.

—Вставай завтракать и я тебя отвезу на автовокзал, мне все равно надо по делам в город.

Когда мы сели в машину, я заметила, что со своего двора за нами наблюдает Николай. Я помахала рукой и закрыла дверцу, машина тронулась с места. Некоторое время мы ехали молча. Наконец Надежда не выдержала.

—И что это было сейчас?—спросила она.

—Где?

—У дома. Помахала рукой и тишина. Что-то не так?

—Все так.

—Слушай, не юли,—она резко остановила машину.

Я удивленно посмотрела на нее.

—Было у вас?

—Было.

—А что тогда убитая такая? Не понравился он тебе? Ну, я имею в виду, как мужчина, как партнер.

—Нет, все хорошо,— и тут меня прорвало.—Он хороший, сильный, нежный, но любит он жену, и всегда будет любить. Ты бы видела, как он смотрит на ее фотографии, ведь ими у него все стены обвешены.

—Что он тебе говорил? Ведь в такой момент мужики такие ласковые слова откуда-то находят.

—Нет, ничего он не говорил.

—Ну хоть целовал?

—Да,—ответила я и почувствовала, как загорело мое лицо.

—Ну слава Богу, а то уж я испугалась,—улыбнулась Надежда, и машина снова тронулась вперед. На вокзале Надежда как-то странно посмотрела на меня и сказала:

—Не хотела говорить, но скажу,— она немного помолчала, потом продолжила.— Ты уж не считай его таким святым, все мы не без греха. А то сейчас надумаешь себе, черт знает что. Он мужик здоровый, естественно, что потребности есть. Бегают к нему Наталья, ну плясунья, помнишь? Но, видимо, не любит он ее, а то давно бы уже решился, Наталья в тот же миг бы перешла к нему, да не зовет он ее. Вот на тебя по— иному как-то смотрит, я видела. Что-то есть у него к тебе. Ты не спеши принимать решение, дай ему время, да и себе тоже. А то, что фотографии жены висят, ты тоже пойми, отойдет он сердцем, боль уйдет. Ты ему в этом поможешь, своей любовью, в которой я уже не сомневаюсь.

Мы попрощались с подругой. Уже в автобусе, прикрыв глаза, я думала о словах Надежды. Может, я действительно придумала себе эту любовь. После Вадима у меня не было никого. Предательство опустошило мою душу, я потеряла веру, боялась любви. Конечно, в моей жизни были мужчины, но серьезных отношений я избегала. И вот встретился Николай. Почему-то с первой встречи, я поняла, что это он, кого я ждала. Права Надежда, что надо подождать.

На работе начались горячие дни: сверки, отчеты. Уставала очень, домой приходила, ужинала и падала в постель. Однажды Лерка спросила, глядя встревоженно на меня:

—Что с тобой происходит? Ты сама на себя не похожа. Ты себя хорошо чувствуешь?

—Просто устала, наверно. Слабость какая-то.

Я не стала говорить, что у меня задержка на десять дней уже, потому что не знала: радоваться мне или нет. Записалась на среду к врачу.

—Ты не рассказала мне, как съездила на юбилей. Говорила с Николаем? О чем вы говорили?

—Лера, давай завтра, поговорим, завтра выходной, приходи ко мне, и посидим, как раньше.

—Хорошо, мои мужики что-то там свое наметили, так что я свободна, приду часиков в двенадцать.

К двенадцати я успела навести порядок в своей маленькой квартирке и даже пожарила картофель. Любимое кушанье студентов нашего курса. Вспомнила, как набивалась наша комната голодными мальчишками, и на столе появлялась

большая сковорода с дымящимся жареным картофелем. Серая булка хлеба и горячий чай моментально разметались со стола. Потом были споры, перерастающие в настоящие диспуты, которые заканчивались далеко за полночь. В прихожей прозвенел звонок, я открыла дверь, на пороге стояла, улыбающаяся Лерка с пакетом в руках. Чмокнув меня в щеку, сняла куртку и напрямик направилась на кухню.

—Картошечкой пахнет,—сказала она,—это хорошо.

Из пакета достала бутылку вина и пластиковую коробочку.

—Значит, гуляем,—рассмеялась она, присаживаясь на табурет.

После того, как выпили по бокалу вина и съели салат из коробочки, Лерка налила нам по чашке кофе.

—Ну а теперь, давай рассказывай. Все рассказывай, я внимательно слушаю.

Я рассказала ей все, ничего не скрывая. Рассказала, что осталась с ним на ночь. Подруга немного помолчала, потом произнесла:

—Я так и думала, твое состояние в последние дни подтверждает это, а сейчас я уверена в своих догадках. Что думаешь делать с беременностью?

—Ты думаешь, что я беременна? Правда сама записалась на прием к врачу в среду.

—Беременна и это точно, поверь мне, я тебе и без врача это скажу.

Мои руки произвольно легли на живот, я, ладонями тихонечко поглаживая живот, прошептала:

—Боже, неужели это правда? Я буду мамой, это правда?—посмотрела на Лерку. Она, улыбаясь мне, ответила:

—Конечно, будешь, и я думаю, что ты будешь хорошей мамой. Николаю скажешь?

—Не знаю, пока не знаю.

Мы еще посидели, поболтали, потом я проводила ее до такси. Вернувшись в комнату, остановилась возле зеркала, покрутилась перед ним, представила себя с животиком и засмеялась. Шли дни, приближались новогодние праздники. Я была занята отчетом, приходилось задерживаться на работе. Лерка однажды не выдержала и подошла ко мне.

—Ты совсем с ума сошла? Не жалеешь себя, пожалей ребенка хотя бы.

—Лера, у меня все хорошо. Врач сказала, что беременность протекает просто отлично.

—Я вижу, как отлично она течет, похудела так, что кости торчат.

—Ну не ругайся, правда, все хорошо, да и отчет я уже закончила и отнесла Сан Санычу.

Подруга успокоилась и спросила:

—На праздники снова поедешь туда?

—Нет, хочу остаться дома.

—Может, к нам придешь? У нас никого не будет, решили встретить своей семьей, никаких гостей.

—Спасибо, Лера, но, правда, хочу побыть одна.

–Хорошо, я тебя понимаю, но первого, чтобы пришла. Я согласно кивнула головой. По дороге домой зашла в магазин, купила продукты, на улице парнишка продавал еловые ветки, и я купила одну. Дома налила в вазу воды, поставила туда лесную гостью. Вечером зазвонил телефон, у меня даже сжалось сердце.

–Я слушаю,—сказала я в трубку.

–Здравствуй, Лиза!— я замерла, услышав голос,

–Алло, Лиза?

–Здравствуй, Николай,—с дрожью в голосе, ответила я.

–Как ты живешь?

–Все хорошо,—уже спокойно ответила я.

–Как и где будешь встречать Новый год?

–Нигде, дома буду.

–Одна?

–Да.

–Может, приедешь?

–Я не могу, Николай.

–Можно я к тебе приеду? Мне многое надо тебе сказать.

На мгновение у меня перехватило дыхание, я не знала что ответить.

–Лиза, почему ты молчишь?

–Приезжай, конечно, приезжай,—слова сами вырвались у меня. Я рассказала ему, как доехать ко мне.

Закончив разговор, положила трубку, и почувствовала приятное волнение. Вдруг почему-то вспомнила Вадима— свою первую любовь, закончившуюся полным разочарованием. И теперь мое настороженное сердце боялось того влечения, которое возникло у меня к Николаю.

–Все будет хорошо, успокойся, —тихо сказала я сама себе, иначе быть не может. Завтра Новый год.

Я осмотрела свою квартиру и осталась довольна собой. Все чисто, все блестит, на окне новые шторы. Холодильник забит салатами, закусками, фруктами. В морозилке бутылка шампанского, подарок Лерки. Ее муж был в командировке в Италии и привез две бутылки. Одну подруга подарила мне, когда узнала, что приедет Николай. Я, естественно, не хотела брать, но она сама ее привезла. Вечером позвонила Надежда.

–Лизонька, привет, дорогая! С наступающим тебя! Голос у нее был бодрый и как всегда ласкал слух. Мы немного поболтали. Она ни слова не сказала про Николая, я тоже промолчала. Утро 31-го началось со звонков. Звонили коллеги по работе, однокурсники, с которыми до сих пор поддерживали отношения, я отвечала и принимала поздравления. На улице была прекрасная погода. Падая снег пушистыми хлопьями, тихо покрывая все вокруг белым легким покрывалом. Ближе к обеду в дверь позвонили. Я ждала звонка, но он все равно оказался неожиданным. Глубоко вздохнула и выдохнула, открыла дверь. На пороге стоял Николай, с огромным букетом алых роз.

–Можно войти,—спросил он.

Я кивнула головой. Пройдя в прихожую, он подал мне букет, снял куртку. Видя мое смущение, улыбнулся.

—Здравствуй, это ничего, что я напросился к тебе в гости?

—Ничего, мне очень приятно видеть тебя у себя. Проходи.

В комнате я поставила букет в вазу. Николай подошел и обнял меня, я повернулась к нему и мы встретились взглядом. Снова смутившись, я спрятала лицо у него на груди. Взяв меня за подбородок, он стал нежно меня целовать, а я всем своим существом потянулась к нему, отвечала на поцелуи. Наконец, я тихо вывернулась из его объятий.

—Ты голоден?

—Нет, спасибо,—ответил он, присаживаясь на диван. По телевизору шел фильм «Карнавальная ночь», я присела рядом, положила голову ему на плечо. Немного помолчав, он произнес:

—Я много думал, Лиза, после той ночи. Понимаешь, когда уходит любимый человек, уходит навсегда, и ты знаешь, что ничего уже не будет, впереди мрак и пустота. Так я жил много лет. Я грешен, сознаюсь, были у меня женщины, но, поверь, для меня они были все на одно лицо. Сейчас я даже и не вспомню их. Когда я увидел тебя, во мне тут,—он показал на сердце,—что-то щелкнуло. После разговора с тобой, я понял, что ты та, которая вернет меня к жизни, именно тебя я ждал. После ночи, что мы провели с тобой, я сказал себе, что все равно ты будешь моя, чего бы мне это не стоило.

Я слушала его, не перебивая, сердце мое, казалось, выскочит сейчас, так стучало в груди.

—А Наташа? Ее ты тоже не помнишь?—вырвалось у меня.

—Надежда сказала?—улыбнулся он.—Не переживай, это совсем не то, что ты думаешь. Это просто случай, больше не было и не будет.

Взглянув на часы, я воскликнула:

—Новый год прозеваем, давай стол накрывать. Вдвоем мы быстро выставили из холодильника все на стол. Николай достал из пакета, с которым приехал шампанское и коробку конфет. Я из морозилки достала холодное шампанское, подарок Лерки. В это время началось поздравление Президента, Николай налил в бокалы холодное игристое вино. Под звон курантов мы подняли бокалы. Выпив, он поставил пустой бокал и сказал:

—В новый год с чистой душой, с новым счастьем, Лиза!

—Николай, я выслушала тебя, я верю тебе, но я тоже хочу в новый год войти с чистой душой. Я не знаю: обрадует тебя или огорчит это, но тебе надо это знать,—я посмотрела на него и заметила, как он замер,—та ночь, что была у нас, изменила мою жизнь, а может, и твою. Я беременна.

После моих слов, он подхватил меня на руки, стал целовать, на его глазах я заметила слезы.

—Лизонька, значит, ты выйдешь за меня замуж, ты родишь мне ребенка! Боже, я даже не мечтал об этом. Выйдешь за меня?

—Ну ты же не сказал мне еще главные слова,—ответила я и внимательно посмотрела ему в глаза.

—Какие слова надо сказать?

—Скажи, что ты меня любишь!

Я сказала это совершенно серьезно, продолжая смотреть ему в глаза. Николай же, не отводя взгляда, с улыбкой произнес:

—А я люблю тебя, Лиза. Люблю, оказывается с первой встречи, я сам это понял недавно. Люблю и бесконечно благодарен тебе за то, что слышу, как Дон шумит под кручей, вижу, как звезды в нем купаются.

Поцелуй наш прервал длинный и настойчивый звонок. Трубку взял Николай, прижав палец к губам, сделал мне знак «тихо». Я улыбнулась в ответ, включила громкую связь.

—Алло,—серьезно произнес он в трубку,—я слушаю.

—Ой, а кто это?—услышала я голос Надежды,—куда я попала? Но все равно, с Новым годом Вас. Извините.

—Спасибо! И Вас с Новым годом!—не выдержал Николай и засмеялся.— С Новым счастьем, Надежда!

В трубке послышался чей-то шепот, смех, потом голос Надежды:

—Николай, это ты что ли?

—Я, я собственной персоной.

—Ты как туда попал? И что ты там делаешь?

—Встречаю Новый год с женой.

—Ничего не понимаю, дай-ка мне Лизу,—строгим голосом произнесла Надежда. Я взяла трубку, приложила к уху и услышала, как она тихо говорит Павлу новость, услышанную только что.

—Алло, с Новым годом, подруга. С новым счастьем! Я что-то пропустила? Когда ты успела стать женой?

Я думала, что мы правда подруги,—обиженно произнесла Надежда.

—Да Николай шутит,—ответила я и взглянула на него, а он сделал злую гримасу на лице, я громко засмеялась, потом произнесла в трубку.—Все узнаешь, не обижайся, так все неожиданно случилось.

—Почему он у тебя?

—Я пригласила его.

—Да? Хотя молодец! Увидимся и поговорим. Еще раз с Новым годом вас!

—С Новым годом!—сказала я и положила трубку.

—Пойдем отдыхать, я вижу, что ты устала от всего,—с заботой сказал Николай. Я и правда очень устала, едва голова коснулась подушки, и я провалилась куда-то. Проснулась от того, что Николай в прихожей с кем-то разговаривал по телефону. Я посмотрела на часы, было почти десять утра. «Ничего себе поспала», подумала я. В это время в комнату вошел Николай.

—Нас ждут в гости,—сказал он,—полчаса на сборы.

—Лера звонила?—спросила я.

—Да именно так она представилась. Мы немного поболтали, и мне кажется, что я ей понравился. Так мы идем?

—Конечно, идем,—ответила я,—только душ приму.

—А мне можно с тобой?

—Нет, нельзя,—испуганно произнесла я и побежала в ванную.

Стоя под душем, я улыбалась, чувствуя себя безмерно счастливой. Вдруг почувствовала, как меня гладят по спине. От неожиданности я вскрикнула и повернулась. Совершенно нагой Николай стоял передо мной, в руках держал мочалку.

—Миледи разрешит мне помыть ей спинку?

Я молча повернулась к нему спиной, лицо мое горело.

Закончив мыть спину, он повернул меня к себе и стал целовать мое лицо, шею. От наслаждения я страстно отвечала на его ласки. Мы любили друг друга под потоками— воды, задыхаясь от страсти.

—Боже, как же мне хорошо с тобой,—почти шепотом произнес Николай,—ты божественная женщина, я буду любить тебя всегда.

По пути зашли в магазин, купили кое-что из продуктов, и через несколько минут мы позвонили в дверь подруги.

—Слава Богу, прибыли,—сказала Лерка, пропуская нас в прихожую.—А то уже и поесть хочется.

Стол уже был накрыт, ждали только нас. Я представила Николая, и вскоре мы уютно расположились все за столом. Было много новогодних тостов, от души смеялись. После завтрака мужчины вышли на лоджию, прихватив с собой бокалы с коньяком и сигареты. Уютно устроившись, они мирно о чем-то говорили. Было видно, что эти два человека нашли общий язык и тему для беседы. Лиза с Леркой сидели за столом, перед ними стояли две чашки еще дымящегося ароматного кофе. Подруги смотрели, как мальчики устроили автогонки по квартире, подаренными им машинами на управлении. Мальчишки просто захлебывались счастливым смехом, в комнате стоял рев моторчиков. Лиза с улыбкой смотрела и вдруг поняла, что очень хочет сына. Вот такого же шустрого, с торчащими вихрами, веселого мальчугана. Внезапно она почувствовала, как что-то живое шевельнулось внутри нее в правом боку, под самой печенью. Она положила руку на живот, шевеление повторилось, потом почувствовала легкий толчок. Это было так приятно, ее охватила нежность, неизвестная ей. Она громко засмеялась, Лерка удивленно посмотрела на нее, и, видимо, по счастливым глазам все поняла.

—Мальчик будет,—сказала она,—у меня с обоими так было, тоже в правом боку.

—Лера,—серьезно ответила Лиза,—я очень хочу сына.

—Значит, будет сын,—уверенно произнесла Лерка.

Она встала, подошла к лоджии, постучала в стекло.

—Мужчины, есть повод поднять бокалы.

Удивленно переглянувшись, они вернулись к столу.

—Что случилось?—спросил муж Лерки.

—У Лизы зашевелился сын,— улыбнулась она, посмотрела на Николая и добавила.

—Теперь ты точно скоро станешь настоящим отцом.

Смутившись, он встал, обошел стол, подошел к Лизе, обнял и долго целовал ее.

—Ты должна выйти за меня замуж и как можно скорее.

—Через два месяца, не раньше, таков Закон,—тихо ответила Лиза.

—На каждый Закон найдется маленькая лазейка,— произнесла Лерка, вставая из-за стола,— это я беру на себя. Вас распишут в любое время.

Николай взглянул на нее и у него радостно блеснули глаза. Еще немного посидев за праздничным столом в компании этих хороших людей, Лиза с Николаем вернулись домой.

—Как хорошо дома,—довольно потягиваясь, сказал Николай.

Он только что принял душ. Тело, накаченное прекрасной мускулатурой, бронзовый загар, так и притягивали взгляд Лизы. В этот момент она подумала, что он и только он сделает ее счастливой. Как она была наивна, когда считала, что только Вадим мужчина ее жизни, а потом его предательство и конец всем мечтам. Сейчас, глядя на Николая, она подумала, что он никогда не предаст. Он другой и любит ее, а она носит их ребенка. После душа Лиза прилегла к нему на диван, положив голову ему на колени, а он нежно поглаживал ее волосы, целуя пряди волос. Они смотрели фильм о встрече двух молодых людей в новогоднюю ночь. История закончилась очень хорошо, влюбленные были счастливы. Лиза вздохнула, улыбнулась, ведь и она обрела счастье в новогоднюю ночь. Николай, по приказу Лерки, остался на несколько дней. Подруга серьезно занялась устройством их счастья. Неожиданно она позвонила через три дня и сообщила, что она, как настоящий друг их семьи, устроила все, что обещала. В обед Лиза с Николаем подъехали к ЗАГСу, где их ждали уже Лерка и ее муж, они были свидетелями. Лерка ободряюще оглядела подругу и осталась довольна. Лиза, и правда, выглядела прекрасно. Голубое платье свободного покроя прикрывал животик. Волнение выдавали щеки, которые предательски горели розовым румянцем. Николай тоже заметно волновался. Вдруг он растерянно оглянулся, до него вдруг дошло, что невеста без цветов. Но по какому-то невидимому волшебству в руках Лизы появился букет белых роз. Николай благодарно улыбнулся Лерке. Вскоре все спускались по ступеням ЗАГСа, белые хлопья снега кружились в воздухе, тихо падая под ноги.

—Ну, ребята, теперь к нам,—сказал Олег.

Они сели в такси и вскоре были у них. Войдя в квартиру, Лиза потеряла дар речи. В комнате был накрыт шикарный стол, все было готово к приему гостей. Лиза с нежностью обняла подругу, прижалась к ее щеке.

—Спасибо, дорогая, ты самая лучшая подруга, спасибо. Вечер прошел очень весело, получилась настоящая маленькая свадьба. Николай много шутил, просил чаще кричать «горько»! С удовольствием нежно целовал жену. Лиза вся светилась от счастья, она до сих пор не верила, что все это происходит с ней. Домой вернулись поздно. На площадке со смехом долго возились с замком,

пытаясь открыть дверь, но все время предательски падал ключ. Наконец они вошли, и в это время зазвонил телефон, Лиза подняла трубку.

–Алло, я слушаю.

–Это я тебя слушаю,–послышался в трубке голос Надежды.–Что у вас там происходит? Где Николай? Здесь Аксинья уже вся извелась, переживает. Она же за домом смотрит, печь протапливает.

При имени Аксинья, у Лизы неприятно что-то шевельнулось в сердце. Она почувствовала укол ревности, но быстро взяла себя в руки, вспомнив разговор с Аксиньей. Она хотела ответить Надежде, но вмешался Николай, видимо, что-то прочел в глазах жены и взял трубку.

–Надежда, с Новым годом! Что такое сказала моей жене, что у нее потухли глаза?

–Да ничего я такого не сказала, просто думаю: не задержался ты там в гостях?

–Никак нет, да и не в гостях я, а дома со своей женой. Мы сегодня поженились, можешь поздравить нас.

В трубке послышался удивленный и радостный возглас, потом она снова голос:

–Мы поздравляем вас, очень рады, счастья и любви вам!

–Спасибо, только у меня просьба: пока никому не говори.

–Хорошо, молчу, как рыба об лед,–рассмеялась в трубку Надежда.

Николай положил трубку, обнял, подошедшую Лизу, она уже успела переодеться.

–Завтра едем домой,–произнес он.

–Но мне на работу.

–Тебе положено три дня, напишешь заявление.

Она согласилась и утром позвонила Сан Санычу и попросила неделю, так как она вышла замуж. Сказать, что он был в шоке – это, значит, не сказать ничего.

–Елизавета, ты снова меня просто убиваешь.

–Сан Саныч, ну почему? Год закончен, отчеты сданы, все хорошо. Можно я выйду замуж так, как положено?

–Ладно, Елизавета, выходи замуж,– потом, подумав, добавил.– Это что получается? Ты ведь теперь, наверно, уедешь к мужу? Или сюда его перетащишь?

Лиза рассмеялась в трубку.

–Конечно же, я уеду. Но не переживайте, до декрета я доработаю.

–До декрета? Доездилась, голубушка на Дон, а я думаю, чего это ты мотаешься туда. Ладно, устраивай свою жизнь. Конечно, мне тебя будет не хватать, привык я к тебе. Как думаешь, кого мне вместо тебя поставить?

–Лерку, конечно. Извините, Валерию Евгеньевну. С ней Вам будет спокойно и легко. Она исполнительная, добрая и ответственная очень.

В трубке несколько секунд было тихо, потом Сан Саныч серьезным голосом произнес:

–Ладно, пусть так и будет, кстати, я тоже о ней подумал. Ну а тебе даю пять дней, надеюсь, что достаточно будет времени уладить все дела. Счастья тебе, хороший человек ты, жаль расставаться.

Когда вошли в дом Николая, в глаза сразу бросилось, что стены были пусты, все портреты жены Николая были сняты. Только на комодѣ стояло фото в рамочке, сделанной из речных ракушек. Ласточка на фотографии смеялась, закинув голову, фотограф искусно передал мимику лица, казалось, еще миг и мы услышим смех. Николай, заметив, что я смотрю на фото, вопросительно посмотрел на меня.

—Хорошее фото,— сказала я,—очень хорошее.

—Рамочку я сам сделал,—он улыбнулся и добавил,—убрать?

—Нет, зачем, пусть стоит.

—Как это назвать?—послышался голос Надежды.

Я обернулась и увидела подругу, мы обнялись.

—Приехали тихонечко, словно прячетесь,—обиженно произнесла она.

Мы переглянулись с Николаем и улыбнулись. Надежда, стараясь быть серьезной, сказала:

—И ничего смешного нет,—потом посмотрела на меня и добавила —А беременность тебе идет, красивей стала даже. Я девчатами ходила, так меня всю разнесло, нос картошкой стал, да еще пятна по лицу пигментные были. На улицу не хотелось выходить даже. Боялась, что Пашка бросит или загуляет.

—Да твой Пашка на баб и не смотрит, словно боится их, одна ты для него, —произнес Николай и вышел на улицу.

—Ладно, чего зря вспоминать то, что давно было. Вы лучше к вечеру приходите к нам. Посидим, поговорим. Я никого приглашать не буду, сами посидим, —сказала Надежда и посмотрела на меня.

Я согласно кивнула головой, а она накинула свою шубейку и вышла. Через окно слышно было, как она что-то сказала Николаю, а он засмеялся в ответ.

После ужина, мужчины вышли на улицу покурить, Надежда поставила всем чистые тарелки, налила в чашки чай, присела на стул.

—Ну, рассказывай, как дела? —спросила меня,—хотя, по глазам вижу, что счастлива ты. Я так поняла, что до декрета будешь жить в городе, ну что ж, может, так и правильно. За Николая не переживай, я присмотрю за ним.

—Боюсь, я Надя.

—Чего боишься? За мужа боишься?—она громко засмеялась.

—Да нет, рожать страшно, возраст ведь.

—Тю, да ты что? Все будет хорошо, родишь, как все, бояться нечего. Не ты первая и не ты последняя,—она улыбнулась, и мне так легко стало.

Мужчины вернулись, мы еще посидели, поговорили, потом Николай, видя, что я уже устала, сказал:

—Ну, пора и честь знать, да и женушка моя уже глазки прикрывает.

Стали собираться, а Надежда вынесла коробку и подала Николаю.

—Это вам от нас, с Пашей, подарок. Столовый сервиз, будете пользоваться и нас вспоминать.

Четыре дня пролетели незаметно, Николай проводил меня до автобуса, очень не хотелось расставаться.

—Время быстро пролетит, и мы всегда будем вместе,— целуя, успокаивал он меня.

Автобус плавно тронулся, я помахала Николаю рукой. Видела, как он поправил шапку и направился к выходу. Я устроилась удобней в кресле и задумалась. Перед глазами встала картина, как мы возвращались из магазина. Николай в одной руке держал сумку с продуктами, а другой держал меня за руку. Так мы шли тихо разговаривая. Возле колонки стояло несколько женщин, они о чем-то говорили, но замолчали, увидев нас. Николай громко поздоровался с ними, я просто кивнула головой. В одной женщине я узнала Наталью. Она так посмотрела на меня, что мне стало нехорошо. Николай пожал мою руку, успокаивая меня. Про встречу я рассказала Надежде, она, немного подумав, сказала:

—Знаешь, Лиза, ты не обращай внимания. Ты новый человек, пока сама привыкнешь, и пока к тебе привыкнут. Вообще-то люди в станице хорошие, живем мирно. А Наталья? Её сейчас обида гложет, видимо, планы на Николая были. Но ведь сердцу не прикажешь, любит он ведь тебя, очень любит, уж я точно знаю.

Промолчала я тогда, но тревога на сердце осталась. А может это ревность? Я улыбнулась своей мысли, ведь до этого я не сталкивалась с этим чувством. На работе уже почти все знали, поздравляли и радовались за меня. На шум в кабинет заглянул Сан Саныч и укоризненно покачал головой, показывая на часы. Все тут же занялись работой, а Лерка шепнула мне, что в обед ждет меня в нашем кафе

—Можно я сначала поем?—спросила я, зная свою подругу, присаживаясь на стул. Но тут подошла к нам Катя.

—Девочки, можно мне с вами?—спросила она.

Мы не возражали. Катя работала в отделе сбыта и только что вернулась из отпуска. Она была лет на пять моложе нас. Симпатичная, общительная, одно время мы даже дружили.

—Лиза,—обратилась она ко мне,—говорят, что ты замуж выходишь, это правда? Вадим все же вернулся к тебе?

Я чуть не поперхнулась, закашлялась. Лерка через столик похлопала меня ладонью по спине.

—Кто тебе сказал, что я замуж выхожу?—спросила я, когда дыхание восстановилось.

—Все говорят,—продолжила Катя,—счастливая ты. А я вот никогда не выйду замуж.

Она горестно вздохнула.

—Уже вышла, странно, что ты этого не знаешь или хитришь?—ответила я и посмотрела ей в глаза.—Вышла, только не за Вадима, он остался в прошлом. А вот что ты страдаешь? У тебя же есть мужчина. С кем провела новогодние праздники в Карпатах?

Катя оживилась, глаза заблестели, но тут же погасли, и она

наигранно печально произнесла:

—Мужчина есть, но он чужой. Хотя, я его очень люблю. Но знаете, чужое — есть чужое. Сижу вечерами дома, жду звонка, и такая порой тоска охватывает, что завывать хочется,— она помолчала, допила кофе, улыбнулась и продолжила. —Правда, иногда сюрпризы может сделать. Может среди ночи позвонить, скажет, что послал за мной такси и ждет меня в нашем ресторанчике, на сборы даст полчаса.

— И что едешь?—в один голос спросили мы с Леркой.

—А как же? Конечно, еду и чувствую себя самой счастливой женщиной на свете. Расстаемся утром, покидая уютный номер в гостинице. А на праздники мы ездили в Карпаты. Девочки, это что-то! Красота, слов нет. Прогулки по лесу, катание на лыжах, а кухня там, девчонки, так бы ела и ела. Каждый вечер танцы. Нет, я не обижаюсь на судьбу, пусть короткое счастье, но счастье! Понимаете, у счастья есть, оказывается, и цвет, и запах.

—Девочки, обед заканчивается,—спохватилась Лерка, мы встали из-за столика и ринулись к выходу.

—Не слушай ты ее,— тихо сказала Лерка,— счастье — это семья, свой мужчина, свой дом и, конечно, дети.

Как-то незаметно пролетело время, и меня отправили в декрет. Отдавая мою карту, врач пожелала мне счастья.

—Лиза, беременность протекает хорошо, с ребенком тоже все хорошо. Я думаю, что родите Вы сами. Это такое счастье стать матерью.

Я поблагодарила ее и с улыбкой вышла из кабинета. Два дня убирала квартиру, накрыла пленкой мебель, собрала вещи и сложила в чемоданы. Потом позвонила Лерка.

—Привет, собрала вещи?—спросила меня.

—Да, все собрала, жду Николая.

—Ты не забывай меня, звони хоть иногда,—как-то жалобно попросила она,—мне будет не хватать тебя.

—Ну что ты, подружка, я же не в Америку уезжаю. Четыре часа на автобусе всего,—успокоила я её.

На другой день рано утром позвонили в дверь. Накинув

халатик, я открыла дверь и остолбенела. На площадке стояли Николай и Павел.

—Не пугайся, это группа поддержки,—сказал Николай, проходя в комнату. Мужчины выпили кофе, пока я одевалась.

—Присядем на дорожку,—сказал Павел, присаживаясь на стул.

Станица нас встретила тишиной, ни одного человека мы не встретили, подъезжая к дому. Николай открыл ворота, машина въехала во двор. Он мне дал ключи, я вошла в дом. Мужчины занесли вещи.

—Может, к нам пойдем,—тихо сказал Павел,—хозяйки стол накрыли.

Надежда ждала нас, радуясь нашему приходу, захлопотала у печки.

—Проходите, присаживайтесь,—улыбаясь, произнесла. Из своей комнаты вышла Степанида Васильевна, поздоровалась.

—Тебе помочь, дочка,—обратилась к Надежде.

—Нет, нет, что ты, мама, я сама управилась.

Я обратила внимание, что Степанида Васильевна выглядит неважно. Надежда поставила на стол графинчик с домашним вином, для меня открыли компот из фруктов из своего сада. Павел налил в бокалы вина.

—Тебе не наливаю, потому что ждем здоровенького наследника, так ведь, Коля? Николай улыбнулся и согласно кивнул головой. Надежда принесла горячее жареное мясо.

—Берите мясо, к домашнему вину как раз подходит,— сказала она и поставила большое блюдо, по комнате поплыл аромат специй.

Я вдохнула аромат и поняла, как я голодна. За ужином говорили, строили планы на будущее. Степанида Васильевна немного посидела и вернулась в свою комнату.

—Болеет мама, на сердце жалуется,— с горечью произнесла Надежда,— в больнице лежала.

—А что врачи говорят?

—Что они могут сказать? Возраст говорят, в мае 80 будет.

—Может ее профессорам показать?— я с надеждой посмотрела на подругу.

—Не хочет, сказала, что никуда не поедет.

Я глянула на часы, было уже поздно.

—Надюша, мы домой, спасибо за ужин, даже неудобно, все время мы у вас.

—Ничего, не извиняйся,— улыбнулась она,— обживайся, потом разберемся.

—Давай вещи твои разложим завтра,— он обнял меня, поцеловал в ухо,— что-то устал я, спать хочу. В ванной горячая вода, я перед уходом включил котел.

—Тогда я первая,— схватила халатик и полотенце.

После душа, едва коснулась подушки и уснула. Не слышала, как Николай ходил в душ, как ложился рядом. Проснулась от голоса, кто-то плакал. Накинув халат, я вышла и увидела Надежду, она стояла и плакала.

—Что случилось, Надя?— спросила я ее.

—Мама,—она громко заплакала,— мама умерла.

У меня все похолодело внутри.

—Как умерла? Вчера ведь было все хорошо.

—Ночью ей стало плохо, мы вызвали неотложку. Я до утра просидела в больнице, но врачи ничего сделать не могли.

—Что сказали они тебе?

—Сердечная недостаточность. Так себя ругаю, что не настояла тогда, чтобы она легла в стационар, она ни в какую не согласилась. Кардиолог тогда сказала, что зря не соглашается, выписала лечение на дому. Месяц всего прошел.

Я переоделась и отвела Надюшу домой. Николай с Павлом занялись похоронами. Спасибо Аксинье, она взяла в свои руки все хлопоты. После похорон все собрались в столовой поселка, людей было много. Я видела, что подруга моя

держалась из последних сил. Акси́нья на кладбище меня не пустила, сказала, что беременным там нечего делать. Я очень переживала за Надежду, одно успокаивало, что рядом были дочки.

Прошло время, Надежда пришла в себя, как-то вечером пришла к нам, Николая не было, он по работе уехал в Ростов. Мне оставались дни до родов, поэтому он попросил ее присмотреть за мной. Мы присели за стол, я приготовила чай.

—Надя, как у тебя на работе? Как ты сама?

—Да все хорошо у меня на работе,—она вздохнула,—знаешь, а дома тяжело, не могу привыкнуть, что нет мамы. Вот умом все понимаю, что возраст, а скучаю. Себя ругаю, что мало уделяла ей внимания.

—Ну что ты, Надя, ты была очень хорошей дочерью, Степанида Васильевна ушла без обиды на тебя, со спокойной душой она пребывает на Небесах.

—Мы редко говорим маме, как мы ее любим. Надо, пока она с нами, жалеть ее, стараться больше времени проводить с ней. Маме, ведь много не надо, немного тепла, доброе слово, хоть иногда. Поговори с ней пол часика, а у нее на лице улыбка будет весь день. Я, правда, Лиза, себя почему-то считаю виноватой. Сердце мое сжалось от слов Надежды, как она была права. Одно успокаивало: я очень хорошо знаю, какой она была дочерью.

—Что-то я расклеилась,—она улыбнулась,—ты как? Боишься рожать?

—Ой, подруга, правда, твоя, боюсь.

—Приживаешься в поселке, не обижают бабы наши?

—Да нет, все хорошо.

Сказала, а сама вспомнила встречу с Натальей, в поликлинике это было. Я пришла на прием к своему врачу, в коридоре стояли несколько женщин, среди них была Наталья.

—Видите, бабы, Николай выписал себе жену из города, мы то здесь деревенские, не ровня ему. Ребеночка вот скоро ему родит.

Я прошла, сделав вид, что это не про меня. Женщины тихо одернули ее, Наталья фыркнула и замолчала. А мне стало так обидно, от несправедливых ее слов в мой адрес.

—Все хорошо, Надя, никто не обижает,—повторила я.

—Ну ладно, засиделись мы с тобой. Хорошая ты, Лизонька, с тобой поговоришь, посидишь, как свежего воздуха надышишься. Если ночью что случится, зови меня.

Проводив подругу, убрала со стола и направилась в спальню. По пути бросила взгляд на фотографию Ксении, подойдя ближе, присмотрелась.

—Не обижаешься на меня?—тихо произнесла я.

—Ты прости, что заняла твое место, вот сыночек скоро будет у нас.

Я погладила живот, сама смотрела на ее лицо, вдруг, мне показалось, что она улыбнулась. Я испуганно отскочила от комода, заскочила в спальню и закрыла дверь. Сердце готово было выскочить, так стучало часто и громко. Прилегла на постель, постепенно я успокоилась и уснула. Разбудил меня стук, открыла дверь, передо мной стоял Николай, вид у него был испуганный.

—Почему дверь закрыта, что случилось?—спросил он, проходя в комнату.

—Наверно машинально закрыла,—солгала ему в ответ.

—Мужа кормить будешь?

—Конечно,—улыбнулась я, надевая халатик.

Я присела напротив него и смотрела, как он ест. Аппетит у него был хороший.

—Голодный как волк,—сказал он и протянул мне тарелку,—добавочки можно?

Только протянула руку за тарелкой, как острая боль пронзила меня всю так, что я вскрикнула и присела.

—Что с тобой?

Николай наклонился надо мной, пытаюсь меня поднять.

—Не надо,—простонала я,—мне очень больно

—Господи, да ты рожаешь, подожди, потерпи, я за Надюхой сбегая.

—Не оставляй меня одну,—попросила я.

Он позвал Надежду, она вызвала скорую, через полчаса я была уже в больнице. Днем родился наш сын. Богатырь, так сказала акушерка. Роды прошли удачно, врач даже удивилась, все же 40 лет и первый ребенок. Она сразу мне сказала:

—Слушай меня, делай все, что я буду говорить, ты девочка взрослая и должна быть умницей.

Не знаю, умница я или нет, но вместе мы прекрасно справились. Сыночек родился 4100, закричал сразу. Акушерка поднесла его ко мне, повертела, показывая со всех сторон. Первое, на что я обратила внимание, это длинные темные волосы, они закрывали почти все лицо малыша.

—Богатырь,—сказала, улыбаясь, акушерка,—красавчик, ему бы девочкой родиться надо было.

Она передала малыша детской медсестре, сама занялась мной.

—А почему слезы?—наклонилась надо мной.

Я смутилась, отвернула лицо.

—Ложимся на каталку,—продолжала хлопотать она,—все позади уже, теперь ты мама и плакать не надо. В палате мне помогли лечь на постель, соседки поздравляли меня. Незаметно я уснула. Вечером состоялось мое первое знакомство с сыном. Некоторое время мы внимательно смотрели друг на друга, потом он сморщил носик и требовательно заплакал. А я никак не могла дать ему грудь, помогла медсестра, она зашла посмотреть, как идет кормление. Наверно трудно объяснить чувство женщины, которая впервые кормит ребенка грудью. Малыш усердно сосал, его личико покрыли капельки пота. А у меня сердце замирало от счастья, от любви к этому маленькому человечку. Через четыре дня нас выписали. Николай, принимая сына из рук медсестры, волновался так, что у него дрожали руки. Он бережно прижал к себе голубой конверт, посмотрел на всех нас с гордостью. Когда вошли домой, я была удивлена, не узнала спальню. Все было готово для малыша и его мамы. Светлые обои, детская кроватка с голубым балдахинном, на столе бутылочки, баночки, соски.

—Ну как тебе комната?—спросила Надежда, подошла ко мне, прикоснулась губами к моей щеке,—с сынишкой тебя, подруга!

Стоял жаркий летний день, я занималась по хозяйству, как услышала требовательный громкий плач. Я подошла к коляске, что стояла в тени, подняла накидку.

—Кто тут громко плачет? Матвейка, сыночек, мама здесь,— наклонилась над коляской и взяла его на руки. Присела на скамью, огляделась, нигде никого не было видно. Я покормила малыша, положила снова в коляску, Матвейка смотрел на меня, потом улыбнулся, а у меня сердце зашлось от счастья.

—Господи, благодарю тебя за счастье, которое послал ты мне. Чем только я заслужила его? Так получилось, что счастье само меня нашло. Видимо бывает и так, что находишь счастье там, где его не ждешь.

Я всегда буду рядом

Теплая и мягкая осень выдалась в этом году. Зоя любила эту пору, когда все деревья надевали золотые одежды, а солнце яркими лучами скользило по этой красоте так, что глазам было больно.

—Наверно, именно так выглядят сады в раю,— усмехнулась она, подумав про себя.

Сама не поняла, почему ей подумалось про эти райские сады. Последнее время она вся в каком-то напряжении живет, кажется, что-то страшное касается ее души, предчувствие беды не покидало ее. Зоя вдохнула в себя воздух, немного задержала дыхание и с шумом выдохнула из себя. Ей так хотелось освободиться от этой тяжести в душе. Был полдень, больных в парке почти не было. Подруга задерживалась, они договорились встретиться здесь, в больничном парке. Зоя подняла с земли красивый, резной золотой лист, с грустью посмотрела на него.

—Давно ждешь меня?—послышался над самым ухом голос Наталки. Зоя вздрогнула от неожиданности.

—Что за мода подходить неслышно,—проворчала она

—Да я думала, что ты слышишь стук моих каблучков. Она крунулась на каблучках, показывая свои новые шикарные сапожки.

—Красота,— завистливо улыбнулась Зоя.— Где оторвала? У нас таких не купишь.

—Еще бы,— гордо сказала Наталка и добавила. — Эдик привез из Италии. Кстати, тебе привез блузон, какой ты хотела, правда, цвет бежевый, но тебе пойдет.

—А лекарство,— волнуясь, спросила она подругу.—Лекарство привез?

—Привез, конечно, привез, дорогая,—успокоила Наталка подругу.

Она открыла сумочку и достала пакет с лекарством.

Зоя обрадованно схватила пакет, прижала к себе.

—Спасибо, спасибо вам,

—со слезами на глазах, сказала она

Я побегу в больницу, потом увидимся.

Чмокнула в щеку подругу и побежала по аллее в сторону онкологического отделения. Накинув белый халат и надев бахилы, Зоя поднялась в ординаторскую, постучала в дверь и вошла. За столом сидел мужчина в белом халате и что-то писал. Увидев ее, отложил в сторону ручку и рукой показал на стул, приглашая присесть.

—Здравствуйте. Я принесла лекарство, то, что Вы говорили. Это, правда, поможет Сереже?— она очень волновалась.

Доктор взял пакет, выложил на стол три упаковки и удивленно посмотрел на нее.

—Где и как Вам удалось его достать? —спросил он.

—Это длинная история, доктор. Лекарство привез муж моей подруги, он ездил в Италию. А ему их передал человек из Израиля, это он мне пообещал достать его для Сережи.

—Это очень хорошее лекарство, жаль, что пока у нас его нет. И самое главное, что привезли вовремя. Я думаю, что Вашему мужу просто повезло с женой.

Он улыбнулся, встал, подошел к ней, взял ее руку и поцеловал. Немного посмотрел на ее смущенное лицо и озабоченно сказал:

– Вам надо отдохнуть, хорошо отдохнуть, мне не нравится, как Вы выглядите. Уже почти год Вы не отходите от мужа, забыли о себе. Я отдам лекарство на пост медсестрам, а Вы можете пойти к мужу.

Зоя кивнула головой, и они вышли из кабинета. Тихо приоткрыв дверь в палату, она увидела Сергея, лежащего на спине, прикрыв глаза. Видимо, он почувствовал ее, открыл глаза и улыбнулся.

– Здравствуй, мой хороший, – сказала она, улыбаясь ему в ответ и целуя его. – Как ты сегодня?

– Хорошо, – все так же улыбаясь, ответил он.

– Эдик привез тебе лекарство, теперь ты будешь быстро поправляться.

Она выставила на тумбочку бульон и спросила:

– Может, поешь? Николай Владимирович говорит, что тебе бульон уже можно. Он еще теплый.

Сергей поел немного. Она видела, как пот выступил у него на лбу. Ей так больно было видеть его, еще недавно здорового красивого парня. Теперь перед ней лежал худой, измученный болезнью человек, совершенно лысый. Но был молодцом, не сдавался болезни. Перенес операцию и две химии, верил, что победит. Зоя еще больше любила его, готова была жизнь за него отдать. Она еще посидела возле него, рассказала новости, передала привет от друзей. Заметив, что он устал, она наклонилась, поцеловала его и вышла.

Сегодня у нее был выходной, и она решила заехать к Наталке, посмотреть блузон, что привез для нее Эдик. Подруга была дома, пригласила ее на кухню. Пока варился кофе, они говорили так, ни о чем. Кофе сварился, Наталка сняла турку и разлила кофе в маленькие красивые чашечки. Зоя глотнула горячий напиток и с наслаждением проглотила. Подруга присела напротив и смотрела на нее, словно ждала, когда она заговорит. Зоя усмехнулась про себя, как все же они знают друг друга. Наконец не выдержав, Наталка спросила:

– Ты лекарство отдала? Что сказал врач? Поможет это Сергею?

– Конечно, отдала, – поставив чашку на стол, ответила она. – Доктор очень удивился, как я смогла достать его, он такой довольный был, сразу отнес на пост медсестрам.

– Ты что, все сразу отдала? Ты в своем уме? – вскочила с места Наталка и заходила по кухне. – Надо было по ампуле выдавать.

– Нет, ты что, – успокоила подругу Зоя. – Этому доктору я доверяю.

Она взяла чашку обеими ладонями, как греют руки, когда мерзнут. Но на улице была теплая осень. Наталке стало жаль подругу, она присела рядом и обняла ее.

– Ты устала, тебе надо отдохнуть.

Зоя усмехнулась и произнесла:

– Я сегодня уже слышала это.

Продолжая держать чашку в руках, она посмотрела на подругу.

—Наташа, у меня сердце разрывается просто, я боюсь потерять Сережку. Я вижу, он борется, старается победить болезнь,— поставив чашку на стол, продолжила:

—Знаешь, я его никогда не брошу.

—Все будет хорошо, Сережа поправится, вот увидишь. Будет как раньше, и вы будете счастливы, —успокаивала подругу Наташа.

Они были такие разные. Наташа— высокая стройная девушка, с короткой стрижкой, темная челка закрывала высокий лоб. В черных, восточного разреза глазах постоянно сверкали искорки, которые всех заставляли улыбнуться. На первый взгляд казалось, что у нее никогда не бывает проблем, что все прекрасно в ее жизни. А она просто не хотела, чтобы ее жалели, да и не верила в сочувствие. Полной противоположностью ей была тихая и спокойная Зоя. Невысокого роста, с пушистыми светлыми волосами до плеч, серые глаза всегда смотрели так, словно изучали: будь то человек или просто предмет. Они учились в одном классе. Сережка носил их портфели, покупал билеты в кино, давал списать математику. В девятом классе подружки чуть не поссорились, оказалось, что им обоим нравился Сережка. Победила дружба, девушки решили, что пусть он сам выберет, кто ему нужен. И он выбрал, в десятом классе, спокойную и рассудительную Зою. Наталка, с ее неумейной энергией, пугала его. Часто он не мог понять даже, откуда это все в ней. Все втроем они поступили в один институт. Вокруг Наталки всегда крутилась молодежь, и на втором курсе она выскочила замуж. Брак продлился один месяц, девушка сказала, что замуж больше не пойдет ни за что. Только после окончания института она встретила Эдика. Или то, что Эдик был старше, или уже сама Наталка успокоилась, но пара получилась хорошая, словно они были созданы друг для друга.

—Неужели я повторю судьбу своей мамы,— горько сказала Зоя. Наталка удивленно посмотрела на нее.

—Я тебе никогда не говорила, от чего умерла она,— продолжила девушка.

—Я слышала, что у нее не выдержало сердце, когда твой отец разбился на машине,—сказала Наталка.

Зоя подняла голову и посмотрела на подругу.

—Знаешь, они так любили друг друга,—тихо проговорила она.—Такая любовь встречается раз в сто лет. Им даже не надо было говорить, они без слов все понимали. Когда папы не стало, мама ушла в себя. Она даже на меня не обращала внимания, а мне так ее не хватало, мне было тогда 13 лет. А потом случился этот сердечный приступ, после которого она не встала. Я осталась с бабушкой, она мне заменила родителей.

Зоя замолчала, потом допила уже остывший кофе. Наталка сидела напротив, внимательно слушала подругу, поглаживая пальцем края кофейной чашки.

—Когда мне исполнилось 18 лет,— продолжила Зоя,— бабушка дала мне конверт, сказала, чтобы я прочла. Это было письмо от мамы, она написала мне его за несколько часов перед смертью. В нем она просила прощения за то, что оставляет меня, и что, когда я вырасту и полюблю, то пойму ее. Я тогда очень

плакала, было обидно, что мама сама ушла из жизни, оставила меня. А вот теперь я ее понимаю.

Она снова замолчала, потом, глянув на окно, за которым было уже темно, спохватилась:

—Ой, Наталочка, засиделась я, а еще Дика выгуливать. Дома, не раздеваясь, она покормила Дика, немецкую овчарку, потом вывела его на улицу. Отцепив поводок, отпустила его размяться. Собака радостно бегала кругами, сделав все свои собачьи дела. Зоя смотрела на него и улыбалась. Уже год он живет у них, красивый и умный пес. Она вспомнила, как год назад они с Сергеем возвращались от Наталки домой. Сережа был за рулем, играла тихая приятная музыка. Было уже темно. Впереди ехала машина. Вдруг открылась задняя дверь, и кто-то выбросил на дорогу черный пакет. После машина прибавила скорость и быстро исчезла в темноте. Сергей резко затормозил, остановил машину и вышел. Через стекло она видела, как он поднял пакет, развязал и, видимо, ругнулся. В пакете оказался щенок, он жалобно скулил. Они привезли его домой, помыли и накормили. На другой день Дик, так они называли его, уже весело бегал по комнатам, оставляя лужицы. Очень привязался к Сергею, слушался и исполнял все его команды.

Уже лежа в постели, Зоя мысленно прокрутила события последних месяцев. Ругала себя, почему не настояла тогда, когда заметила, что с Сергеем что-то случилось. Он приходил с работы уставший, бледный. Часто отказывался от ужина. Она тогда списывала на загруженность на работе, Сережа был начальником отдела сбыта. После первого приступа, когда он упал во время планерки и попал в больницу, вот тогда они узнали, что у него опухоль в голове. Как тогда она сругала. «Господи, помоги ему»,— сказала уже привычные слова, которые повторяла каждый вечер.

Утром, прогуляв Дика, приготовив горячий бульон для Сергея, Зоя вышла и на лестнице столкнулась с соседом, который был уже навеселе.

—Доброе утро, Зоенька,—улыбаясь во весь свой беззубый рот, сказал он.

—Не рано начали, дядя Вася,— тоже улыбаясь, спросила она.

—А я не начинал, это вчерашнее еще— засмеялся сосед и добавил.—Такая же красивая стала, как Любава, мать твоя. Любил я ее, а она студента выбрала, отца твоего. Пришлось мне на мегере моей жениться.

—Тетя Галя ваша— хорошая женщина, зачем вы так,— сказала Зоя, спускаясь дальше по лестнице.

—Хорошая, только жадная,— сосед ругнулся тихо, потом громко крикнул ей вслед.— Сергею привет передавай, пусть поправляется.

—Спасибо, передам,—послышался ответ уже снизу, затем громко хлопнула входная дверь.

В больнице, тихо приоткрыв дверь в палату, она не увидела Сергея, постель была пуста. Сердце ее екнуло, она обернулась и увидела медсестру, идущую по коридору.

—Скажите, а где Сергей?

Медсестра, Зоя вспомнила, что ее зовут Люда, и повторила вопрос:

—Люда, а где Сергей?

Девушка посмотрела на нее, подошла ближе.

—Вы не пугайтесь, но Вашего мужа ночью перевели в реанимацию. Вы лучше подойдите к доктору.

У Зои сердце сжалось, она прислонилась к стене и тихо сползла вниз. Медсестра подхватила ее, посадила на стул возле окна, тихонечко похлопала ладонью по щеке, она открыла глаза.

—Что с ним?—чуть ли не шепотом спросила она.

—Как Вы себя чувствуете?

—Я хорошо, не беспокойтесь. Николай Владимирович у себя или в ординаторской?

—Да, пока у себя, но у него сегодня операция. Поспешите.

Доктор сидел за столом и что-то быстро писал. Поднял голову на ее приветствие.

—Что случилось, Николай Владимирович?— испуганно спросила она его

—Не беспокойтесь, Зоя, все хорошо,— успокоил он ее.—

Завтра я переведу его снова в палату.

—Что с Сережей?

В ее глазах стояли слезы, во взгляде было столько боли, что ему стало жаль ее. Хотя он знал, что в этой хрупкой женщине силы воли и терпения столько, что трудно в это поверить. Уже год она бьется за мужа, старается его отвоевать у страшной болезни.

—Пойдемте, я его Вам покажу.

В реанимации через стекло она увидела Сергея. Ему меняли систему. Он тоже увидел ее и улыбнулся ей.

—Видите, все хорошо,—с улыбкой сказа ей доктор.—Это же мозг, сами понимаете. Иногда при операции не удастся удалить всю опухоль, тогда приходится максимально убрать ту часть, которую можно удалить, не нанося вреда здоровой части мозга. Для той части опухоли, что осталась, применяют облучение. У Вашего мужа, Зоя, именно такая ситуация.

—Я поняла, Николай Владимирович, но Сереже можно помочь?— она вопросительно посмотрела на него,— я все сделаю, я достану все лекарства, Вы только скажите.

—Будем стараться,—он улыбнулся ей.—Пойдемте, у меня еще есть больные.

—Да, да,— она посмотрела на часы.— И мне на работу пора.

В течение дня она позвонила в больницу, чтобы спросить, как чувствует себя Сергей. Ее успокоили, что все хорошо. Наталка тоже испугалась, когда Зоя сказала ей, что Сережа в реанимации. Во время обеда Наталка принесла бутерброды и горячий кофе. Подруги сидели за столом, неожиданно Наталка сказала:

—Зоя, ты только не смейся, давай сходим в церковь, свечи поставим за здравие. Говорят, что еще можно какой-то молебен заказать.

Зоя внимательно посмотрела на нее.

—Ну что ты так смотришь? Ведь ходили мы с тобой, когда Сережке операцию делали. Может быть, именно это и помогло.

В результате договорились в субботу сходить.

Дома, открыв дверь, еле удержалась на ногах. Дик бросился к ней, повизгивая от радости.

—Что, дружок, соскучился?— ласково проговорила она, снимая с крючка поводок.— Пойдем гулять.

Пес спокойно дал прицепить поводок и покорно вышел с хозяйкой. На улице никого не было, пройдя на площадку, она отпустила Дика. Когда вернулись домой, прошла на кухню. Есть ей не хотелось, поставила чайник на плиту. В это время в дверь кто-то позвонил. Она открыла, перед ней стояла соседка, Галина Васильевна.

—Добрый вечер, Зоенька.

—Здравствуйте,—ответила Зоя, приглашая женщину в комнату.

—Как Сережа?

—Да все так же.

—Я вот по какому поводу к тебе зашла. Понимаешь, Игорек прислал нам 200 евро, (Игорек —это ее сын, жил и работал в Индии), возьми их, девочка. Вам они нужнее, а нам с дедом они зачем?

—Что Вы, Галина Васильевна, не надо.

—Бери, бери, не отказывайся. Нам хватает, правда. На смерть нам я уже собрала. Да и бабушка твоя, Царство ей небесное, просила помочь тебе, если ты окажешься вдруг в беде.

Она положила на стол деньги, погладила Зою по голове и вышла. Приготовив себе чай, девушка включила ноутбук и стала пересматривать фотографии. Вот они втроем после выпускного в школе. Сережка, обнимает и целует Зою, рядом стоит Наталка и залиvisto смеется. Вот они в сквере, на лавочке возле института. Сидят снова втроем и смотрят в тетрадь. Это перед экзаменом. Дальше много фотографий из студенческой жизни. А вот свадебные фото. Какие счастливые лица. Сережка здесь просто красавец. Многие студентки пытались приударить за ним, но натыкались на Наталку, которая ревностно охраняла их счастье. Да и Зоя могла дать отпор. Вскоре все поняли, что с троицей лучше жить в мире Она закрыла ноутбук, встала, Дик поднялся тоже.

—Что, проголодался,—обратилась она к нему.— Пошли, покормлю.

Пока он ел, Зоя оделась к вечерней прогулке. Они ушли далеко от дома. В парке она присела на скамью, сняла поводок, и пес, почуяв свободу, присоединился к сородичам. В это время многие выгуливали своих питомцев. Собаки стали громко лаять и бегать друг за другом. Глядя на них, Зоя задумалась. Когда Сергей попал в больницу, она испугалась. Ведь сколько его знала, никогда не болел. Несколько дней его обследовали, потом доктор пригласил ее к себе в кабинет.

—Я не буду ходить кругами, скажу вам правду. У вашего мужа опухоль мозга. Если сейчас ему не сделать операцию, его дни сочтены.

—Операцию?—почти шепотом переспросила она.—А это опасно?

—Опасно не вмешиваться сейчас. Парень молодой, здоровьем не обижен. А риск ведь всегда есть. Даже маленькая царапина может наделать беды. Вы только настройте мужа, что это необходимо. У нас отличные специалисты, кандидаты наук есть. Я думаю, что все будет хорошо.

Разговор с мужем дался ей нелегко. Тяжело было изображать улыбку на лице. Она сказала Сереже, что у него маленькая опухоль, которую врачи уберут в два счета. Он так верил ей, что согласился сразу. Она даже не предполагала, что он все знает. Эти боли, которые становились все продолжительней, так измучили его, что он был согласен на все. Сергей так любил ее, что терпел все боли, глотая таблетки прячась от нее, лишь бы она была спокойна.

Прошло три месяца. Состояние Сергея значительно улучшилось, его стали готовить к выписке. Перед вы— у Зои был разговор с лечащим врачом.

—Ну что, Зоя, я Вас поздравляю,—улыбаясь, обратился он к ней.—Сергею намного легче, помогли уколы, что Вы достали. Но,— он замолчал, потом добавил,— через три месяца я жду вас. Будем все держать под контролем, каждые три месяца придется встречаться со мной.

Сегодня Сергея выписывают, Зоя попросила отгул и собирала вещи для него. Сумка уже была готова, она ждала Эдика с Наталкой, они должны были подъехать. В ожидании присела на диван и задумалась. Когда Сереже сделали операцию, у нее появилась седина, которую она тщательно закрашивает. Мечту о ребенке, которого они так хотели, пришлось отложить. После операции появился левосторонний парез, у Сережи не работала рука и нога. Передвигаться он не мог. Сколько слез, она пролила дома ночами. Однажды она пришла к нему, он долго смотрел на нее, потом сказал:

—Зоя, любимая моя, я долго думал, только ты пойми меня правильно,— у нее перехватило дыхание, а он продолжил—

Ты должна меня оставить. Зачем тебе инвалид, устраивай свою жизнь, ты красивая, молодая.

Она не выдержала и заплакала:

—Никогда, никогда не говори так. Я без тебя не смогу, я просто умру. Позволь мне быть рядом с тобой.

Услышав шум машины, подошла к окну, но это проехало такси. Она снова присела на диван. Прошло еще три месяца. Сергей начал шевелить рукой и ногой, химиотерапию он перенес тяжело, а когда прокололи уколы, ему значительно стало лучше. И вот его выписывают. Послышался сигнал, это приехали Эдик и Наталка, Зоя взяла сумку и вышла. В больнице она помогла Сергею переодеться. Сердце ее сжималось от боли, глядя на него. Худой, совершенно лысый, он казался таким беззащитным. А он смотрел на нее так, словно хотел прочесть ее мысли. Она улыбнулась, ладонями взяла его

лицо, поцеловала и прошептала:

–Все будет хорошо.

Они вышли из больницы. Сергей остановился, глубоко вдохнул свежий морозный воздух. Ночью прошел снегопад. Снег лежал всюду, искрился на солнце. Больничный парк скорее напоминал сказочный лес. Они подошли к машине, Эдик вышел и обнял Сергея.

–Ну привет, дружище,–сказал он, –наконец покидаешь эти палаты белокаменные, рад за тебя.

Наталка и Зоя стояли рядом и улыбались. Вскоре машина тронулась с места и выехала за ворота больницы.

Вечером, когда друзья уже уехали, Зоя прошла в спальню, Сергей ушел раньше. Она присела к нему на постель.

–Сережа, может, мне прилечь на диване? Ты устал сегодня.

–Нет, я хочу, чтобы ты была рядом, я соскучился по тебе.

–Я сейчас приму душ и приду,–улыбнулась она ему. Потом пришла, прилегла рядом, он обнял ее и прижал к себе. Так они и заснули, впервые за все время она спала крепко и без кошмарных снов. Прошло еще несколько недель. Зоя ходила на работу, Сергей оставался дома, с ним рядом был его верный Дик. Они гуляли вместе. Умная псина понимала, что хозяин его еще слаб, и постоянно был начеку, чтобы никто не мог обидеть его друга. Через три месяца Зоя и Сергей приехали на прием к Николаю Владимировичу.

–Можно?–спросил Сергей, приоткрыв дверь в кабинет.

–Да, конечно, проходите,–послышалось в ответ.

Доктор поднял голову, посмотрел, и улыбнулся.

Зоя отметила про себя «Красивая улыбка, почему я раньше не замечала этого».

–Здравствуйте,– сказала она.

–Здравствуйте,– потом обратился к Сергею. –Хорошо выглядите, рад за вас.

Он открыл дверь и попросил кого-то:

–Зиночка, душа моя, нам чайку, пожалуйста.

Через пять минут вошла девушка с подносом, поставила на столик чашки с чаем и так же молча вышла.

Поговорили несколько минут, затем доктор встал из-за стола и обратился к Зое:

–Вы извините, посидите здесь, посмотрите журнал, а мы пойдем, необходима кое-какая процедура.

Она согласно кивнула. Прошло больше часа, Зоя начала волноваться. Но вот открылась дверь, и они вошли. Сергей присел в кресло, доктор на свое место.

–Ну что ж, посмотрим,– сказал он вслух, разворачивая длинные листы бумаги и глядя в них. –Все хорошо, я рад за вас, ребята. Через три месяца я жду вас.

Зоя и Сергей встали и стали прощаться. Доктор, пожимая ему руку, добавил.

–Знаете, я бы посоветовал вам отдохнуть где-нибудь в сосновом лесу. Очень красиво в зимнем лесу, душа отдыхает.

–Мы подумаем,–улыбнулась Зоя.

Вечером к ним приехали Эдик и Наталка.

Сидя за столом, разговорились. Мужчины пили чай, а подругам налили по бокальчику хорошего красного вина, что привез Эдик из Италии. В разговоре Зоя рассказала о том, что врач посоветовал им отдохнуть. Сокрушалась, что сейчас нет лишних денег, чтобы купить путевку.

—Зачем вам путевка?— сказал Эдик.— Можете поехать к моим старикам, я же сам из Новосибирска или вы забыли. Старики мои будут рады вам, я завтра им позвоню.

—А Дик? —испугалась Зоя.— Куда же мы его денем?
Собака, услышав свою кличку, подняла голову. Наталка посмотрела на него.

—А Дика, мы возьмем к себе, да ведь, Эдик?— обратилась она к мужу, потом снова на собаку.

—Ну что, Дик, пойдешь к нам?
Пес, словно понимая, завилял хвостом.

Новосибирск встретил их крепким сибирским морозцем и городским шумом. На привокзальной площади ожидали родители Эдика. Зоя засмеялась, ну никак они не были похожи на стариков, как называл их сын. Отец— Петр Степанович, еще крепкий мужчина, лет шестидесяти пяти, мать — Ольга Никифоровна, приятная женщина, лет шестидесяти. Познакомившись, все сели в машину, через полчаса они были в городской квартире. Добродушная хозяйка в ожидании гостей, наготовила сибирского угощения: пельмени, заливное и шаньги.

—Вы сегодня переночуете, а завтра мы вас отвезем на заимку, это далеко в тайге,— сказал Петр Степанович.— Там егерем служит мой брат, у них настоящий будет отдых.

Сергей и Зоя довольно переглянулись. На заимку они выехали рано утром, а приехали к обеду. Лес встретил их настороженно, стояла тишина, только где-то высоко, в верхушках вековых сосен гулял ветер. На заимке их встретила женщина. Она три раза поцеловала Ольгу Никифоровну и Петра Степановича.

—А я то думаю, что это ко мне в окно воробей стучит, а он таких гостей чуял, вот молодцы, что приехали.

—Маня,—обратилась к ней Ольга,—мы вам гостей привезли. Это друзья Эдика, пусть поживут?

—Да пусть живут, мы даже рады будем. Хозяина жаль, дома нет, в тайгу ушел. Обещал к вечеру вернуться.

Петр Степанович открыл багажник и доставал сумки и пакеты с продуктами.

—Батюшки! —воскликнула Маня,— неужто у нас и покормить нечем, столько денег потратили на все это.

К ужину пришел хозяин. Зоя даже испугалась, когда появился он, такой большой, что в комнате стало сразу тесно. Громкий бас отскакивал от стен и висел в воздухе. Настоящий сибиряк. Маня возле него казалась еще меньше, чем была на самом деле. Девушка даже рассмеялась, вспомнив, как в машине Ольга Никифоровна рассказывала об этой паре. В молодости Фрол был буйный, если выпьет, все прятались, боялись его кулаков,

которые в народе называли кувалдами. И только маленькая Маня могла его успокоить. Завидев ее, он становился тихий и послушный.

Ночевать их положили в охотничьем домике, в котором жарко натопили. После такого насыщенного дня они заснули мгновенно. Утром проводили Петра Степановича и Ольгу Никифоровну. Шли дни, они отдыхали. Маня и Фрол оказались прекрасными людьми, своих детей у них не было, и они всю душу отдавали гостям. Узнав причину, по которой молодые приехали, Маня достала из своих запасов какие-то травы и несколько раз в день заставляла Сергея пить отвары. Фрол брал их в лес. Становились на лыжи, и он учил их читать звериные следы. Кормили белок и молодых косуль. Зоя с радостью наблюдала за мужем, видела, как в его глазах появляется жизнь, на губах все чаще играла улыбка. Так прошло три недели, и им надо было возвращаться. Маня очень опечалилась, она сердцем привязалась к этим детям. Вечером за ними приехали родители Эдика и остались довольны, видя, что отдых пошел им на пользу.

Войдя в свою квартиру, Зоя улыбнулась и повернулась к мужу.

—Сереж, такое чувство, что все это было сном, хорошим, волшебным сном.

Раздался звонок в дверь, Сергей пошел открывать.

Послышался звонкий собачий лай, и в комнату вбежал Дик. Он радостно скулил, прыгал возле своих хозяев.

—Эдик, большое спасибо тебе за прекрасный отпуск,— сказала Зоя.

—Вы очень понравились моим родителям,— ответил Эдик.— А еще больше Мане и Фролу.

—О, эта Маня все время поила меня травами какими-то — со смехом сказал Сергей.

—А ты не смейся, друг, Маня— хорошая знахарка, к ней профессора даже приезжают, она многих обреченных на ноги поставила.

Зоя и Сергей переглянулись. На другой день она вышла на работу, коллеги сказали, что посвежела и похорошела.

Прошли зима и весна. Сергей чувствовал себя хорошо. Николай Владимирович после очередного осмотра удивленно посмотрел на него и сказал:

—Вы молодец, что я могу еще сказать,— еще раз посмотрел на него.— Можете потихонечку трудиться, только берегите себя и жену, она у вас прекрасный человек. Через полгода придете ко мне, без этого, поверьте, нельзя.

В конце рабочего дня Зоя почувствовала недомогание, резко закружилась голова. Уля, что сидела за соседним столом, испуганно подскочила к ней:

—Зоя, что с тобой?

—Все хорошо, наверное, что-то съела.

—Ты случайно не беременна?

Девушка радостно взглянула на нее и спросила:

—А что, это так бывает?—она улыбалась и что-то шептала.

—Что ты там шепчешь? Молитву читаешь?

—И молитву тоже. Боже, как Сережа обрадуется.

Она достала телефон и позвонила, на том конце послышался мужской голос:
—Я слушаю тебя, дорогая!

Мать и дочь

Искусство материнства -
научить ребенка искусству жизни
(Э.Хэффнер)

Холодным мартовским утром, когда вся страна оплакивала смерть Отца всех народов, Татьяне, как сказал врач, приспичило рожать. Было очень пасмурно, даже солнышко не решилось показаться в этот день, только бродяга – ветер чувствовал себя привольно, он резвился, гоняя над землей тяжелые темные облака. В маленьком сибирском городке тоже оплакивали смерть Вождя. Няня Тося, громыхая шваброй под кроватями, то и дело доставала не первой свежести носовой платок, вытирала слезы и громко сморкалась в него. В палате, где лежали восемь рожениц, слышались всхлипы и причитания. Татьяна уже родила девочку и лежала на постели, смотрела на них и удивлялась про себя: "Кого они оплакивают? Диктатора, убийцу, сколько народу загубил". Конечно, вслух она не могла этого сказать, поэтому просто молча наблюдала за всеми. В коридоре послышался многоголосый детский плач, пришло время кормления. Подавая ребенка, медсестра спросила:

—Как дочку назовешь, Танюша?

Помогла приложить ребенка к груди, малышка, ухватив сосок, начала активно сосать.

—Лариса, — ответила Татьяна.

Сама с интересом разглядывала это крохотное существо, которое, чмокнув пару раз, уже погрузилось в сон.

—Не давай ей спать, — услышала голос соседки по кровати, Кати. — Пусть сосет, потрогай ее за щечки, она проснется.

Таня так и сделала, кроха сморщила носик и снова начала сосать. Катя, глядя на молодую маму, спросила:

—Отец есть?

Татьяна кивнула головой, а сама подумала: "А может, и нет". Ведь сказал же Петр, что ребенок ему не нужен и что он вообще через четыре месяца уезжает, будет ходить на корабле коком.

Соседка, словно прочитав ее мысли, сказала, глядя на свою дочку:

—А у нас вот нет папки, сбежал, сказал, что поехал на заработки и пропал. Бросил меня с двумя детьми, у меня еще есть сынок, шесть лет, Вовка зовут.

Таня смотрела на дочь, а в душе что-то переворачивалось. Сама она не знала любви, не видела тепла. У нее не было семьи, выросла в детском доме. Совсем недавно узнала, что родители ее были арестованы в тридцать седьмом году, ей тогда было шесть лет. Отца расстреляли, как врага народа, а мать умерла от чахотки в лагере. В детдоме ей дали другую фамилию. Она была красивым

ребенком, но тети и дяди, что приходили за детьми, на нее даже не смотрели. Никто не хотел брать в семью дитя врагов народа. Петр ни разу не навестил ее в больницу. Приходили девчата из общежития, где она жила, передали слова комендантши, чтобы ее с ребенком и близко не было. Принесли кое-какие вещи для дочки. Не зная, что делать и куда идти, Татьяна тихо заплакала, в палате все спали, был тихий час. К ней на постель присела Катя, посмотрела на нее и спросила:

—Что плачешь? Бросил? Не реви, дурочка, проживешь и

без него. Ты в какой стране живешь? — она подняла вверх указательный палец и гордо добавила. — Ты живешь в Советской стране! Поняла?

Таня улыбнулась и, сквозь слезы, сказала:

—Мне идти некуда. Врачиха сказала, чтобы я малышку оставила в доме ребенка, а я не хочу, мне жалко ее.

Катерина подскочила на месте и громко возмутилась, чем разбудила всех:

—Это как оставь? Она что с ума сошла? Жить негде? Ко мне пойдем, места всем хватит.

Впервые, за свою короткую жизнь, Татьяна почувствовала тепло человеческое, в ней начала просыпаться вера в добро.

После детского дома, когда окончила семь классов, ее перевели в ПТУ, да, именно перевели, так как никто не спрашивал ее, хочет ли она быть штукатуром. За нее все решали взрослые. Даже, когда в училище, ее, пятнадцатилетнюю девочку, лишил невинности мастер производственного обучения, она никому ничего не сказала, считая, что это так положено. После окончания училища стала работать на стройке, жила в общежитии. В ПТУ познакомилась с Петром, он учился на повара. Не сказать, что она его любила, но привязана была к нему, верила и доверяла только ему. С ним ничего не боялась, чувствовала себя, как за каменной стеной. Если бы не чуть великоватый нос, Татьяну можно было бы назвать красивой. Ее глаза, фиалкового цвета, излучали какую-то загадочность, нежный румянец щек придавал особый шарм ее лицу, обрамленному шелковистыми темно-русыми волосами до плеч. После работы стайка девчат со смехом и шутками возвращалась в общагу. В воскресенье, как всегда, в клубе были танцы. Она очень любила танцевать. Кружась с Петькой по залу под духовой оркестр, забывала обо всем. Галантный кавалер уверенно вел ее по кругу, не забывая что-то шептать на ухо, отчего она смеялась, пряча лицо у него на плече. Они всегда были вместе, строили планы на будущее, но когда он узнал, что она беременна, стал избегать ее. Однажды, они столкнулись на лестничной площадке в общежитии, она спросила, что ей делать, он пожал плечами и ответил, что ребенок ему не нужен.

Татьяна вздохнула, повернулась к стене, закрыла глаза и погрузилась в сон. Из-за отсутствия жилья пришлось бросить работу и поселиться у Кати в деревушке, что была недалеко от города. Домик был старенький и небольшой, но ее все устраивало, крыша над головой есть и, слава Богу. На потолке добавили еще один крючок и прицепили

подвеную люльку. Сосед, дед Прохор за чекушку все сделал, за-тем, сидя за стол ом, стопку выпил, крикнул и сиплым, прокуренным голосом сказал, глядя на них:

—Ну все, бабоньки, качайте, растите своих ребятенков. Ежели что, обращайтесь, завсегда помогу.

Так началась новая жизнь Татьяны. Ларису зарегистрировала, правда в метрике, против слова ОТЕЦ, стоял прочерк. Так малышка, при живом отце, стала безотцовщиной. Перед уходом в плавание Петр пришел, попросил показать дочку, Татьяна провела его в избу. Он постоял, помолчал, затем положил маленький сверток на стол и вышел. Там лежали несколько распашонок, шапочка и 25 рублей, по тем временам, это были хорошие деньги. Больше они никогда не встречались. На дочку стала получать, как мать-одиночка, пять рублей. С Катей жили дружно, как сестры, помогали друг другу. В апреле неожиданно заболела Катина дочка, малышка горела огнем. Позвали соседку, бабку Наталью, которая в округе всех ребятишек лечила, заговаривала грыжу, снимала порчу. Она пришла, осмотрела малышку, что-то шептала, медом мазала, Настенька вроде заснула. К утру ей снова стало плохо, Катя повезла ее в город, в больницу, их положили. Через полтора дня Катерина вернулась одна, умерла Настенька от пневмонии. Катя присела на лавку, обняла голову руками и заплакала, приговаривая:

—Что я такого сделала в жизни? Кого обидела? За что меня так Бог наказывает?

Плакала долго, Таня ее не трогала, по себе знала, что только слезы принесут ей облегчение.

Зашла баба Наталья, подошла к Катерине, гладит ее рукой по голове и приговаривает:

—Поплачь, девонька, поплачь, легче станет. Что уж теперь, Бог дал — Бог взял. Катя стала затихать, Татьяна помогла ей прилечь на постель, вскоре та заснула. Только от одного горя еще не оправились, второе чуть не вошло в дом. Катерина ушла на ферму, работала дояркой. Татьяна решила сходить за хлебом, глянула, Лариса спит в люльке своей. Сказала Вовке, чтобы никуда не уходил и к печи не лез. Как нарочно, хлеб еще не привезли, она решила подождать, так как продавщица Нина сказала, что привезут с минуты на минуту. Стоят бабы, разговаривают, новости местные обсуждают. Вдруг все повернулись, по улице бежал внук бабки Натальи и кричал:

—Тетя Таня, бегите домой, кажись, у вас дом горит, дым валит, меня бабушка моя послала.

Татьяна ойкнула и побежала к дому, за ней все, кто стоял возле магазина. Шуточное ли дело, дом горит, спасти надо, у дома уже собрался народ. Забежав во двор, увидела деда Прохора, он держал на руках Ларису, откашлялся и говорит:

—Татьяна, не бойся, не пожар это, дымоход перекрыт, я думаю, что это малец, беспокойный парнишка у Катерины, того и жди от него беды.

Таня pokrутила головой и спрашивает:

—А где Вовка-то?

Дед тоже оглянулся кругом:

—Сбежал наверно сорванец, испугался.

Она постояла, но какая-то сила толкнула ее в избу, забежав внутрь, от дыма ничего не увидела, щипало глаза, огляделась потом, мальчишки не было видно, но слышался плач. Она заглянула на печку, там под старым тулупом нашла его, вынесла на улицу. Дел Прохор подал ей дочку:

—Тань, глянь, что это с ней?

Малышка тяжело дышала, и личико было белым. Татьяна дала ей грудь, сначала она не брала, но затем начала сосать, но у нее открылась рвота. Потом она умыла дочку, села с ней в тень, постепенно щечки порозовели, она улыбнулась матери. Перепуганная прибежала Катя с фермы, поймав сына, отхлестала его ремнем. Долго в саду слышался его плач, пока мать не занесла его в избу. Вскоре дым выветрился, но запах еще стоял долго.

На другой день, когда Татьяна окучивала картошку в огороде, к ней подошла бабка Наталья. Постояла, посмотрела, повздыхала и говорит:

—Смотрю я на тебя, девонька, жалко мне тебя. Молодая, видная, а одна,— она вздохнула,— война проклятая, мужиков наших перебила. Ну да, ладно, я не за этим пришла. Долго ты у Катки жить собираешься? Парнишка растет, а как муж вернется? У меня сестра есть, моложе меня на немного, живет одна. Может, пойдешь к ней жить? Денег она не возьмет, супу миску нальешь и хорошо. Девчушку твою смотреть будет, а ты робить иди, на "советскую заботу" об ребенке не проживешь.

Таня оперлась на тятку, смотрела на соседку и подумала: «Правда, надо идти работать, а то, что эти пять рублей, и хватит на Катиной шее сидеть». А бабка Наталья, словно прочитав ее мысли, спросила:

—Ну что, я говорю с сестрой?

Улыбнувшись, Татьяна кивнула головой. Когда Катерина пришла с дневной дойки, она ей все рассказала.

—Ты только не обижайся, Катюша, мне правда работать надо, да и вам посвободней станет. Катя рассмеялась:

—Да все правильно, хочешь, я завтра с председателем поговорю, чтобы взял тебя в совхоз, к нам на ферму дояркой пойдешь?

Теперь громко рассмеялась Татьяна:

—Да я же не умею.

Катерина встала, взяла две кружки и пошла за печку, вернулась, протянула одну ей. Подруги стукнулись кружками, бражка пахла медом, приятно щипала горло. Катя, вытирая губы ладонью, ответила:

—Научу, научу дергать за дойки.

Хозяйка дома, баба Валя, оказалась приятной старушкой, правда, плохо слышала. В свои почти 80 лет, сама вела свое небогатое хозяйство, управлялась в огороде. По двору под охраной петуха рылись куры. Под окнами на ухоженных клумбах цвели разные цветы. Кругом была чистота и порядок Татьяна смотрела на дом,

потому что избой его не назовешь. Бабушка Валя, видя, с каким интересом она рассматривает небольшой, двухэтажный домик с резными окнами, сказала:

– Дом этот еще мой отец строил. Большой мастер был, все, до последнего гвоздика, сделал сам. Шибко робить любил и нас к этому приучил. Ну, пошли что ли, жить будешь на втором этаже, там зимой теплей. Поднимаясь по крутой лестнице, посмотрела на ее дочку и спросила:

– Как девчушку-то звать?

– Лариса – ответила Татьяна, взяла узел с вещами и пошла следом за хозяйкой. Они поднялись наверх, и баба Валя открыла дверь в комнату:

– Вот здесь и будешь. Раньше ента комната сына мово была, Павлуши, да погиб он на войне, будь она проклята. А мужа еще в тридцать седьмом ночью увезли. У нас тогда беда случилась в совхозе, коровы сталидохнуть, а он скотником был, вот и забрали. Больше я его и не видела. Сестра говорила, что твоих родителей тоже засудили? – посмотрела на узел, покачала головой, – это все твои вещи?

Таня кивнула, хозяйка покачала головой и вышла. Комнатка была маленькая, но очень уютная. Разложив свое небогатое имущество, она открыла окно, которое выходило в сад. Вдохнув чистого свежего воздуха, Татьяна рассмеялась, схватила дочурку и спустилась вниз. Баба Валя хлопотала возле русской печи. Открыла заслонку, достала ухватом чугунок и ловко поставила на стол.

– Садитесь, – пригласила жиличку, – картохи вот сварила.

От чугунка шел аромат сваренного молодого картофеля, тут же, на столе, появился глиняный кувшин с молоком и кусок ржаного хлеба домашней выпечки. Они поели, Татьяна попросила бабушку присмотреть за Ларисой, ей надо было идти к председателю. Возле правления ее уже ждала Катя, они вошли. Матвей Авдеевич сидел за столом, увидев женщин, снял очки и посмотрел на них.

Катерина подошла ближе, присела на стул и сказала:

– Я привела ее, Матвей Авдеевич. Вот она хочет работать на ферме, дояркой. Он посмотрел на Татьяну так, что она не знала, куда деться от этих глаз. Наконец выговорил:

– Да какая доярка из этой крали? И зачем ей наш совхоз? Ей в город надо. У нас мужиков после войны, на пальцах сосчитать можно, да и те сбежали в город за длинным рублем. Вот твой, Катерина, где он сейчас? – она пожала плечами, а он продолжил. – У нас же одни бабы все на себе тянут, кругом нищета. Помолчал, потом с какой-то болью добавил:

– Зато у нас, всеобщая вера в светлое будущее! Только где оно, это светлое будущее, если страна своего колхозника, как липку, обдирает.

Вдруг он замолчал, испуганно глянул на молодиц, обратился к Татьяне:

– Лады, не передумаешь, то приходи, чего греха таить, мы рады любому человеку.

Сначала было очень тяжело, но вскоре втянулась. Катя и правда научила ее доить коров. Привыкла к запаху навоза, ходить в огромных резиновых сапогах.

Появились подруги, с которыми бегала на танцы в клуб. Когда в деревню привозили фильм, клуб набивался до отказа. Сначала появлялась самодельная афиша: большими буквами было написано название фильма, а пониже и помельче – после фильма танцы.

Танцевали под патефон, выбор пластинок, жаль, был небогат. Были вальс, танго и, конечно, Утесов, Шульженко и Русланова. Баба Валя всегда отпускала ее:

–Иди-иди, милая, чего дома сидеть, мы с Ларочкой и вдвоем управимся.

Одна беда, кавалеров почти не было, но это не останавливало молодых бабенок и девушек. Никто не выходил в круг, когда раздавалась любимая всеми музыка "цыганочка с выходом", это было, когда в клуб приходил Сашка со своим армейским баяном. Татьяна лихо отплясывала цыганочку. Летала по кругу, выбивая дробь каблучками стареньких туфель, озорно подергивая плечиками. Настя, жена Сашки-баяниста, ни на шаг не отходила от мужа, ревниво поглядывая на плясунью.

Так шли годы. Татьяна работала, а дочка подрастала. Постепенно жизнь налаживалась и в совхозе. Председатель, Матвей Авдеевич, не словами, а делом доказывал людям, что они настоящие хозяева земли, и вот эту землю, разоренную войной, надо поднимать. Его очень уважали, своей любовью к землякам, заботой об их благосостоянии, во многих сердцах он растопил лед равнодушия. Люди поверили своему председателю, пошли за ним, устав от нищеты. Да, было очень тяжело. От рассвета до заката трудились на полях, на ферме. Совхозные умельцы своими силами восстанавливали тракторы: из двух собирали один, а когда пригнали два новых, было столько радости, что даже дед Прохор, украдкой смахнув слезу, сказал:

–Ну вот, начинаем оживать.

Только на ферме пока оставалось все по-старому. Тогда доярки устроили настоящий бунт, что нужен новый коровник, на правлении совхоза утвердили план строительства нового.

Татьяна прижилась в совхозе. Приходилось очень много работать, слишком тяжелые испытания легли на женские плечи, но, казалось, что ничто не могло сломить Татьяну. В этой хрупкой, на вид женщине, была огромная сила воли. Ее не видели грустной, на губах сияла улыбка, всегда была одинаково приветлива со всеми. А в клубе ей не было равных по-прежнему. Многие молодухи, которым посчастливилось дожидаться своих мужей, пуще глаза берегли их от заводной Таньки. Даже Катя не раз удивлялась:

–И откуда ты силы берешь, Татьяна? На ферме одна за троих пашешь, дома все на тебе, а ты вроде и не чувствуешь усталости, только краше становишься.

А Татьяна глянет на подругу и только улыбнется.

Заметив, что завхоз не сводит с подруги глаз, Катерина однажды спросила его:

–Кузьмич, а что ты дырки на Танюхе глазами делаешь? Ты же вдовый, женись на ней.

Мужчина смутился и ответил:

—Да что ты такое говоришь, Катюха? Я ее одену, обую, она сбежит сразу от меня, Ей разве такой мужик нужен? Она хоть и в навозе работает, а королева!

Катка громко расхохоталась:

—Да, Кузьмич, такую бабу тебе не удержать, не для тебя она.

Татьяна слышала их разговор, улыбнулась про себя, потом незаметно стряхнула слезы. Королева! А королева любить хочет. Страшно очнуться в темноте, в тоске, в одиночестве, когда тебя некому обнять, когда до боли хочется отдать нежность свою, себя, а отдать некому. Ты лежишь одна в холодной постели и хочется кричать от безысходности. Дочка помогала ей жить, в ней был смысл жизни. Лариса ходила в садик, осенью должна была пойти в школу. Таня очень любила ее. К тому времени в совхозах, за заработанные трудовни, стали платить уже часть деньгами. Она, как могла, баловала дочку, даже баба Валя раз заметила:

—На что ты ей все покупаешь, она ведь растет, куды потом все девать?

Таня только смеялась, прижимая к себе и целуя малышку.

Сама хозяйка тоже стала получать пенсию. Тайком, словно стесняясь, давала копеечки внучке, так она называла Ларочку. Девочка нашла где-то железную баночку из-под зубного порошка и складывала туда монетки, не расставалась с ней никогда. Первого сентября мама и дочка пошли на первый звонок, рядом семенила мелкими шагами бабушка Валя, которая тоже захотела проводить внучку в школу. Лариса шла в форме, белом фартучке, в косичку вплетена новая белая атласная лента. В руках она держала букет из белых и красных махровых астр. Татьяна держала дочку за руку и объясняла, что такое школа. А дочка шла, думая о своей коробочке с монетками, которую она спрятала под деревом возле школы. После торжественной линейки детей развели по классам. Зоя Петровна рассадила детей по партам, посмотрела на серьезные лица и сказала:

—Вы теперь не просто мальчики и девочки, вы теперь ученики.

Дальше она рассказала, что можно, а что нельзя приносить в школу, как вести себя. Весь первый урок дети просидели тихо, внимательно слушая учительницу. На перемене они бегали, играли в догонялки, когда Лариса вспомнила про коробочку, ее нигде не оказалось. Девочка долго искала, но поняв, что ее не найти, горько заплакала. Зоя Петровна, как могла, успокаивала ее, довела до дома и передала бабе Вале. Малышка уткнулась в нее и снова заплакала. Глядя ее по головке, женщина подумала:

—Пусть это горе будет у тебя последним,— вслух же произнесла,— не плачь, внученька, эта беда, еще не беда, я тебе дам шкатулочку и ты снова будешь собирать монетки.

Пройдут годы, а Лариса так и не забудет ту железную баночку с монетками.

Как же быстро летит время. Лариса перешла в восьмой класс. Училась хорошо, хотела поступить в сельскохозяйственный техникум. Мечтала стать ветеринаром, с детства лечила кошек и собак. Последнее время ухаживала за бабушкой Вале, которая уже не поднималась. Выполняла все процедуры, что назначила участковый врач, но болезнь все больше доставляла боли бабушке. Лариса часто плакала от жалости и бессилия, что не может помочь, облегчить

страдания. Баба Валя умерла у нее на руках. Ушла также тихо, как и жила. После похорон к Татьяне подошла баба Наталья, присела рядом на скамью, вздохнула горестно и сказала:

—Что теперь будешь делать?

Таня вытерла слезы, помолчала и ответила:

—Не знаю, правда, не знаю.

Наталья, положила ей руку на плечо:

—Знаешь, перед смертью сестра позвала меня к себе. Простила оставить тебя в доме, клятву с меня взяла. А зачем? Мне и так ее хоромы не нужны, нам с дедом и своих хватит, а дочка в городе живет, у ей там своя квартира. Так что, живи и помни добро сестрицы моей, помощь кака понадобится, обращайся.

—Спасибо,— тихо ответила Татьяна.

После дневной дойки Татьяна решила пройтись пешком, шла берегом реки, затем сняла босоножки и пошла по воде. Было очень жарко, а от воды веяло приятной прохладой. Неожиданно услышала позади себя мужской голос:

—Девушка, можно мне с Вами?

Она оглянулась и увидела мужчину, лет сорока, высокий, худощавый. Незнакомец стоял и смотрел на нее, потом повторил вопрос:

—Так мне можно с Вами?

Они пошли рядом, Татьяна спросила его:

—Что-то я Вас раньше не видела у нас, в гости приехали сюда?

Мужчина улыбнулся, отломил веточку от куста, отмахиваясь от мошек, ответил:

—Да нет, что Вы, нас от завода направили в командировку, будем помогать вам. Сейчас будем травы косить, потом технику готовить к жнивью, в общем, будем жить в совхозе. Кстати, меня Дмитрий зовут, а Вас как?

Татьяна назвала себя.

—Ну вот и познакомились,— он рассмеялся, потом добавил,— может, встретимся еще?

Она пожала плечами, смутилась:

—Может и встретимся. А пока, до свидания, я уже пришла.

Дмитрий пожал ей руку и пошел дальше, она немного задержалась в калитке, смотрела ему вслед. Он шел походкой рабочего человека, уверенно, широким шагом. Татьяна вздохнула, в сердце как-то приятно прошло тепло. «А вдруг это он, тот, которого она ждет уже многие годы». Они встретились, потом еще и еще, однажды Татьяна привела Дмитрия в дом, познакомила с дочкой. Ларисе мамин знакомый совсем не понравился, про себя она его назвала "костыль". Мать заметила, как дочь посмотрела на гостя, но быстро прогнала эту мысль от себя. Ей было хорошо с ним. Счастье, говорят, глаза застит, так и для нее этот мужчина стал самым близким и нужным. Татьяна была счастлива и не скрывала этого. Катерина в душе немного осуждала подругу, но больше радовалась за нее. Лариса старалась не выходить из своей комнаты, когда приходил "костыль". Неприятно было видеть, как суежилась мать, накрывая на стол, во главе которого всегда стояла бутылка водки, запечатанная сургучом. Девушка брала книгу,

закрывалась у себя и читала, под смех и музыку, что доносились из другой комнаты. Вскоре Дмитрий перешел к ним с вещами. Лариса попыталась поговорить с матерью, подошла к ней и сказала:

—Мама, зачем это тебе? Как он может нравиться тебе? Ты видела его глаза? Они не живые, холодные, в них нет и грамма любви.

Мать не дала ей договорить:

—Ты что знаешь о любви? Ты, глупая девчонка, рассуждаешь о том, чего не знаешь, — она повернулась к дочери и со слезами на глазах, добавила. —Понимаешь, я одинока, и я страдаю от этого, хочу счастья, хочу любить. Я ворую кусочки чужой жизни, чтобы заполнить свою душевную пустоту. Прости меня, родная и не суди.

Лариса пришла к себе и долго не могла уснуть, думая о словах матери. Так ничего и не придумав, уснула. Прошло лето. Татьяна светилась просто от счастья, она любила. Многие вдовушки укоризненно качали головой ей вслед. Лариса очень переживала, мать отдалилась от нее, они совсем перестали говорить о своем, о девичьем, как было раньше. Подходила осень, все работы на полях заканчивались. Татьяна жила в страхе, боялась разлуки с любимым, но все хорошее, когда-нибудь, заканчивается. Однажды, придя из школы, дочь застала мать в слезах, оказывается, что Дмитрий уехал, просто закончилась его командировка. Вечером зашла Катерина, подруги долго сидели за столом. Лариса слышала, как мать, приняв на душу, жаловалась Кате:

—Ой, Катюшка, сколько лет прожила сама. Трудно было, душа просила ласки и тепла, да что я тебе говорю, сама ведь была в моей шкуре. Это хорошо, что твой благоверный все же вернулся. А мне ждать некого было. Понимаешь, душой я к Дмитрию прикипела. Знала ведь, что ничего не будет у нас, он не обещал мне остаться. Снова одна, снова холодная постель.

Положив руки на стол, наклонила голову и горько заплакала. Катя, гладила подругу по голове, приговаривая:

—В город тебе надо, Таня, погибнешь ты здесь. Ты красивая, сильная, да и Ларку учить надо.

Татьяна приподняла голову, вытерла кулаком слезы, улыбнулась:

—Да куда я поеду? Ты посмотри на мои руки, что я смогу ими делать?

Лариса слышала весь разговор подруг, и ей искренне было жаль мать, которой она всей душой желала счастья, хотя ненавидела Дмитрия. Это он ворвался в их жизнь, все взбаламутил и уехал. С отъездом Дмитрия, мать изменилась, словно неживая стала, на столе часто появлялась бутылка. Мать выпив, становилась раздражительной, начинала придирается ко всему. Дальше — больше, вскоре в селе уже все заметили перемену в Татьяне. Катерина пыталась образумить подругу, но натыкалась на стену, за которой Таня упрямо пряталась от всех. Лариса стала стесняться матери, перестала общаться с ровесниками. Так у них и пошла жизнь. День мать на работе, вечером застолье сама с собой устраивала. Дочь несколько раз просила ее остановиться, но Татьяна начинала кричать:

—Уйди, оставь меня в покое. Мне тошно жить, никто не знает, как у меня душа болит.

В тот злополучный день, Лариса шла из школы, вдруг ее догнал соседский мальчишка и крикнул:

—Лариска, беги домой, там твоя мать возле крылечка лежит.

Войдя во двор, она увидела мать, которая лежала на крыльце и спала. Она еле растолкала ее, завела в дом, посадила на стул, и сказала:

—Мама, ну разве так можно? Что ты делаешь с собой? А я?

Татьяна, пьяно икнув, зло проговорила:

—А что ты? Голодная или раздетая? — оглядев дочь, добавила. — Подумаешь, паца. Что молчишь? Брезгуешь говорить с матерью?

Лариса не помнит, как произошло, но она схватила мать, тряхнула ее и ударила рукой. Не удержавшись на ногах, мать упала, и по инерции отлетела до стены. Мгновенно протрезвев, наверно, она поднялась и молча ушла в свою комнату. Лариса стояла в шоковом состоянии. Никогда, даже будучи уже взрослой женщиной, она не простит себе, что ударила мать. Всю ночь она прислушивалась, но в доме стояла тишина. Рано утром мать вошла к ней в комнату, присела на кровать, долго мялась, наконец, тихо проговорила:

—Лариса, дочка, прости меня, прости. Больше никогда это не повторится, я тебе обещаю.

Она заплакала, гладила дочь по голове, приговаривая:

—Все будет так, как было раньше.

Лариса, так и не сомкнувшая глаз, приподнялась на постели, заплакала и прильнула к матери. Они обнялись, долго сидели так молча, потом посмотрели друг на друга и рассмеялись. Мать сдержала данное слово, никогда, до самой ее смерти, Лариса не видела, чтобы мать пила. Постепенно жизнь вошла в свое старое доброе русло.

Татьяна стояла у зеркала и рассматривала свое отражение. На нее смотрела привлекательная женщина в легком ситцевом платье. Она подумала про себя, глядя в зеркало: «Ну что смотришь? Ведь вроде все при тебе, а жизнь не сложилась, почему?» Но отражение молчало. После отъезда Дмитрия, она стала сторониться мужчин, считая, что им только одно нужно от женщины. Татьяна вздохнула, нет у нее ни родных, ни преданных друзей. Осталась подруга Катя, только ей она может распахнуть свою душу, поделиться переживаниями. Повернув голову, увидела Ларису, дверь в ее комнату была открыта. Увидела и ахнула. Дочь-то выросла! К ней спиной стояла девушка с прекрасной фигуркой и длинными стройными ножками, по спине к пояснице спускались шелковистые волосы, цвета спелой ржи. Татьяна подумала: «Боже, когда она успела превратиться в такую красавицу?» —в душе пробежал неприятный холодок, стало страшно за дочку.

—Господи, помоги моей кровинушке, дай ей счастье!

Пусть она не повторит мою судьбу,—сказала сама себе.

Лариса, видимо, почувствовала взгляд, обернулась, увидев мать, улыбнулась и спросила:

—Мама, ты что?

Та подошла к ней, глядя с нежностью, произнесла:

—Любуюсь тобой, доченька, красивая ты у меня, — еще раз улыбнулась.— Мальчики заглядываются, поди, уже? Девушка покраснела:

—Ну что ты, мама, какие мальчики?

Мать засмеялась:

—Ладно, пошли завтракать.

После завтрака мать убежала к своим питомцам в телятник. Лариса любила там бывать, с удовольствием помогала матери ухаживать за телятами. Каждый день снимали загрязненный слой, заменяя чистой и сухой соломой. Молодняк уже выпускали на прогулку. Ей нравилось, когда они тыкались влажными бархатными губами в ее руки, знали, что там всегда есть кусочек мягкого хлебушка. Жевали все, что успевали захватить: полу халата, ленту, что была вплетена в косу. Самые шустрые толкали лбами, приглашая бодаться. Лариса весело смеялась, теребя их за ушами. Вот и сегодня, было воскресенье, она решила провести своих подопечных. Шла по улице, отвечая на приветствия встречным односельчанам.

—Ба, и чья же это такая красуня?— услышала неожиданно.

Перед ней стоял парень в военной форме и голубом берете. Он восхищенно смотрел на нее и улыбался. Лариса узнала его, это был внук председателя совхоза, Антон.

—Так ты мне скажешь, как тебя зовут?— спросил парень. Девушка смутилась, но ответила. А парень еще больше удивился:

—Надо же! Я уходил в армию, ты же кроха была, а теперь превратилась в такую красавицу. Приходи вечером в клуб, потанцуем.

Ничего не ответив, она вспыхнула и кинулась в первый проулок. Вслед услышала громкий смех и голос:

—Приходи, я буду ждать.

Дома незаметно проскользнула в свою комнату.

Мать сразу заметила перемену в дочери, попыталась с ней заговорить, но Лариса не отвечала маме. Убирая у телят, она думала об Антоне. До чего же он был хорош, конечно, сейчас все девчонки будут крутиться возле него. В клуб она не пошла, ей было страшно, что все догадаются, как он нравится ей. Прошли экзамены, и пришел выпускной вечер. Лариса в белом коротком платье и босоножках на маленьком каблучке, выглядела взрослой девушкой. Татьяна стояла и любовалась дочерью, испытывая гордость, что вот одна, без мужа, вырастила дочь: красавицу и умницу. Когда начались танцы, Лариса увидела в зале Антона, тот кого-то искал. Неожиданно они встретились глазами, она видела, как радостно он улыбнулся и подошел к ней.

—Здравствуй, беглянка, ты что избегаешь меня?— спросил ее.

Зазвучала музыка, Антон подхватил девушку, и они закружились по залу, много пар глаз следили за красивой парой. Татьяна стояла и молчала, сердцем чувствовала, что это не к добру, мала еще девочка для серьезной любви. Наконец

приняла решение, что дома, обязательно, поговорит с ней. Антон откровенно любовался девушкой. В белом платье, с нежным румянцем на щеках, она казалась такой чистой и невинной, что он даже боялся дышать на нее. После вечера проводил ее домой, расставаясь ему, так хотелось поцеловать это чудо, но боялся все испортить. Они постояли, потом он спросил:

—Что завтра будешь делать?

Она, смущаясь, ответила, что ей надо в город отвезти документы в сельскохозяйственный техникум.

—Ты хочешь учиться? Кем ты хочешь стать?

—Зоотехником,— улыбаясь, проговорила Лариса.

—Здорово! Окончишь, тебе будет восемнадцать, выйдешь за меня замуж.

—Замуж?— удивилась девушка.— Как же без любви?

Антон обиделся:

—Почему это без любви? Я тебя люблю. А ты меня?— он заглянул ей в глаза и переспросил.— А ты меня?

—Не знаю,— тихо прошептала она, потом добавила —Но ты мне нравишься очень.

Парень громко выдохнул:

—Ну и славно, пока так, потом полюбишь.

Они еще немного постояли, потом попрощались, Лариса вошла в дом, Антон постоял минуту и направился в проулок, недалеко был его дом. Утром девушку разбудил рев мотоцикла, она выглянула в окно и увидела Антона, он помахал ей рукой. Накинув халатик, выскочила за калитку.

—Что случилось? — спросила она его.

—Ничего,— улыбаясь, ответил он,— просто я решил, что сам отвезу тебя в город, чтобы ты не теряла времени.

Лариса обрадовалась:

—Я сейчас, я быстро.

Через полчаса мотоцикл мчал их по дороге, оставляя клубы пыли за собой. Девушка сидела за водителем, крепко обхватив его руками, прижимаясь к сильной спине, с наслаждением вдыхая его запах. В городе быстро управились сдали документы, посидели в сквере, смакуя вкусное мороженое, запивая прохладной газировкой.

В техникум Лариса поступила. Татьяна была рада за дочь, гордилась ею. Смущали только эти частые встречи с Антоном. Парень взрослый, отслужил в армии, а дочка еще совсем ребенок. Давно хотела поговорить с нею, да все откладывала разговор. Сегодня утром, открыв окно, она застыла в недоумении. Был конец августа, деревья в саду сменили свой наряд, нарядились в золотые одежды. Было еще тепло, воздух просто пьянил. Слышались бабьи переключки, выгоняли коров в стадо. А их двор пестрел разноцветными воздушными шарами. Они были привязаны всюду, поднимались вверх на ниточках, весело покачиваясь от легкого ветерка. На калитке белой краской было написано "Доброе утро, любимая!" Татьяна улыбнулась про себя, что чудит парень. Надо прекратить эти встречи, так и до беды недалеко. Счастье дочери для нее важнее всего. Услышала

смех, дочь проснулась, она поднялась наверх. Лариса смотрела в окно и громко смеялась, хлопая в ладошки. Татьяна решила, что самое время поговорить.

—Лариса, дочка, Антон тебе не пара.

—Почему?—повернувшись к ней, спросила она мать.

Татьяна уже начала нервничать:

—Он старше тебя. Ему жениться пора, а ты ребенок. Он поиграет с тобой и бросит. Я знаю жизнь, дочка, верь мне.

Рано тебе о любви думать.

—Какая любовь, мама? Мы просто друзья,—смущаясь, ответила Лариса.

Мать резко повернула ее к окну, показывая на надпись и шары, громко сказала:

—А это? Любимая!— перевела дыхание, добавила.—

Чтобы я вас вместе не видела больше. Вот мой весь сказ.

Антон, потягиваясь, вышел из своей комнаты, подошел к рукомойнику, сполоснул лицо. Мать, ставя на стол завтрак, обратилась к сыну:

—Антон, скажи мне, что у тебя с Ларисой?

Он удивленно глянул на нее, дуя на горячую картошку, спросил:

—А что? Тебя что-то смущает?

—Меня смущает, что тебя часто видят подле этой девушки. Незачем забивать голову девчонке. Еще подумает, что у тебя серьезные намерения к ней,— ответила мать.

—А я как раз и думаю серьезно. Мне нравится Лариса.

—Но у вас разница пять лет?—возразила она.—И потом, у тебя есть девушка, вы же переписывались два года.

—С Галей мы просто друзья, я ей ничего не обещал. Да и жениться я пока не собираюсь. Ларисе учиться почти четыре года.

Он встал, подошел к матери, поцеловал ее в щеку, улыбнулся:

—Мама, она необыкновенная, я ее очень люблю, и буду ждать, сколько понадобится, столько и буду. Я побежал.

Ольга Филипповна покачала головой вслед сыну. Он был единственной радостью ее. Родила его, когда потеряла уже надежду на счастье материнское. Сколько плакала, по врачам ездила, Бога просила, и он ее услышал, родился Антон, когда ей было уже сорок два года. Они с мужем так хотели, чтобы он учился, ведь единственный сын, возможности у них есть. Так нет, после десятого класса пошел работать трактористом. К механике очень способный, нет такой машины, с которой бы он не справился. Муж сначала очень ругался на нее, что это она боится отпустить сыночка от себя. Терпела, терпела, потом не выдержала и ответила ему:

—Ну что ты все ворчишь и ворчишь? Не всем же академиками быть? Кому-то землю любить и лелеять надо, гордись, что твой сын к земле тянется, душу в нее вкладывает.

Постепенно муж успокоился, видимо, понял, что сын пошел в своего деда. Только год прошел, как старик

оставил работу, всю жизнь отдал совхозу, людям. Мимо чужой беды никогда просто не проходил, помогал, чем мог.

Конец августа – начало сентября, это особая пора, какая-то одухотворенность – на границе лета и осени. Осень – волшебница, это она кружит голову хороводом золотых листопадов. Лариса стояла и смотрела, как снуют трактора по полю, поднимая пыль столбом. Она нашла Антона, помахала ему белой косынкой, засмеялась и громко крикнула:

– Антон! – помахала еще раз, но крик утонул в реве тракторов.

Закончив круг, трактор остановился, из него выпрыгнул, весь в мазуте и солярке, ее Антошка. Юноша подбежал к ней, волнуясь, спросил:

– Лариса, что случилось? Ты как сюда добралась?

Девушка рассмеялась:

– Пешком, напрямик, через поля. – потом добавила. – Я завтра уезжаю, мне надо устроиться в общежитие, через три дня начнутся занятия.

– Знаю, – ответил он, – я тебя сам отвезу. Будь утром готова. А сейчас беги домой и будь осторожна, по большаку много чужих машин, зерно возят на элеватор.

– Хорошо, – тихо ответила Лариса.

Она развернулась и пошла по свежей пахоте, проваливаясь ногами в мягкую землю. По пути зашла к матери, помогла поить телят, автопоилка снова оказалась сломанной, пришлось воду носить ведрами. Вдвоем управились быстро. Домой шли по улице. Село уже жило вечерней жизнью. Из некоторых дворов слышалось визжание и хрюканье чушек, из других слышно было, как весело дзинькало молоко о подойник. Мать обняла дочку за плечи и спросила:

– А Борьку своего на кого оставишь? Мне он не нужен, он не слушается меня. Может, продадим его?

Борька – это поросенок, которому три месяца. Татьяна помнила, как он появился в доме. Однажды, закончив работу, она собралась идти уже домой, как из свинарника вышла Мария Светлогорова, в руках она держала коробку, в которой слабо попискивали поросята, их было

много, штук десять. Они беспомощно тыкались пяточками в стенку коробки. Мария, чуть не плача, начала уговаривать Татьяну, взять себе хоть одного:

– Таня, беда-то какая, такая свиноматка была, загляденье просто. Что случилось, я даже и не пойму, но померла сердешная, а их вон сколько, жалко-то как. – она заплакала, потом добавила. – Возьми, выручи, сейчас пробегусь по бабам, попробую их пристроить.

Татьяна взяла двух, принесла домой. С Ларисой покормили их из бутылочки, спать устроили в коробке, постелив там одеяльце детское. Утром один оказался мертвый, а над вторым дочка взяла шефство. Кормила, меняла подстилку. Вскоре поросенок так привязался к ней, всюду сопровождал ее. Даже спать просился на постель, укладывался в ногах и так нежно похрюкивал, что рука не поднималась скинуть его оттуда. Хозяином себя быстро почувствовал. И вот теперь вопрос – что с ним делать?

– Не знаю, мама, – ответила Лариса. – И правда, продай

его. Мы же все равно не сможем его есть. Только продай в другую деревню, а?

–Хорошо,– проговорила мать в ответ.– Да у меня уже и покупатель есть. Просто хотела узнать, как ты на это посмотришь?

Она притянула дочь к себе, и подумала, что вот уедет ее красуня, одна останется. Вслух же сказала:

–Все хорошо будет, я рада за тебя и очень люблю Хо-рошая ты у меня, душа у тебя мягкая.

Утром Татьяна встала пораньше, тесто, поставленное ночью, подошло, она затеяла печь пироги. Лариса спустилась вниз, потянувшись, улыбнулась матери: -

–Доброе утро, мамуль. Что это ты пирожки печешь? Мать, повернув раскрасневшееся от печки лицо, тоже улыбнулась в ответ:

–Ну а как же? Девочек угостишь, сама поешь,–она вздохнула.– Как ты там сама-то будешь?

Дочка рассмеялась, подбежала к ней, прижалась щекой к горячему лицу матери, нежно сказала:

–Мамочка, да я же не на полюс уезжаю. Город от нас в часе езды, в любое время можно приехать, ходит автобус.

Татьяна легонько оттолкнула ее:

–Иди, умывайся, завтракай, нам надо успеть на автобус.

–Не надо на автобус,–тихо ответила Лариса.– Меня Антон отвезет на мотоцикле, он вчера даже коляску прицепил, чтобы вещи вошли.

Мать охнула, посмотрела на нее:

–Час от часу не легче. Я с тобой, о чем говорила недавно?

Дочка упрямо сдвинула брови и стала похожа на свою мать:

–Мама, ну почему ты так говоришь? Антон хороший, очень хороший. Мы даже не целовались еще, он сказал, что когда мне будет шестнадцать, тогда он меня поцелует.

Татьяна не выдержала и громко рассмеялась:

–И правда, дети. Ну ладно, пусть везет. Может и правда он тебя любит.

Закончив завтрак, поцеловав дочку, мать убежала к своим подопечным. Сегодня будут отбирать телят на мясо. Не любила она эти приходы председателя и зоотехника, так было жалко, вскормленных своими руками, телят. У нее каждый имел свое имя. Сердце разрывалось, когда их грузили и увозили на бойню. Животные, видимо, чувствовали, куда их везут, упирались, не хотели подниматься по трапу на машину. Они так жалобно мычали, что она закрывала ладонями уши и уходила внутрь. Лариса услышала рокот мотоцикла и выглянула в окно. Увидев Антона, радостно улыбнулась и помахала ему рукой. Он вошел, поздоровался:

–Доброе утро, красавица! Ну что, собралась?– посмотрел на приготовленные сумки, взял две, самые большие, и пошел к выходу, погрузил в коляску и вернулся.

Когда весь багаж был уложен, она закрыла дом, положила ключ в потайное место, вышла за калитку. Антон уже завел мотоцикл, она села позади него,

обхватила руками, и они поехали. В городе он подождал, пока Лариса решила все вопросы с поселением в общежитие, поставили сумки. Потом присели на скамью и долго молчали, наконец, Антон, взяв ее за руки, глядя ей в глаза, сказал:

—Мне будет плохо без тебя, я буду часто приезжать. А ты учись, хорошо учись и думай обо мне. Я тебя буду ждать, сколько скажешь, столько и буду ждать. И ты меня жди. С первой минуты, как увидел тебя на дороге, я понял, что ты для меня росла. Я буду любить тебя и беречь всю жизнь. Поняла? Девушка, не отрывая от него глаз, согласно кивнула. Он встал, поцеловал ее в щечку, сел на мотоцикл, резко крутанул ручку газа, мотор взревел и рванул с места.

Как быстро летит время... Чем дальше, тем быстрее. Совсем недавно дочка поступила в техникум, и вот, Татьяна держит в руках синенькую продолговатую книжечку, еще пахнущую типографской краской, с надписью "Диплом". Выучилась ее красуня, стала дипломированный специалист. Сказала матери, что будет учиться дальше обязательно. А матери что надо? Конечно счастья дочери. Пусть она будет счастлива за двоих.

—Таня, Таня, погляди на себя в зеркало. Сама-то что, не достойна счастья? Не глупая, не страшная, что же так быстро отказываешься от всего? А может счастье-то рядом ходит?— прошептал ей внутренний голос. А дочка, в это время, задыхаясь от счастья, отвечала на поцелуи Антона, шептала ему счастливым голосом:

—Антошка, представляешь, все позади. Тетради, учебники, сессии. Теперь только ты и я!

Он, прижимая к себе любимую, улыбнулся:

—Теперь-то ты согласна выйти за меня замуж? В прошлом году отказала ведь.

—Ну что ты, конечно согласна,—она посмотрела ему в глаза. — Я бы тогда не доучилась, все бы бросила и примчалась бы к тебе.

Антон взял ее за руку и сказал:

—Тогда пошли со мной.

Девушка покорно пошла рядом с ним. Они пришли к его дому. Ольга Филипповна заметила их из окна, ойкнула и сказала своей старенькой матери:

—Антон идет с Ларисой,— она улыбнулась и добавила.—Скоро наверно свадьба будет.

Мать глянула на нее и ответила:

—А что это ты такая радостная? Давно ли против была, что же изменилось? Али девка к душе пришлась?

Ольга Филипповна отмахнулась от нее:

—Ну вот что ты буровишь? Какая девка? Хорошая девушка, ласковая,— она задумалась, и проговорила, словно про себя.—Я на нее глазами сына посмотрела. Любит он ее, значит и мне мила будет.

В сенях слышались шаги, вошли Антон и Лариса.

—А вот и мы,— громко сказал он, проходя в комнату.

—Здравствуйте,— тихо сказала девушка.

—Здравствуйте,—ответила хозяйка.— Проходите, сейчас обедать будем.

За обедом и разговорами смущение прошло, Лариса почувствовала облегчение, спало, наконец, напряжение. После обеда мать поставила на стол чашки с чаем, в комнате запахло вареньем из только что открытой банки.

—Мама, мы решили пожениться,— сказал Антон, глядя насторожено на нее.

—Хорошее дело,— улыбнулась мать.—Теперь можно, да и внука хочется покачать,—она помолчала, потом добавила.—Только, ребятки, давайте на осень? Урожай соберем, кое-что продадим, вот тогда можно и свадьбу сгулять.

Антон вскочил, заходил по комнате:

—Как на осень? Это еще три месяца ждать?— он очень нервничал.

Лариса встала, подошла к нему, погладила по плечу:

—Антоша, давай подождем, мама твоя правильно говорит.

Он рассмеялся, глянул на своих женщин:

—Уговорили, как же я вас люблю.

Вечером дома Лариса решила поговорить с матерью. Они попили чаю, сидели за столом, Татьяна, уже в который раз, рассматривала диплом дочки:

—Умница ты моя, ты не представляешь, что я сейчас чувствую. Не зря, значит, так сложилось все в жизни. Пусть у меня нет ничего, для меня главное —твое счастье.

—Мама, мы с Антошкой решили пожениться, сегодня уже говорили с его мамой, она не против. Татьяна почувствовала раздражение и обиду:

—А меня ты решила поставить перед фактом. Там вы поговорили, а со мной не надо? Хорошо, вот и мать уже не нужна.

—Мама!—воскликнула дочь.—Ну что ты такое говоришь? Антон с родителями придут, все будет так, как положено,—она обняла мать.—Все будет хорошо, мамуля.

Убрав посуду со стола, Лариса поднялась к себе. Татьяна осталась одна. Держала в руках фото дочери, снялись всей группой на прощание. Как мать, она, конечно, считала, что ее девочка самая красивая и самая умная, значит должна быть и самой счастливой. Она уже взрослая и только ей решать, нужен ей Антон или нет. Таня видела, что они любят друг друга, что счастливы вместе. Она вздохнула:

—Господи, не дай ей повторить мою судьбу. Я за ее счастье дорого заплатила. Она выключила свет, вошла в спальню, переоделась и прилегла на постель, улыбнулась про себя: —Значит, быть свадьбе.

Отпели майские соловьи. Наступило лето. После белой зимы мир преобразился, радуя своим изобилием красок. Все вокруг расцветает, все вокруг оживает. Птицы весело поют, встречая новый день. Яркие солнечные лучи щедро одаряют все живое своим светом и теплом. Но вот и лето прошло, словно и не было. На пороге стояла осень. Лариса приступила к работе. Иван Иванович, зоотехник, оказался добродушным человеком, он один верил, что она выучится и вернется. Выходя из коровника, он дружелюбно рассказывал:

—Лариса, мною составлен план работы комплекса на этот год, но ты, как специалист новый, должна глянуть его. Может, что добавишь, мы потом обсудим. И еще, главное — это контроль за качеством продукции, молока сейчас у нас много, скоро запустим линию по изготовлению сыров. Тебе, если что непонятно будет, я всегда помогу. Что мне на пенсии делать? Лариса улыбнулась ему, взяла его под руку:

—Спасибо Вам, Иван Иванович, конечно, приду, это очень хорошо, что Вы есть, — помолчала немного, и добавила.— Знаете, мне кажется, что в телятнике на зиму надо поднять температуру. И в помещение их загонять на ночь пора, а то ревут ночью, видимо холодно им. Старик засмеялся:

—Этих слов я от тебя ждал,— он лукаво посмотрел на нее.— Твои любимые дети. Хотя, пока ты училась, их уже, знаешь, сколько сменилось,— он похлопал ее по руке.— Над предложением этим подумаем.

Они подошли к телятнику. Вся молодежь была в загоне. Татьяна вышла гостям навстречу, улыбнулась и спросила:

—Чем порадуете?

Иван Иванович, осматривая телят, ответил:

—А тем, краса моя, что план на мясо увеличили,—он покачал головой и с сожалением продолжил.— Капризный народ — эти горожане, телятину им подавай. А как вот их подать?

Все трое повернули головы на загон. Телята резвились, как дети. Один бодаться напрашивался, тыкался рожками ко всем, другие пили воду, фыркая носами, остальные мирно щипали, уже пожелтевшую, травку. Татьяна обиженно проговорила:

—Уйду, не могу я больше их на мясо растить. Привыкаю, как к детям привыкаю. Пусть Варвара идет сюда. Ей все равно. Вон как лихо головы петухам рубает, а я не могу, ни одной курице не отрубила голову.

Зоотехник ласково посмотрел на мать с дочерью:

—Хорошие вы, добрые. От вас свет идет и тепло,— потом обратился к Ларисе.—А ты заходи, дочка, в любое время заходи. Бабки у меня нет, уж сколь лет один живу, ворчать некому. Надо было и правда мать твою тогда замуж брать, Катька как уговаривала. Побоялся, а зря.

Старик засмеялся, они тоже, а он пошел к правлению.

Солнце грело, но уже не так сильно, словно стеснялось. Год выдался урожайный не только для совхоза, но и для всей Сибири. Каждый день к элеватору из совхозов подходили колонны машин, украшенные красными флагами, борта обтянуты материей с надписями "Принимай хлеб, Родина!" или "Комсомол рапортует Партии!" Антон даже похудел, с утра до позднего вечера за баранкой машины, а хлеба было — еще возить и возить, урожай выпал этот год на радость всем селянам

«Антошка,—подумал Матвей Авдеевич о внуке,— замотался бедный, второй месяц недосыпает». Проводив его, старик присел на скамейку возле калитки и, опершись на палку, сложенными одна на другую руками, проводил взглядом Антона. Тяжко вздохнул, вот так же и он, с самого детства на земле, совхоз— это

его детище. Сейчас новый председатель, вот уже несколько лет руководит совхозом. Матвею Авдеевичу преемник сразу понравился. Молодой, граный, выдержанный человек, умело руководит хозяйством.

Опустели поля, облетела с деревьев листва, покрыв землю мягким золотым ковром. Закончились все работы. А во дворе Ольги Филипповны и Александра Матвеевича ждали

молодых. День был солнечный и теплый, столы накрыли во дворе под навесом.

—Едут, едут!— закричали ребятишки, сидевшие на крыше веранды, сами скатились вниз и побежали навстречу председательской волге. Ольга Филипповна взяла со стола каравай, что лежал на вышитом полотенце, кивнула мужу, и они вышли на крыльцо. В калитку уже входили молодые. Баянист Сашка всю старался, растягивая меха баяна. Молодые подошли и встали перед родителями, получили благословение, по обычаю надкусили каравай. Гости громко грянули "ура", когда невеста откусила кусочек больше жениха, с шутками и смехом все заняли свои места за столами. Через несколько часов свадьба "пела и плясала" и шум от нее разносился далеко по всей округе. Татьяна сидела и смотрела на дочь, внутри нее что-то переворачивалось, она почти шепотом произнесла:

—Эх, Петя, Петя, глянул бы ты сейчас на нашу доченьку. Бросил нас, а мы и не пропали. Вон, какую красавицу и умницу я вырастила, сама.

Татьяна и не замечала, как по ее лицу текли слезы. Лариса подошла к ней:

—Мамочка, что с тобой? Почему ты плачешь?

—От счастья, доченька, — улыбнулась мать.

—А разве от счастья плачут?

—Да, моя родная, у счастья тоже слезы есть.

Татьяна посмотрела на дочь. Хороша! В белом наряде невесты она была похожа на Ангела, спустившегося на землю, чтобы осчастливить одного человека. Словно, услышав ее мысли, подошел Антон, обнял жену:

—Что грустим, мои девочки?

Тут гости закричали "Горько" и молодые вернулись за стол. Ольга Филипповна подошла к Татьяне, присела рядом:

—Что ты одна тихо сидишь в стороне, пойдем к нам. Слышишь, как бабы поют, сердце тает просто. Она взяла ее за локоть, говоря ей:

—Пошли, пошли, нечего одной сидеть.

Татьяна встала и пошла за ней. Проходя мимо Сашки-баяниста, услышала:

—Танюха, а давай-ка спляши для всех. Пусть посмотрят, как надо танцевать.

Он поставил пустую стопку на стол, надкусил огурец, взял баян, и полилась тихая чарующая музыка. Таня стояла и слушала, слышались голоса:

—Давай, Татьяна, давай!

Тряхнув головой, она, раскинув руки, плавно прошла по кругу, затем резко развернулась, и притоптывая каблучками, озорно подергивая плечиками, снова прошла по кругу. С ускорением темпа музыки, ее каблучки чаще выдавали дробь, руки взлетали и плавно опускались. Лицо ее покраснелось, она летала по кругу, ногами выписывая то веревочку, то снова каблучками выдавала дробь. Ее

пляска была истинно русская. В ней видна удаль и сила, веселость и озорство, лиричность. Танцевала Татьяна с чувством благородства и достоинства. Внезапно музыка резко оборвалась, плясунья грациозно поклонилась под возгласы одобрения. Лариса, не скрывая восхищения, смотрела на мать. Она впервые видела ее такой и подумала, что мама ее просто красивая женщина. Еще одна пара глаз, не могли скрыть восхищения. Это был мужчина, лет сорока пяти, высокий. Он, как зачарованный наблюдал за женщиной и танцем. Ольга Филипповна подошла к нему, улыбнулась, видя, как он смотрит на Татьяну и спросила:

—Что понравилась? Не удивляюсь, это наша сваха, королева, так ее зовут на селе,— хихикнула и добавила.

—Мужики, бабы нет, не зовут, а завидуют. Слушай, братишка, а давай я вас познакомлю? Надоело, наверно, бобылем ходить? Чем тебе не пара?

Мужчина испуганно посмотрел на нее и ответил:

—Оля, да ты что? Разве такая посмотрит на меня?

Тут кто-то позвал сестру, и она ушла, а мужчина, включился в мужской разговор, изредка поглядывая на Татьяну. А свадьба продолжалась, свадьба пела и плясала.

Прошло несколько месяцев. Пришла сибирская зима, с трескучими морозами, обильными снегопадами. Все укутано белым пухом. Раннее утро. В окно видно кусочек звездного неба. Очень много звезд, они ярко сияют зимой, почему-то ярче, чем летом. Словно крадучись, в окно заглянула луна, и стыдливо спряталась за облако.

Антон отпрянул от Ларисы, упал навзничь и выдохнул:

—Хорошо! Люблю я тебя, больше жизни люблю. У нас с тобой каждая ночь, как первая,— он поцеловал ее, рассмеялся и добавил.— Если когда-нибудь, представится случай, рассказать о нашей брачной ночи, нам никто не поверит, что мы до нее сохранили невинность.

Он снова рассмеялся, прижимая ее к себе. Лариса зашептала:

—Тише ты, разбудишь всех.

Сама, как кошечка ластилась к нему, покусывая его плечо, отвечая на поцелуи. За стенкой скрипнула кровать, это Ольга Филипповна встала. Хотела успеть приготовить завтрак, накормить и проводить всех на работу. А потом и самой идти, она работала в школьной библиотеке. Отодвинула заслонку печи, внутри еще сохранился жар, кинула несколько березовых поленьев. Через несколько минут уже весело трещал огонь. Налила в чугунок молока и задвинула его неглубоко, поближе к жару, решила сварить пшеничную кашу. Очень любили домочадцы эту кашу. Именно в чугунке и именно в русской печи. Хотя на кухне стоит газовая плита, газ провели недавно по селу, но не любила она готовить на этой плите. Свекор, Матвей Авдеевич, называл газ "бесовской огонь", даже не заходил на кухню, когда жена сына что-то там кашеварила. Лариса сладко потянулась, откинула одеяло и ступила ногами на пол, тут же подняв их. Пол был холодный, она пальцами нащупала тапки, сунула ноги, накинула халатик.

—Тебе когда на сессию?—спросил Антон.

—Скоро. Жду вызов.

Лариса училась заочно на третьем курсе сельскохозяйственного института.

—Вставай,— обратилась она к мужу.— Тебе сегодня предстоит дальняя дорога, повезешь нас с председателем в область. До весны надо решить вопрос с расширением животноводческого комплекса, нам нужен кредит, поедем кланяться. Он, выслушав ее, легко спрыгнул с постели, с сожалением оглянувшись на теплую и мягкую перину, которую не очень хотелось покидать. Поднял жену, крутанул ее на руках, снова поставил и вышел из спальни. Лариса убрала постель и тоже вышла на кухню. Антон уже сидел за столом. Лариса поздоровалась со свекровью. На улице уже было светло, стояла тишина. Не видно было ни кошек, ни собак, ни птиц.

Татьяна, наливая себе чай, подумала, что будет метель. В этом году она спокойна за телят. Все они находятся в тепле. Спасибо дочке, знает свою работу, умеет доказать свою правоту. В сенях слышались шаги и в дверь постучали.

—Войдите,— ответила она.

Гость вошел, снял шапку, пригладил рукой волосы:

—Здравствуй, Таня!

—Здравствуй, Борис! Что-то случилось?— она пытливо посмотрела на него. Это был брат Ольги Филипповны. Вскоре после свадьбы, он по указу сестры, переехал в совхоз. Видимо, уж очень хотелось сестричке решить судьбу брата. Он стоял, мялся у дверей, теребил в руках шапку. Татьяне было смешно и жаль этого, чуждавшегося человека. Для себя она давно решила, что лучше быть одной, потому что такого, как Дмитрий больше нет.

—Так что случилось?— повторила она вопрос.

—Ничего не случилось. Просто вот зашел посмотреть, может помочь надо? Дров наколоть или воды наносить? Сестра сказала, чтобы помог тебе.

Татьяна рассмеялась громко, и только переведя дух, смогла ответить:

—Спасибо, скажи сестре, только я сама колю дрова не хуже любого мужика. Уже давно в сарае вон поленница стоит. Ты иди, иди к себе, мне на работу собираться надо.

Гость вздохнул, надел шапку, потоптался и вышел.

Татьяна уткнулась лицом в кухонное полотенце и заплакала. Да, тоскливо одной, хочется иметь рядом плечо, на которое можно опереться. Вон в спальне на кровати лежат рядом две большие подушки. А зачем две? Если ей и одной много. Просто сердце верит и надеется, что не зря они лежат рядом, эти две подушки. Найдется и на вторую хозяйин. Ну а не найдется? Значит так суждено свыше. Она улыбнулась сама себе и подумала: « Я просто хотела быть счастливой. Любить и быть любимой»...

Дорога к счастью

Солнце слепило глаза, Сима огляделась. Перед ней расстился луг, зеленая трава, будто шелком, покрывала его. Нежные белые ромашки, лиловые колокольчики и голубые васильки весело покачивали своими головками, словно приветствуя ее. Воздух был напоен запахом меда, ароматом трав и цветов. И тут она увидела его, своего одноклассника Бахарева Олега. Он бежал ей навстречу, безжалостно ломая ромашки и васильки.

—Сима! Сима!— кричал он.

Она пыталась ответить, но у нее не получалось, а он продолжал ее звать. Вдруг до нее дошло, что зовет не он, а кто-то другой, голос был женский. Внезапно она проснулась и услышала:

—Сима, дочка,— это был голос матери.

—Иду, мама,— ответила она.

Ногами нашла тапочки, надела, накинула халатик и вышла из своей комнаты.

—Что случилось, мама?—спросила, входя к ней в спальню.

—Плохо мне, доченька, очень плохо.

—Сейчас я сделаю укол, и будет легче,—ответила Сима и стала набирать в шприц лекарство.

Мать тяжело дышала, лицо ее было белым, рак измучил ее. Сима сделала ей укол, вскоре мать задышала спокойнее и уснула. Дочь еще немного времени посидела возле нее. Сердце разрывалось от жалости к ней, дни ее были сочтены, так сказал доктор. Поправив на ней одеяло, Сима вышла из спальни, тихо прикрыв дверь. Диван в зале был пуст, значит, отца снова нет дома. Она уже привыкла к этим его отлучкам. Поговаривали, что у него есть другая женщина, значительно моложе его. Сима очень переживала. Ведь как все хорошо было у них. Крепкая и дружная семья, в которой царил мир и лад. Все рухнуло год назад, когда ее младшего братика сбила машина. Артемке было шесть лет, он катался на велосипеде, выехал на проезжую часть и угодил под колеса машины. Мать тогда почернела от горя и как-то ушла в себя, потом начала чахнуть, и вот уже три месяца не встает с постели.

Симе семнадцать лет, она заканчивает школу. В детстве мечтала стать артисткой, с ее внешними данными это казалось нетрудным. Высокая, стройная девушка, с красивым лицом, особую прелесть ему придавали глаза, цвета майской зелени, обрамленные длинными пушистыми ресницами. На живом, сияющем лице постоянно играет искренняя улыбка. Светлые волосы были аккуратно подобраны вверх и связаны в "конский хвост". Повзрослев, решила стать биологом, мечтала найти лекарство для излечения больных раком. Под утро она снова проснулась от стонов матери. Девушка вошла в спальню, мать металась. Увидев дочь, слабо проговорила:

—Ну вот, моя девочка, я ухожу. Прости меня, — что оставляю тебя, я очень хотела быть рядом, но болезнь сгубила меня.

Сима, стараясь сдержать слезы, погладила мать по руке и, целуя ладони ей, ответила:

—Мамочка, потерпи, болезнь уйдет, мы будем вместе.

—Отца снова нет дома? — спросила мать.

—Он ушел рано на работу, у него там что-то случилось,— солгала она. Мать скривилась от боли и прошептала:

—Не надо, молчи, я все слышу,— вдруг она приподнялась, снова прошептала. — Ну, вот и все, я умираю. Как здесь красиво!

Тихо опустилась на подушку и затихла. Сима вдруг поняла, что это конец, она закричала:

—Мама! Мамочка! Не уходи, не оставляй меня, мама.

В это время в комнату вбежала соседка Галя, она была подругой матери и крестной Симы. Все поняв, она тоже заплакала. Отец приехал домой вслед за неотложкой, врач констатировал смерть, и мать увезли в морг, он уехал с ними. Все остальное Сима плохо помнила. Боль, тоска полностью поглотили ее сознание. Все перемешалось, превратилось в один комок, который застрял в груди. Жила семья, и все было хорошо, и вот от былой жизни ничего не осталось, кроме желания кричать. В день похорон Сима в последний раз смотрела на лицо матери и шептала сквозь слезы:

—Мамочка, как мне жить теперь без тебя, без твоей души.

Дыхание перехватило, потом она с силой выдохнула и громко заплакала.

Прошло сорок дней, Сима стала приходить в себя. Скоро выпускные экзамены, она начала готовиться к ним. Галина очень переживала за крестницу, постоянно приходила к ней. Вот и сегодня, увидев свет в окне, зашла к Симе.

—Здравствуй, чем занимаешься?— с порога спросила ее. —Билеты учу, — тихо ответила девушка— Не передумала стать биологом.

—Нет, не передумала.

—Это редкая профессия,— присаживаясь на стул, продолжила Галина.— Редкая и трудная, не каждый решится стать биологом.

—Крестная, в мире столько болезней, для излечения которых нет лекарств. В наше время, к сожалению, все больше людей погибают от рака, СПИДа. Я хочу выучиться и заниматься наукой. Хочу помогать людям.

—Я понимаю тебя, моя хорошая. У тебя все получится, я знаю. Сегодня в школе слышала, что ты идешь на золотую медаль, молодец.

Она поцеловала девушку в щеки и добавила:

—Не забывай, я рядом всегда,— она огляделась.— Отец как? Что-то совсем его не вижу.

Девушка опустила голову, передвинула учебники, тихо сказала:

—Нормально. Сказал, что скоро приведет сюда жить Наталью Васильевну с дочкой.

—Сюда приведет? Он что с ума сошел? Сорок дней всего прошло, подождать не мог?

—Пусть делает что хочет. Говорит, что она очень хорошая женщина.

—Пусть делает что хочет. Говорит, что она очень хорошая женщина.

—Ладно, правда, пусть делает что хочет. Пошла я домой, еще кучу тетрадей проверять.

После ее ухода Сима долго сидела неподвижно, думая о матери, потом прошептала:

—Приди, поговори со мной, хоть во сне. Я очень, очень скучаю. Мне так хочется прижаться к твоей груди. Отец и, правда, привел вскоре Наталью Васильевну. Она действительно была красива, черты ее лица вобрали в себя самое прекрасное, данное ей природой. Голубые глаза с длинными ресницами. Очень соблазнительные пухленькие губки. Негустые золотистые волосы уложены красиво. Среднего роста, одета стильно. Полная противоположность матери была дочь. Перед Симой стояла девочка лет тринадцати, астеник, до того худая, что выпирали костлявые плечи. Роста невысокого, с круглым личиком, на котором было множество веснушек. Маленькие каре-зеленые глазки глядели неприветливо из-под рыжих бровей. Огненно-рыжие волосы были заплетены в две тощие косички. Одета была в унисекс - форму "джинсы—толстовка". Единственное, что она унаследовала от своей матери— это кожа. Смуглая, словно бархатная, она была идеальна. Отец сказал Симе, что Света, так звали девочку, будет жить с ней в комнате.

Наталья Васильевна быстро вошла в роль хозяйки дома. Не отставала от матери и дочь. Это была капризная и хитрая особа. Училась она в седьмом классе, училась очень слабо. Наталья Васильевна как-то подошла к Симе, когда она делала уроки, заглянула через плечо и сладким голос-ком попросила:

—Симочка, деточка, помоги с уроками Светочке. Позанимайся с ней, вы вроде сестры сейчас.

Симу передернуло от таких слов, но она кивнула головой и ответила:

—Хорошо, я позанимаюсь с ней.

Мать повернулась к дочери, лежащей на постели, разглядывающей какой-то модный журнал.

—Света, доченька, Сима с тобой заниматься будет, ты слушай ее. Скоро конец учебного года, тебе надо подтянуться.

Дочь даже не глянула на мать, вздохнув, женщина вышла из комнаты. Сима, выполнив свои задания, повернулась и спросила Светлану:

—Ну что, заниматься будем?

Девочка неохотно встала, взяла стул и присела рядом. Сима снова спросила ее:

—Какой предмет ты хочешь подтянуть?

—А мне все равно,— лениво ответила она.

—Давай начнем с математики?

Посмотрев в тетради темы, открыла учебник и начала объяснять. Через час, посмотрев на Светлану, она подумала, что это бесполезная трата времени, девчонка была далека от математики все это время.

Симе больно было смотреть, как чужая женщина заняла в доме место матери. Еще больней было видеть, как отец любил эту женщину, не скрывая своих чувств. А дочери все меньше уделял внимание, а ей так не хватало его тепла. Что может быть больше этого? Наталья Васильевна ушла с работы. Теперь у нее были

другие заботы и увлечения: фитнес, салоны, бассейн. Появились новые подруги, ее уровня, с которыми она зависала в барах, ходила на различные выставки. С отцом они расписались. Отец Симы не бедный человек, у него было два мебельных салона, которые приносили хороший доход. За короткий срок, после регистрации брака, в доме был сделан ремонт, поменялась вся мебель. Самое главное— Наталья Васильевна изменила свое отношение к падчерице, постоянно показывая падчерице, что она в доме хозяйка Сима стала чувствовать себя лишней. Однажды идя со школы, она услышала, что ее зовут. Оглянулась и увидела Олега Бахарева.

—Сима, подожди,— сказал он и подошел ближе.— Можно мне с тобой?

Она улыбнулась, почувствовала, как загорели ее щеки.

—Можно конечно,— ответила ему.

—Знаешь, я наблюдаю за тобой, ты так изменилась. У тебя что-то случилось? Тебя обидели? Ты только скажи, я не дам тебя в обиду.

—Спасибо, Олежек,— снова улыбнулась она.— Все хорошо, правда.

—Ты куда после школы думаешь?— спросил озабоченно.

—Хочу стать биологом. А ты?

—А я в летное,— он красиво улыбнулся, поднял голову и глянул вверх.— Люблю небо, хочу с ним связать свою жизнь.

Она с восхищением посмотрела на него.

—Правда? Здорово!!!

—Да! Хочу быть с ним и с тобой,— Олег повернулся к ней лицом и добавил.— Я люблю тебя, Сима, давно люблю. Просто мы были дети, а теперь мы выпускники, значит взрослые, и я могу сказать правду.

У нее перехватило дыхание, она вспомнила сон. Собравшись с духом, краснея, тихо ответила:

—Я тоже тебя люблю и тоже давно.

Они стояли и смотрели друг на друга, потом одновременно рассмеялись, взяли за руки и побежали. Долго гуляли за городком, говорили и молчали, им хорошо было вдвоем. Пришло время расставаться, и у Симы упало настроение, так не хотелось возвращаться в этот неудобный дом.

Остались позади экзамены и, вот он, выпускной бал! Сима получила золотую медаль. Олег искренне радовался за подругу, но видя ее погрузневшее лицо и, догадываясь о причине, предложил сбежать с этого мероприятия. Она обрадовалась предложению, и они покинули зал. Вдали от шума им было лучше вдвоем. Под утро на берег речушки пришли одноклассники встречать восход солнца, стало шумно и весело. Зазвучал магнитофон, выпускники танцевали и пели, изредка хлопали пробки, это открывали шампанское. После восхода Олег проводил девушку до калитки, впервые поцеловал ее и счастливый направился в сторону своего дома. Сима тихонечко вошла в свою комнату, переоделась, улыбнулась первым солнечным лучам, прилегла на постель и мгновенно уснула. Разбудил ее громкий голос Натальи Васильевны, которая ругалась со своей нерадивой дочерью. Светлане уже исполнилось четырнадцать лет. Учебный год

она окончила на тройки, чем очень расстроила свою мать. Золотая медаль падчерицы лишила ее покоя. Сима прислушалась.

—Ты пойми, дочка, я стараюсь только для тебя,— говорила Наталья Васильевна Свете.— Забыла, как мы жили? На одну мизерную зарплату мою. Твой отец ни копейки не дал, алкаш проклятый. А теперь, как мы живем?

Дочка что-то тихо ответила.

—Тебе что трудно быть поласковой с Сергеем Анатольевичем? Ведь он тебе ни в чем не отказывает, у тебя все есть. Сыта, одета. Учись только, бери пример с Симы.

—Да ненавижу я ее,— закричала Света.— Нашла пример для подражания. И вообще, ты обещала мне отдельную комнату, я не хочу жить с ней вместе.

Наконец, разговор стих, в комнату вошла Светлана, громко хлопнув дверью. Включила магнитофон и раздалась громкая музыка, способная и мертвого поднять. Вздыхнув, Сима встала и обратилась к ней:

—Слушай, что ты за человек? Тебе доставляет удовольствие делать гадости?

—Тебе да, потому что надоело, тебя вечно ставят в пример. Сима отличница. Сима умница, бери с нее пример. А я не хочу брать с тебя пример, меня все и так устраивает. Махнув рукой на Светлану, Сима вышла из комнаты.

Завтра она решила отвезти документы, значит сегодня надо все приготовить. Поступать она решила в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, на биологический факультет. После завтрака мачеха послала ее за хлебом. По пути она зашла в школу, ей надо было поговорить с крестной, которая одна осталась ей родным человеком. Сима нашла ее в классе, Галина снимала со старшеклассниками тюль с окон. Увидев крестницу, улыбнулась

—Симочка, что так рано?— спросила она.— Все выпускники еще спят, и сон их крепок.

—Да не спится,— ответила девушка.

—Ребята, пойдите в другом классе без меня снимайте,— сказала Галина. — Только аккуратно там.

—Ну, о чем ты хотела поговорить?— спросила она, приглашая присесть за парту. — Что-то, девочка моя, в последнее время не нравишься ты мне. У тебя дома все нормально? Как с мачехой, ладите?

—Все хорошо, крестная,— ответила она.—Я вот хочу посоветоваться. Завтра везу документы. Решила в МГУ поступать, а может лучше мне в институт медицинский.

—Ну что ты, Симочка? Конечно в МГУ, даже не сомневайся. У тебя же золотая медаль. Биолог наша вон тебя как хвалит,— она обняла девушку, прижала к себе и сказала.— Все будет хорошо, не переживай.

Сима сразу почувствовала облегчение. Простившись с крестной, она вышла из школы, направилась в магазин. Купила хлеб, выходя, на ступеньках столкнулась с Олегом.

—Я тебя искал,— обрадованно сказал он.— Я послезавтра уезжаю в Краснодар, мне пришел вызов.

Олег хотел стать военным летчиком.

—А что так рано?— девушка огорчилась.

—Ну почему рано? Нормально, мне сначала надо пройти там медкомиссию, сдать физподготовку и если сдам, тогда буду допущен до экзаменов.

—Я тоже завтра повезу документы. Решила поступать в МГУ, там есть биофак. Это то, что нужно мне.

Он взял у нее пакет, и они пошли рядом по улице.

—Скажи,— смутившись, спросила она его.— Я, правда, тебе нравлюсь?

—Я же тебе сказал, что люблю тебя. Разве ты не замечала, что у меня нет девушки.

—Знаешь, я себе не раз задавала вопрос, такой парень и всегда один.

—Я не один был, я всегда был с тобой. Ты просто этого не замечала. Вот ты почему всегда одна? Подруг нет, это мне понятно. Ты красивая очень, и все другие рядом с тобой, просто незаметные. А вот парня у тебя нет. Тебе что никогда и никто не предлагал дружбу?

Сима посмотрела на него и грустно улыбнулась.

—Нет, хотя в пятом и шестом мальчики записки писали, а вот в старших классах нет, словно меня и нет в классе.

У нее такой вид растерянный был, что ему стало жаль ее, он спросил:

—Ты завтра утром поедешь в Москву? Можно я с тобой поеду?

—Конечно, можно,— засмеялась она.— Мне не так страшно будет. Так, разговаривая, они подошли к дому и остановились у калитки. В открытое окно выглянула Наталья Ва-сильевна.

—Симочка, ты купила хлеб?— спросила она.

—Да, да, я иду,— ответила Сима, потом обратилась к Олегу.
— Ладно, пока, завтра увидимся.

Парень улыбнулся, нежно пожал ее ладонь.

—Тебя только за смертью посылать,— недовольно проговорила мачеха, беря пакет.

Утром Олег ждал Симу на платформе, увидев ее, поспешил ей навстречу.

—Привет!— сказал он и поцеловал ее в щеку.— Билеты я купил, электричка вон идет уже.

Ехать до Москвы им сорок минут, они тихо говорили, изредка улыбаясь друг другу. Город встретил их шумом транспорта: сигналами машин и звоном трамваев. Сима любила городскую толчею, где можно просто потеряться и остаться одной, потому что всем этим, снующим туда-сюда людям, до тебя нет дела. В приемной комиссии она пробыла недолго. Секретарь просмотрела документы, внимательно глянула на девушку и сказала, что ей сдавать один экзамен — биологию, так как у нее медаль, назвала число, когда она должна явиться на экзамен. Сима спросила, какой конкурс в этом году, на что женщина ответила ей, что биологами хотят быть немногие пока, и что волноваться ей незачем, тем более медалистке. Они с Олегом погуляли по Москве, посидели в кафе, после обеда вернулись домой.

—Ты придешь меня завтра проводить?— спросил Олег

—Конечно, приду, только к электричке, давай раньше встретимся там?

Он согласно кивнул головой, они попрощались. Дома были все в сборе. Отец спросил ее: —Ты где была весь день?

Сима посмотрела на него и ответила:

—Документы отвозила в университет, я же говорила, что буду поступать в МГУ.

Он довольно улыбнулся:

—Ну и молодец, только почему не сказала, что сегодня повезешь, я бы отвез тебя, тоже был в Москве. Радуеть ты меня, дочь.

Утром Наталья Васильевна, проводив мужа на работу, зашла в комнату дочерей.

—Девочки,—сказала она, улыбаясь,—папа дал нам денег, и я предлагаю пройтись по магазинам. Пора бы обновить нам гардеробчик, как вы смотрите на это?

—Ура!— закричала Светлана и запрыгала на постели.

—Светлана, уймись,— одернула мать дочь.

—Наталья Васильевна,—обратилась к ней Сима,—я не могу поехать с вами, я себя неважно чувствую сегодня.

Наталья Васильевна недовольно поджала губы, сделала обиженное лицо.

—Ну не можешь, значит, мы поедем вдвоем, у нас важных дел нет.

Вскоре они уехали, Симе тоже пора было на станцию. На платформе ее ждал Олег.

—Чуть не опоздала,— взволнованно проговорила она, целуя его в щеку.

—У нас есть пятнадцать минут,— ответил Олег.

Они отошли в сторону, так как на платформе скопилось много людей. Видя расстроенное лицо девушки, Олег обнял ее, и стал тихо говорить, глядя ей в глаза.

—Не переживай, я вернусь через месяц. Хочешь, я тебе напишу?

—Хочу, очень хочу, напиши! Я буду ждать и скучать.

—Я люблю тебя, зайка моя! Желаю поступить тебе, хотя я точно знаю, что ты поступишь.

—И я тебя люблю и целую.

Подождала электричка, Олег поцеловал девушку и прыгнул в тамбур, двери закрылись, и поезд тронулся с места. Сима долго махала рукой. Дома, чтобы отвлечься, решила заняться уборкой. Включила музыку, и, напевая веселый мотив, наводила порядок в доме.

Она уже давно закончила уборку, полила цветы, даже почистила клетку у Мухтара. Пес, радостно повизгивая, прыгал возле нее, а Сима со смехом бросала мячик, который умная псина мгновенно приносила ей. Послышался звук подъехавшей машины, хлопнули дверцы. Открылась калитка, и вошли мачеха с дочерью, обе были довольные, в руках у них были пакеты. Следом вошел отец, увидев дочь, улыбнулся и спросил:

—Почему ты не захотела ехать с Наташей? Мы вчера решили обновить ваши гардеробы, побаловать вас обновками.

—Я себя неважно чувствовала, папа.

—Что-нибудь серьезно?—забеспокоился отец.

—Да ничего страшного нет,—ответила вместо нее мачеха и, беря мужа под руку, добавила.— Пойдем, я покормлю тебя. С девочкой все нормально, не переживай. В комнате Светлана крутилась перед трюмо, примеряя обновки, весело мурлыкала модную песенку.

Тишина установилась в доме. Свету мачеха отправила отдыхать к своей матери в деревню. Сима ехать отказалась. Месяц показался длинным, спасали письма от Олежки, в которых он описывал свои трудные будни. Писал, что очень скучает по ней. Но всему приходит конец, и этот месяц закончился. Сима поступила в университет, приехал Олег, он тоже поступил. Бросив дома вещи, примчался сразу к ней. Она увидела его в окно, радостно вскрикнула и выбежала за калитку. Они сидели на своем месте, на берегу речушки и говорили. За месяц накопилось много несказанного. Одно огорчало, что жить им теперь придется далеко друг от друга. Через две недели ему необходимо прибыть к месту учебы.

—Олежка, я не хочу оставаться одна,— грустно сказала она.

—Ничего, мы будем вместе, все у нас будет хорошо,— успокаивал он девушку, целуя ее.

Две недели пролетели, как один миг. Олег уехал. Сима очень переживала. Спасало то, что через несколько дней начинались занятия. Светлана вернулась домой.

—Зря не поехала со мной,—сказала Симе,—так здорово было, каждый вечер в деревенском клубе танцы, парней молодых море. Она лежала на постели и, потягиваясь, довольно улыбалась. Сима в ответ хотела промолчать, но ответила:

—Хорошо отдохнула? Я рада за тебя.

Вечером она подошла к отцу.

—Папа, мне нужны деньги,—обратилась к нему,— мне надо кое-что купить, скоро начнутся занятия.

Он посмотрел на дочь, в голове мелькнула мысль: «Как она похожа на свою мать, и не только внешностью, но и характером. Такая же всегда спокойная, словно взвешивает каждое слово».

—Хорошо,—ответил он,— утром будь готова, я отвезу тебя сам.

По дороге, глядя на дочь, спросил:

—Сима, у тебя все хорошо? Я с тобой мало говорю, но ты взрослая уже девушка: умная и рассудительная.

—Папа, а ты маму совсем забыл?

Машина резко остановилась, взвизгнув тормозами.

—Почему забыл?—спросил он.—Как я могу ее забыть? Да и ты вон, так похожа на нее,—он помолчал и добавил.— Если ты имела в виду Наташу, то ее я люблю. Мне хорошо с ней.

Машина снова тронулась с места, отец, подумав минуту, спросил дочь:

—Тебе не нравится Наташа? Она плохо относится к тебе?

—Нет, нет, папа, все хорошо,— печально ответила Сима.

Они проехали по магазинам, накупили вещей и вернулись домой. Учеба в университете с головой захватила девушку, хотя сильно отличалась от учебы в школе. В группе было всего двадцать пять человек: семь девушек и восемнадцать парней. У Сима появились друзья, даже, близкая подруга. Это была Саша, девушка, приехавшая из глубинки, тоже медалистка, с огромным желанием – учиться. Однажды вечером, заглянув в комнату девочек, отец увидел дочь, которая сидела за столом и что-то писала. Сергей Анатольевич подумал, что дочь выбрала свой верный путь. Как отец, он гордился ею, был уверен, что она найдет свое место в жизни.

Шло время. Сима училась, ей исполнилась восемнадцать. День рождения отметила с друзьями. Это была уже другая девушка. В ней появилась уверенность, стала общительной. Многим нравилась ее рассудительность и живой ум. Дома Света не делала пакости. Наверно, тоже повзрослела, но скорей всего побаивалась, что может получить отпор. К тому же, сестра помогала ей с учебой, потому что сама Светлана, так и не стремилась к знаниям. У нее были другие интересы, за которые частенько получала от матери. Наталья Васильевна в выходной дома устроила праздник, по поводу совершеннолетия старшей дочери, как она любила перед всеми называть Симу. Посидели скромно, уважая память хозяйки. Были приглашены несколько нужных гостей. Самый дорогой подарок девушка получила от Олежки, который принесла его мама, она недавно ездила к сыну. В коробочке лежала сверкающая модель самолета и записка. В ней было написано: «Моя любимая зайка, хочу поздравить тебя с совершеннолетием и сказать, что больше жизни люблю тебя! Дарю тебе модель самолетика, на котором я скоро буду летать, а ты будешь ждать меня и воспитывать наших детей. Целую и люблю. Твой Олежка».

Приближались новогодние праздники. Позвонил Олежка и сказал, что приедет на пять дней. Новый год решили встречать в общежитии у ребят. Сима предупредила, что будет не одна, ребята удивленно переглянулись, потом один сказал:

–А что удивляемся? У такой красивой девушки не будет парня?

Все рассмеялись. Отец с мачехой тоже собрались встречать Новый год у знакомых, Светлана на каникулы уехала к бабушке. Олежка приехал тридцатого декабря, встретил Симу на платформе. Она обрадовалась встрече. А он так нежно посмотрел на нее и, целуя, шепнул на ушко:

–Ты стала еще красивей, какая-то другая, тебя не узнать.
В ответ она улыбнулась.

–А ты? Мужчина стал, тебе так идет военная форма. Они пошли рядом, оглядевшись, она сказала:

–Олежек, давай зайдем к моей крестной? Я хочу поздравить ее с наступающим новым годом.

Дверь им открыла Галина Ивановна, удивилась гостям, пригласила в комнату. Сима поцеловала женщину, поздравила с наступающим праздником, подала сверток, красиво перевязанный лентой. Хозяйка пригласила их к столу, напоила

чаем с кизилковым вареньем и домашними пирожками. На прощание пожелали друг другу счастливого Нового года. На другой день Олег зашел за Симой, Наталья Васильевна, улыбаясь ему своей красивой улыбкой, пригласила в комнату и сказала, что Симочка сейчас выйдет. Девушка, услышав разговор, вышла из своей комнаты. Увидев ее, он застыл от удивления. Выглядела она потрясающе. От красоты ее лица и совершенства тела невозможно оторвать глаз. На ней было черное платье, плотно облегающее прекрасную фигуру. Волосы были уложены в прическу, оголяя нежную шею, которою украшала ниточка натурального жемчуга. В ее бездонных глазах можно было утонуть. Сима подала ему пакет с туфельками. Он, принимая пакет, подумал, что никогда никому не отдаст ее, что эта девушка подарена ему судьбой. В общежитии из комнат слышалась музыка, шум голосов. Сима и Олег вошли в комнату, раздалось громкое "ура", все зашевелились, освобождая места пришедшим. Она представила всем Олега, они разделись, заняли свои места за столом. Сима увидела несколько незнакомых девушек, очевидно, это были подруги однокурсников. Через несколько минут Олег стал своим парнем в компании. Приближалась полночь, наступление Нового года. Вот уже и президент сказал свою поздравительную речь, куранты начали отбивать последние минуты старого года. На двенадцатом ударе все закричали в один голос "ура", зазвенели бокалы с шампанским, зашуршали фольгой от шоколада. Потом начались танцы и песни. Ребята много дурачились, играли в фанты, неожиданно кто-то предложил:

—Пойдемте на улицу, посмотрите, сколько там людей! Все дружно согласились. Новогодняя ночь заканчивалась. Небо над головой стало светло-синим, а на горизонте уже показались первые лучи восходящего солнца, которое отбрасывало розовые краски на облака. Сима зачарованно смотрела на это утреннее чудо, но тут подбежал Олег, подхватил ее и закружил. Стал целовать ее, вдыхая запах ее кожи, смотрел в глаза и счастливо смеялся. Сима, отвечая на его поцелуи, запрокидывала голову и видела звезды, которые смеялись и радовались вместе с ними. В электричке она крепко спала, положив голову ему на плечо, шапочка сползла, и он держал ее в руке. Другой рукой нежно обнимал свою прекрасную спутницу.

Прошли все январские праздники, отшумели февральские метели. Наступил март. Первый месяц весны. Природа начинает пробуждаться и наполняется силой, чтобы радовать нас благоухающей красотой. Конечно, еще может выпасть снег, еще ночами могут быть заморозки, но все это уже не может испортить радости прихода весны! 7 Марта мальчишки на курсе поздравили девушек от имени всего мужского братства.

—Обаятельные, привлекательные, очаровательные, — обратился к девушкам староста группы,—поздравляем вас с наступающим праздником! Пусть в этот день весенними лучами вам улыбнутся люди и цветы. И пусть всегда идут по жизни с вами Любовь, здоровье, счастье и мечты,—он закончил, улыбнулся всем и обратился к друзьям.— Ну как я? Красиво сказал? Все захлопали, девушкам было очень приятно внимание мальчишек. Каждая получила букетик лесных фиалок. Отец решил устроить своим женщинам

праздник. С утра пораньше на кухне что-то жарилось и пыхтело, вскоре потянулись ароматные запахи, которые разбудили Наталью Васильевну. Накинув халат, она вышла из спальни и направилась на кухню, но ее остановила дочка:

—Туда нельзя, меня уже выгнали. Велели умыться, нарядиться и прибыть на завтрак.

Наталья Васильевна капризно дернула плечиками и демонстративно вернулась в спальню. Света вошла в комнату, включила радио, и полилась песня, незнакомая красивая песня о любви. Девушка немного послушала, вздохнула, подошла к Симе, которая спала.

—Подъем!—громко закричала Светлана.

Сима открыла глаза, испуганно спросила:

—Что случилось?

—Ничего,— смеясь, ответила Света, потом добавила.— Чувствуешь, как вкусно пахнет? Это твой папашка готовит нам праздничный завтрак, во как!

—Папа всегда нас в этот день баловала вкусняшками,— ответила Сима.— Он умеет готовить, в молодости на флоте коком служил.

Светлана от удивления рот открыла:

— Да ты что? Вот это новость.

Вскоре все семейство сидело за празднично накрытым столом. В середине стола на большом блюде была овощная запеканка, начиненная фаршем с грибами, это от нее исходил ароматный запах. К чаю был подан торт, Сергей Анатольевич извинился, что из кондитерской. Его любимые женщины простили ему это, завтрак продолжился, атмосфера была теплой и домашней. Вскоре позвонил Олег и поздравил с праздником. Сима очень обрадовалась, услышав его голос, она так скучала по нему. После разговора с Олегом девушка оделась и поехала в Москву. Они с Сашкой договорились погулять вдвоем. Вчера предложила подруга.

—Сима, давай погуляем вдвоем, а то все время в толпе да толпе, поговорить некогда.

—Конечно, давай,—согласилась девушка.

Сашка встретила ее на платформе.

—Какие планы у нас будут?— спросила ее Сима.

—Погода прекрасная,—ответила подруга.—Давай просто погуляем, например, по старому Арбату.

Доехали на метро до станции «Арбатская» и вышли на свежий воздух. Девушки тихо брели по улице, история которой начинается где-то в пятнадцатом веке, где, как нигде, ощущается дух старой Москвы. Они шли, останавливаясь возле уличных художников, наблюдали, как серьезно, не обращая внимания на зевак, создавали они свои шедевры. Здесь же можно было заказать свой портрет и даже получить сразу. Не меньше художников было на Арбате и музыкантов, возле которых собирались кучки слушателей. Проголодавшись, девушки зашли в маленькое уютное кафе, в котором перекусили под тихую и приятную музыку.

—Саша, твои родители хорошо живут?—спросила подругу Сима.

—Хорошо,—ответила девушка.—А почему ты спросила?
Они шли мимо небольшой церквушки, Саша, глянув на Симу, все поняла.

—Ты скучаешь по маме?

—Очень скучаю,— тихо сказала Сима.— Мама была замечательным, добрым человеком. Ее уход стал большим ударом для меня, я бесконечно скучаю по ней. Знаешь, многих удивляет мое поведение дома, считают меня слабой, что не умею постоять за себя. Мама моя была образцом такта и милосердия, и меня учила этому. А еще она была очень терпеливой, я хочу быть похожей на нее.

—Сима, прости, а папа твой любил маму?

—Я сама себе задаю этот вопрос, Сашенька. Пока была мама здоровой и Артемка живой, они очень хорошо жили и любили друг друга. Когда погиб Артем, что-то сломалось между ними. Я даже однажды случайно услышала, как папа обвинил маму в смерти сына. Он сказал, что его дело зарабатывать деньги и кормить семью, а ее —воспитывать детей и следить за ними. Вот тогда, через время, мама заболела, она еще долго скрывала свою болезнь, сколько могла. А папа усугубил ее состояние своими отлучками, в его жизни появилась тогда Наталья Васильевна.

—Так мама была еще жива, а он уже встречался с этой дамочкой?

—Ну да. Я видела, что мама страдала, я его тогда ненавидела. А маму жалко было, ей ничего не помогало, вот я тогда и решила стать биологом, мечтаю найти лекарство от рака. А почему ты решила стать биологом? Саша поежилась, уже становилось холодно.

—Да по той же причине, я дружила с мальчиком, мы с первого класса были вместе. Хороший парень был, честный, справедливый и добрый. Занимался спортом. В девятом классе он неожиданно заболел, его положили в больницу, сначала в нашу, потом перевели в областную. Долго он лежал, когда вернулся, его трудно было узнать. Он очень похудел, и на голове у него не было волос. Моя тетя, врач по профессии, говорила моей маме, я слышала, что у него опухоль в голове и трогать ее нельзя. Димка, так его звали, недолго проучился, в мае он умер. Я тогда, тоже, как ты, решила, что выучусь и найду лекарство от рака, научусь помогать людям.

Девушки сели в троллейбус и поехали на Казанский вокзал, где Саша проводила подругу и вернулась в общежитие. Уже было темно, когда Сима вошла в дом.

—Слава Богу,—сказала с облегчением Наталья Васильевна.—Пришла. Ты где так долго гуляла?

—Я гуляла с подругой, вернулась вовремя и к тому же, я уже совершеннолетняя. Она вошла в комнату, переоделась, сходила в душ, потом включила ночник, чтобы не мешать Светлане. Легла в постель, хотела почитать перед сном, но не читалось, выключив ночник, перевернулась на бок и вскоре заснула. Наталья Васильевна, сидя на пуфике перед зеркалом, наносила крем на лицо и говорила с мужем.

—Вот ты сам сейчас слышал, как она стала отвечать, просто грубит и все.

—Наташа, не накручивай себя, нормально она ответила тебе. Что ты ее, как маленькую отчитываешь? Девочка первый курс заканчивает, а ты с ней, как с

малышкой. Ты бы лучше за Светланой приглядела. Сегодня зашел куму поздравить с праздником, так она сказала, что совсем от рук отбилась девчонка, учиться не хочет, сигаретами пахнет от нее.

Наталья Васильевна недовольно засопела и ответила:

—Да знаю я. Вижу, что она ненавидит школу и учителей, и они ее не жалуют. Я думала, что она потянется за твоей дочкой, желание учиться появится, а нет, не потянулась,— она легла рядом с мужем, выключила лампу со своей стороны, устало проговорила:

—Надо подумать, куда ее устраивать будем после восьмого класса?

Сергей Анатольевич ничего не ответил, посмотрев на него, она заметила, что он спал.

—Поговорили,—зло прошептала Наталья Васильевна, выключила вторую лампу, в комнате стало темно, только слышалось сонное сопение мужа, которое в последнее время стало ее раздражать.

Утром Наталья Васильевна, проводив мужа, разошлась не на шутку, кричала на свою непутевую дочь.

—Неблагодарная дрянь, я все делаю ради тебя, чтобы у тебя все было, а ты чем платишь? Света, складывая учебники в сумку, огрызнулась на мать.

—А я тебя об этом не прошу. Я вообще уеду к отцу. Наталья Васильевна ударила дочь наотмашь по лицу.

—К отцу? Давай, давай, алкаш тебя многому научит. Только потом не вздумай сюда возвращаться, я не приму тебя.

—Ну и не надо,—крикнула девушка и выбежала вон.

В школу ей уже идти не хотелось, она пошла на лысую поляну (так называлось место, где собирались такие же подростки), Света была там своим человеком. Вот и сегодня на камнях уже сидело двое подростков, которых она знала, они были немного старше ее. Они играли в карты, рядом стояли две почти пустые бутылки с вином. Увидев ее, ребята оживились, уступили теплое место на камне, налили стакан вина, она выпила. Вино было дешевое, кислятина, но в голове зашумело, по телу прошло тепло, стало весело. Мальчишки переглянулись, ухмыльнулись и вылили из бутылки в стакан ей остатки вина, заставили выпить. Света расслабилась, сидела, хихикала. Вдруг почувствовала, как чья-то рука лезет ей под юбку. Она не стала сопротивляться, ей было все равно, тем более это было уже не впервые. Тут же, на камнях, мальчишки неуклюже и неумело овладели ею. Потом откуда-то снова появилась бутылка вина, прошлась по кругу, подростки пили вино прямо из горла. От выпитого вина настроение у всех зашкаливало, снова играли в карты, рассказывали неприличные анекдоты, хохотали. День начал клониться к вечеру, стало прохладно, мальчишки встали, потушили костер, не стесняясь ее, затем все разошлись. Мать внимательно посмотрела на Свету, грубо схватила ее за плечи, повернула к себе.

—В чем дело?—спросила ее, приняхалась.—Ты пила?

Дочь утвердительно кивнула головой и спросила:

—А что нельзя?

—Дряннь, какая же ты дряннь. Да тебя убить мало. Грубо оттолкнула от себя дочь.
— Пошла вон, чтобы из комнаты не выходила. Не дай Бог Сергей Анатольевич увидит, еще мне позора не хватало.

Поздно вечером, уже лежа в постели, Света спросила Симу:

—Тебя мать любила?

Сима отложила ручку, она писала конспект, повернулась лицом к ней.

—Конечно, любила, очень любила. И я ее любила.

—А моя мать никогда меня не любила. Да и за что меня любить? Некрасивая, рыжая, тупая. Вот ты красавица, тебя, поэтому любят. А моя мать стеснялась меня всегда.

Симе стало жаль ее. Она подошла и присела на край постели, погладила ее по голове.

—Глупая ты, ну какая же мать не любит своего ребенка? —тихо сказала она.

—Моя,— упрямо ответила Света.—Никогда она не обняла меня, не сказала ласкового слова. Вот окончу школу и уеду к отцу, я твердо решила, она отвернулась к стене, и вскоре послышалось ее прерывистое дыхание, словно она плакала во сне. Сима печально вздохнула. Сегодня годовщина со дня смерти мамы. Отец, она и крестная съездили на кладбище. Дома пообедали, помянули, как положено на Руси. Пока они ездили, Наталья Васильевна приготовила обед, ей помогла Саша, которая приехала утром. Сима все это время молчала, после обеда они с подругой пошли проводить крестную. Обратно пошли другой дорогой, через маленький сквер. На улице уже было тепло, солнышко пригревало, всюду слышался смех детворы. Деревья надели свои изумрудные одежды, птицы летали низко над землей, поднимая все, что можно использовать как строительный материал для гнезда. Всюду кипела жизнь.

—Знаешь, Саша, мне часто кажется, что мама жива, я чувствую ее присутствие рядом,— сказала Сима.— Может это самовнушение от того, что мне ее не хватает. Не поверишь, но иногда даже завывать хочется.

—Я понимаю тебя, подруга, мало времени прошло, все пройдет, время лечит. У тебя есть Олег, он тебя любит. Он твой праздник в жизни.

Сима улыбнулась, глаза ее повеселели.

—Да, у меня есть Олежка,— шепнула она счастливым голосом.— Мы с ним поедем на море, представляешь, вдвоем поедем.

Наконец учебный год закончился. Сима успешно окончила первый курс. Впереди целых пять недель свободы. Вчера уехала домой Саша, подруги тепло попрощались, договорились созваниваться. Через несколько дней приедет Олег, они поедут на море. Вчера она говорила с отцом.

—Папа, я хочу поехать на море.

—На море?—спросил он.— Одна?

—Почему одна? Мы поедем с Олегом.

—Ты ему доверяешь?—озабоченно обратился к ней.

—Что значит, доверяешь? Вообще-то я люблю его, и он меня любит. Его родители все знают и отпускают его.

—Где хотите отдохнуть?

—Еще не знаю, вот приедет Олежка и обсудим. Так ты дашь мне денег?

—Господи, конечно, дам, сколько надо — столько и дам.

Сима улыбнулась, поцеловала его и убежала в свою комнату. Света как сказала, так и сделала, в начале каникул уехала к бабушке, потом поедет к отцу, он обещал устроить ее в кооперативный техникум. Наталья Васильевна обиделась на дочь и не хотела даже говорить о ней. Сима облегченно вздохнула, наступила желанная свобода, она снова одна в комнате. Перед отъездом они долго говорили. Разговор начала она.

—Света, ты, правда, решила жить с отцом?

—Да, а что?

—Но твоя мать говорит, что он пьет.

—Ни больше, ни меньше ее,—ответила Света.— Он хороший человек, только мягкий очень, бесхарактерный. Он меня любит, я ведь ездила к нему на зимних каникулах, меня бабушка отпускала и маме ничего не сказала. Он живет с женщиной, она преподает в кооперативном техникуме бухгалтерский учет. Очень хорошо ко мне отнеслась, у нее был сын, но он погиб в Афгане. Они мне даже комнату уже приготовили. Мне там будет хорошо. Знаешь, мне хочется стать другой, я хочу быть похожей на тебя, хочешь, я буду тебе звонить?

—Конечно, звони,—ответила Сима. Ей вдруг стало жаль эту девочку. Рядом с ней она почувствовала себя взрослой женщиной, и ей захотелось обнять, приласкать ее. Утром рано отец и Наталья Васильевна отвезли Свету в Москву и посадили на поезд. Олег приехал у него был месяц отдыха, Сима встречала его на платформе. Она впервые была у него дома. Родители радовались приезду сына, смотрели на него с нежностью и любовью. Как же, курсант военного училища, летчик. Они сами были простые люди. Отец работал на заводе экспериментального машиностроения, он был хороший токарь. Мать была старшей медсестрой кардиологического отделения. Тут же, за столом, сидели два брата Олега. Они были близнецы, им по двенадцать лет. Один сидел в кителе, другой надел фуражку, оба были довольные, тайком поглядывали в зеркало, висевшее на стене. После обеда Олег и Сима поехали на вокзал за билетами, решили отдыхать в Адлере. Им повезло, несмотря на сезон отпусков, они купили билеты.

Приехав в Адлер, они сняли комнату чуть ли не на берегу моря. Хозяйкой оказалась добродушная женщина с милой улыбкой. Узнав, что они из Подмоскovie, засуетилась, провела их в аккуратную маленькую комнату на втором этаже, с балконом на море. Сказала, что у нее сын живет и работает в Москве, женат. Она посмотрела на молодых людей, потом немного смутившись, спросила:

—Ребята, а вы кем приходитесь друг другу? Вам, может, две комнаты надо, так у меня еще одна свободная есть. Сима вспыхнула, а Олег обнял ее одной рукой, прижал к себе и, улыбаясь, ответил хозяйке:

—Нет, нет, все хорошо, мы будем вместе.

Хозяйка рассказала, где находятся душ и санузел, что есть столовая, где можно подогреть или приготовить еду. Оставшись одни, они засмеялись, Олег стал целовать ее. Поезд прибыл вечером, так что было уже поздно, решили сходить куда-нибудь поужинать. Недалеко нашли летнее кафе. Почти все места были заняты, они нашли свободный столик и заказали ужин.

После ужина они пошли прогуляться по берегу моря. Темнота, тихий шепот волн, которые тихо плещутся на прибрежный песок. Море ночью – это чудо! В нем отражаются миллионы ярких звездочек и желтый диск луны. Из прибрежного ночного клуба доносилась легкая музыка, кто-то виртуозно исполнял на саксофоне "Мелодию небес". Олег и Сима тихо шли по берегу, взявшись за руки.

–Ты хочешь потанцевать?–спросил ее Олег.–Может, зайдем? Мелодия очень красивая.

–Нет, я не хочу. Давай еще погуляем?

–Тогда искупаемся?

–Ты что? Я боюсь, темно ведь.

–А я для чего? Я твой рыцарь и обязан защищать тебя.

–Но у меня нет купальника,–смутилась Сима.

–А мы будем, как Адам и Ева– улыбнулся Олег, но увидев даже в темноте, как покраснела девушка, добавил.– Я шучу, искупаемся в том, в чем есть. Они нашли укромное место за большими камнями. Скинув сарафан, она робко пошла в воду. Олег невольно залюбовался ею. На фоне моря, при свете желтой луны, Сима была похожа на русалку. Он не мог оторвать от нее глаз, только почувствовал жжение в груди, ему не хватало воздуха. Луна озарила его лицо, предательски обнажив его чувства. Взявшись за руки, они пошли в море. Вода была теплой, и легкие волны приятно ласкали их тела. Они поплыли, их плавные движения не нарушали тишину. Плыли долго, наконец, заметив, что девушка начала отставать, Олег развернулся назад. Сима благодарно улыбнулась ему. Почувствовав дно, они остановились.

–Устала?– спросил он ее.

–Немного, но мне так понравилось. Я никогда не купалась ночью.

Олег коснулся губами ее лица. Целовал нежно глаза, нос, губы, собирая языком соленую влагу. Затем губы спустились к шее, он даже почувствовал, как бьется пульс и вздрагивает вена на ее прекрасной шейке. Еще почувствовал, как напряглось ее тело, она прошептала:

–Олежек, не надо, не сейчас, пожалуйста.

Он поднял ее на руки и вынес на берег, помог надеть сарафан на мокрое тело, поднял ее босоножки, и они пошли в сторону жилых домов. Войдя в комнату, включили свет и рассмеялись. В углу стояла раскладушка, сверху лежал комплект постельного белья.

–Умная женщина,– сказал Олег.– Чур, я сплю на раскладушке. Утром, выходя из душа, Сима столкнулась с хозяйкой во дворе.

–Спасибо Вам,– тихо сказала она.

Женщина улыбнулась и ответила:

–Да все поняла я, девочка. Дай Бог тебе счастья. А парень у тебя хороший, любит тебя.

–Я его тоже очень люблю,– улыбнулась Сима.

Незаметно пролетела неделя отпуска. С утра – море и песок, а вечером – ужин в кафе и прогулки под звездами. Днем ездили на экскурсии. Хозяйке очень нравилась эта пара, совсем еще дети. Оставалось несколько дней. Однажды днем на пляже появилась веселая компания. Искупавшись в море, они стали играть в волейбол, Олег присоединился к ним. Сима, лежа на лежаке, наблюдала за ним. Спортивный, загорелый, он выделялся среди только что приехавших отдыхающих. Почувствовав легкий голод, она встала и сходила за пирожками и водой. Вернувшись, присела на лежак, компания в этот момент кинулись к воде. Она видела, как какая-то девушка схватила Олега, потянула за собой в море. Он растерянно оглянулся на Симу, но незнакомка упрямо тянула его в воду. Сима впервые почувствовала укол ревности, что-то сжалось у нее внутри. Освободившись от девушки, Олег подошел к ней и с виноватым видом спросил:

–Обиделась? Прости, зайка, но девушка напористая оказалась,– он засмеялся.

–Прощаю,– засмеялась в ответ она.

Вечером, после ужина, Сима, услышав снова волшебную музыку, сказала ему:

–Олежек, сегодня я хочу танцевать. Он рассмеялся, привлек ее к себе:

–А я уж подумал, что мы с тобой так и не станцуем под этим южным небом.

Они зашли в клуб, звучала приятная музыка, было несколько танцующих пар.

–Что будем пить?–спросил Олег, когда подошли к стойке бара.

–Я не знаю,– робко ответила Сима.

–Нам два коктейля,– заказал юноша.

Вечер был удивительно тихий, с моря дул легкий бриз. Коктейль оказался не таким уж и безобидным напитком, немного кружилась голова, на душе было легко и хорошо. Сима много смеялась и тянула Олега танцевать. Она была просто прелестна. Щеки ее покраснелись, глаза загадочно горели, фигура плавно двигалась в такт музыке. Домой они пришли почти под утро. Олег хотел разложить раскладушку, но Сима остановила его рукой. Он посмотрел в ее глаза, в которых можно утонуть. Они светились сегодня странным блеском, в них горел огонь, который так и манил к себе. Олег обнял девушку, стал целовать ее губы, чувствуя, что пьянеет от запаха волос. Поцелуи становились все чаще и все откровеннее. Внезапно Симу охватило странное чувство, которое она ощутила впервые. Девушка и не догадывалась, что в ней проснулась женщина. Олег нежно увлек ее на постель, продолжая осыпать поцелуями. Она полностью была в его власти, задыхаясь от счастья, будто и не ведали усталости молодые тела, отдавая все чувства друг другу. Свидетелями этой красивой любви были звезды и луна, которая стыдливо спряталась за тучку. Уставшие, но счастливые, они улыбались первым лучам солнца. Он нежно обнимал возлюбленную, а ее головка доверчиво лежала на его груди.

—Когда я увидела, что девушка потащила тебя в море, я думала, что с ума сойду. У меня внутри словно вспыхнул огонь, я готова была ее убить,—Сима приподняла голову и заглянула ему в глаза.— Ведь ты мой, правда? Только мой. Олег нежно поцеловал ее, улыбнулся своей красивой улыбкой.

—Конечно, твой, а чей же?

Вечером, в последний день отпуска решили прогуляться после ужина,

—Удивительный вечер, не правда ли?— спросила Сима, бросая камешки в море.

—Да, вечер действительно прекрасен,— ответил Олег, потом добавил.— А бросать в море в последний вечер надо монетки, чтобы потом вернуться сюда еще раз.

—А ты хотел бы вернуться?—заглянула она ему в глаза.

—Конечно! И мы вернемся, обязательно вернемся, зайка моя!

—Тогда дай мне монетку, я тоже брошу ее в море.

Олег протянул ладонь с горкой монет, она взяла несколько и бросила в набежавшую волну со словами:

—Море, ласковое море, прими от нас дань, мы к тебе еще вернемся. Спасибо тебе, море!

Она оглянулась на Олега, который смотрел на нее с нежностью и любовью.

Москва встретила их прохладной и дождливой погодой.

Дома была одна мачеха. Увидев загоревшую и счастливую Симу, недовольно проговорила:

—С приездом, как отдохнула?

—Спасибо,— ответила девушка,— хорошо отдохнула. Прошла в свою комнату, бросила сумку и выдохнула:

—Ну вот и дома.

Наталья Васильевна криво усмехнулась и пробурчала вслед:

—Подумаешь, паца! Видали и не таких.

До начала учебного года оставалось чуть больше двух недель. Сима должна была пройти практику на биологической станции в Звенигороде. Пришлось помучиться, трудились днем и ночью. Преподаватели, вместе со студентами, целыми днями шагами измеряли болота и леса, показывая и разъясняя про какие-нибудь особенности червячка или травинки. Приехала с практики уставшая и искусанная комарами и мошками. Олег смотрел на ее опухшее лицо, гладил руками и целовал, едва прикасаясь губами. Через несколько дней Сима провожала его. Они стояли на перроне, люди невольно оборачивались на эту красивую пару. Олег прижимал к себе любимую, она лицом уткнулась ему в грудь. Он, касаясь губами ее волос, тихо сказал:

—Зайка, ну не переживай так, еще немного и мы никогда не расстанемся.

—Ничего себе немного,—всхлипнула она,— мне пять лет еще учиться. Мне плохо без тебя здесь.

—Сима,—он посмотрел ей в глаза,—если тебе правда будет плохо, ты можешь всегда обратиться к моей маме, она тебе поможет.

Девушка закивала головой. Показалась электричка.Олег стал целовать ее, она со слезами на глазах, отвечала ему. Оставшись одна на перроне, постояла немного,

глядя вслед поезду. В университете первый день всегда шумный. Встречи, возгласы, радостные объятия и поцелуи, как впрочем, во всех учебных заведениях после отдыха. Сима стояла среди ребят своей группы, улыбалась, глядя на всех. «Не лись всего пять недель, а так все изменились», – подумала она. Вдруг услышала топот каблучков и радостный возглас:

–Симочка!

Оглянувшись, увидела Сашу. Девушки обнялись, в один голос, произнесли:

–Привет, подружка!

Саша сразу заметила перемену в подруге, загадочно улыбаясь, спросила:

–Сима, у тебя что-то произошло? Ты другая стала. Ты счастлива?

–Очень счастлива, Сашенька! – потом грустно добавила. – И самая несчастная.

–Ну что счастливая, я догадываюсь почему, а вот несчастная? Не пойму.

–Потому что Олега увижу только через полгода.

Саша засмеялась:

–Это не беда, это можно исправить. Для влюбленных нет расстояний.

Так начался новый учебный год. На втором курсе произошло распределение студентов по кафедрам на конкурсной основе. Сима и Саша стали специализироваться на кафедре физиологии человека и животных. Девушки были очень рады, они на шаг приблизились к своей мечте. Олег написал в письме, что с этого курса курсанты начнут летать, чтобы по окончании училища иметь большой налет. Дома особых изменений не было. Светлана действительно осталась жить у отца, учиться в кооперативном техникуме. Она иногда звонила Симе, о матери ничего не спрашивала. Наталья Васильевна тоже не особо горевала по дочери. Ей видимо и, правда, надоело сидеть дома и выполнять роль кухарки, она вышла на работу. Шло время, жизнь продолжалась. Учеба в университете забирала очень много времени, свободного почти не было. Сима стала замечать, что в доме что-то происходит. Уже несколько раз у отца было плохо с сердцем. Вот и сегодня пахнет лекарствами. Она вошла к отцу, он сидел в своем кожаном кресле за столом и о чем-то думал.

–Папа, можно к тебе? – спросила, приоткрыв дверь.

Он очнулся от дум и улыбнулся дочери.

–Конечно, можно, дочка, – ответил устало.

Она, как в детстве, села на маленький диванчик, подогнув под себя ноги.

–У тебя что-то случилось? Ты болен?

–Нет, со мной все хорошо, с чего ты взяла?

–Ты приходишь и закрываешься в кабинете. Часто пьешь лекарства. Вот и сейчас у тебя здесь пахнет сердечными каплями.

Она встала с диванчика, подошла к отцу, обняла его руками, прильнула щекой к нему.

–Скажи мне правду, папа.

Отец вздохнул, словно ему не хватает воздуха, подумал и ответил:

–Ты права, дочка, неприятности у меня, пришлось продать два салона, иначе их забрали бы так. Это бизнес.

–Я ничего не понимаю, папа, в бизнесе. У нас теперь ничего нет?

—Есть, дочка, в нашем городе цех по изготовлению мебели, нам этого хватит, не волнуйся,— он нежно улыбнулся ей.—Все хорошо, моя девочка. Не переживай, о тебе я побеспокоился давно, он открыл ключом запертый ящик стола и подал ей конверт, здесь деньги и номер счета в банке на твоё имя, этих денег тебе хватит. Расширенными глазами от страха, она смотрела на отца.

—Папа, ты что такое говоришь? Словно прощаешься, папа?

—Нет, нет, доченька, это я так, мало ли что может случиться, а конверт приberi. Со дня разговора с отцом прошло несколько недель. Все-таки отцу пришлось лечь в больницу, сердце прихватило, когда он возвращался домой. Он успел вовремя остановить машину, его увезли на скорой в кардиологическое отделение. Сима очень переживала, боялась потерять отца. Однажды себя почувствовала себя плохо и решила вернуться домой.

Очень удивилась, что машина мачехи стояла во дворе.

Тихо вошла в дом, из большой спальни слышались голоса. Сима прислушалась, говорила Наталья Васильевна.

—Понимаешь, это все может стать нашим. У Сергея большое сердце. Я сделаю так, что он напишет завещание, все оставит мне. Мы сможем жить с тобой безбедно.

Молодой мужской голос, девушка его уже где-то слышала, ответил:

—Он еще жив, а ты уже имуществом распоряжаешься. Слышался звук поцелуя и голос мачехи:

—Он не жилец, я узнавала у врача.

От неожиданности Сима пошатнулась и задела керамическую вазу на тумбе. На шум выскочила Наталья Васильевна, она была в халате, накинутом на голое тело. Увидев падчерицу, замерла от неожиданности.

—Ты что здесь делаешь?—испуганно спросила она.

Девушку трясло от негодования, в ней все кипело от обиды.

—Какая же Вы подлая!—крикнула она и выскочила из дома.

Слезы хлынули в электричке, когда она ехала к Саше в общежитие. И голос она вспомнила, это был экспедитор, он развозил мебель их мебельного салона. Вспомнила этого нагловатого симпатичного парня, который не раз бросал на нее похотливые взгляды. Неприятный тип. Отцу она ничего не сказала, а с мачехой был разговор, и начала его Наталья Васильевна. Начала она издали.

—Симочка, тебе Света когда звонила?—спросила она.—Интересно, как она живет?

Сима безглаголиво поморщилась.

—Надо общаться с дочерью, если Вас волнует ее жизнь.

—Да, ты права, девочка,— тихо сказала она,—это моя ошибка.

—И не только эта,—добавила девушка.

—Симочка, ты отцу рассказала о том, что видела?

—Нет, я не сказала ему ничего, это его может убить.

Сима вдруг набралась смелости и спросила мачеху в лоб:

—Наталья Васильевна, Вам чего не хватает? Отец Вас так любит, правда, не знаю за что? У Вас все есть, пока есть. Вы красивая женщина, но это не вечно, красота уйдет, и молоденьким мальчикам Вы будете не нужны. Вы любите только себя, а это плохой козырь в жизни. Подумайте над моими словами, я даю Вам шанс. В противном случае – потеряете все.

Наталья Васильевна смотрела на падчерицу и не узнавала ее. Когда эта тихоня превратилась в умную женщину? Рассуждает так, словно долгая жизнь за плечами. Вскоре отца выписали из больницы. Сима очень оберегала его покой, никого не пускала в дом, никаких встреч. Наталья Васильевна снова оставила работу, и взяла все хозяйство по дому в свои руки. Сима только молча улыбалась, видя, как мачеха хлопочет возле мужа. К весне отец окончательно поправился и вернулся к работе. На девятнадцать лет подарил дочери путевку выходного дня в Ялту, на два человека. Сима долго уговаривала Сашу поехать с ней, наконец, девушка согласилась. Уже много лет Ялту называют городом Антона Павловича Чехова, любимого писателя Симы.

Три дня пролетели, как одно мгновение! Девушки были в восторге, программа была насыщенной, им столько удалось увидеть. Самое главное, конечно, это домик Чехова, ведь именно здесь Чехов написал "Дама с собачкой", где дал понять, насколько сильна настоящая любовь. Сима искренне жалела героиню, Анну Сергеевну, которая была несчастна в браке. Любовь, вспыхнувшая между Гуровым и Анной, сделала счастливыми их, будучи прежде одинокими, они наконец-то смогли полюбить по-настоящему. Девушки посетили мини-замок Ласточкино гнездо. Проходя по залам, Саша, держась за руку подруги, тихо прошептала:

—Красота просто, но не могу избавиться от чувства, что за мной следят "десять негритят".

Сима улыбнулась ей:

—Здесь я с тобой, а я ничего не боюсь.

Они тихо рассмеялись. В гостиницу приезжали и падали уставшие. Саша раньше не была на черноморском побережье, поэтому старалась больше увидеть и запомнить. Она, как ребенок, радовалась всему красивому, увиденному ею.

Заканчивался учебный год, началась сессия. В этом году Сима и Саша записались на самостоятельную практику, девушки ехать решили к Саше, лесов и болот там, более чем достаточно. Олег позвонил и сказал, что учится летать, правда, пока с инструктором, и добавил, что лето курсанты проведут в летнем лагере. Сможет вырваться только на недельку, чем очень огорчил девушку. Молодость – есть молодость. Сессия позади, впереди отдых, целых полтора месяца. Саша привезла подругу к себе. Симу встретили очень радушно. У Саши оказалась большая и дружная семья. Отец – Яков Яковлевич, был лесником, поэтому семья жила на кордоне, летом все собирались под крышей этого дома. Мама

—Зоя Викторовна– типичная русская женщина, сохранившая былую красоту. Ее мягкий уральский говор выдавал в ней коренную кержачку. Еще в семье было два

брата Саши: Егор, пятнадцать лет и Василий, тринадцать лет, наконец, любимица всей семьи – пятилетняя Дашенька, очаровательное существо с огромными зелеными глазами. Яков Яковлевич, узнав о задании девушек, добросовестно помогал им. Уводил их в самую глубь леса, показал непроходимые болота, приходилось даже ночевать в лесу у костра. Студентки старались собрать как можно больше материала, все упаковывали в коробочки, баночки. Мальчишки тоже пригодились, выполняли задания по ловле букашек, жучков, чем очень гордились. Зоя Викторовна откармливала "худышек", так она называла девушек. Пельмени, шаньги с молоком, пироги с грибами и ягодами, чудом появлялись на столе, будь то завтрак или обед. Сима, глядя на нее, удивлялась, сколько же любви и заботы в этой женщине к своей семье. Пришло время Симе возвращаться, так не хотелось расставаться, но дома ждал Олежек, он приехал на неделю. Зоя Викторовна напекла пирогов в дорогу, зажарила курицу, мальчишки нарвали ягод. Дашенька, всем своим сердечком полюбившая Симу, расплакалась и не хотела отпускать. Саша взяла на руки сестренку и еле успокоила. Олег встретил ее в Москве на вокзале.

–Сима, это ты?–шутливо спросил он.–Прекрасно выглядишь, прогулки по лесам и болотам пошли тебе на пользу, не сравнить с прошлым годом. Легко подхватил ее сумки и направился к электричке.

–Эй, а целовать меня?–остановила его она.

Громко рассмеявшись, он повернулся к ней, поставил сумки, обнял и стал целовать глаза, губы и щеки.

–Ну ладно,–слегка увернулась девушка.–Достаточно, дома продолжим.

–Даже так?–снова пошутил Олег,–тогда быстрее домой. Кстати, а моих дома нет, будут завтра после обеда, они у бабушки.

Сима остановилась, посмотрела на него и спросила:

–Тогда, может, сразу к тебе? Не хочу, чтобы мачеха видела, что я не дома ночью.

Утром, после завтрака, он проводил ее до дома.

Встретила ее Наталья Васильевна словами:

–А папа снова в больнице, был приступ,–она горестно вздохнула,– я так испугалась, но уже все хорошо, скоро выпишут.

Сима спросила, в какой палате лежит отец, переоделась и поехала в больницу. Наталья Васильевна приготовила и подала ей пакет для него. Отец вышел к ней, радостно улыбнулся, а у нее защемило сердце, выглядел он не очень. Похудел, лицо было бледным.

–Как съездила, дочка?–спросил он.

–Все хорошо, папа. Всю работу выполнила, дневник заполнила, всяких букашек и мошек привезла.

–Выглядишь хорошо, красивая ты, на мать похожа,– он молча глядел на дочь, потом добавил.– Надо сходить к ней, давно не были, приснилась сегодня мне, обижается.

–Сходим, папа, обязательно сходим, вот поправишься, и сходим,– часто заговорила Сима, сдерживая слезы.

Быстро летит время. Наступила зима. Снежная и холодная выдалась в этом году зима. Сима училась на третьем курсе. Прибавились дисциплины, стал больше объем работ, следовательно, свободного времени почти не было. Иногда так уставала, что выходные, если такие выдавались, проводила в постели или на диване. Приближались новогодние праздники. С утра Сима услышала, как о чем-то спорили мачеха и отец, она прислушалась.

—Наташа, давай съездим завтра?—сказал отец.—Я сам тебя свожу.

—Но меня ждут сегодня,—возразила мачеха,—я же не одна такая. Понимаешь, у нее все по записи. Я должна ехать. Тебе тоже надо померить костюм, я давно его заказала, уже привезли.

—Хорошо,—ответил отец.—Только машину поведешь ты. Через некоторое время хлопнула входная дверь, во дворе заурчал мотор машины и все стихло. Сима убавила звук телевизора и уютно расположилась в кресле. Фильм был старый, она незаметно уснула. Сколько времени проспала, не знает, проснулась от чувства тревоги. За окнами было уже темно. Сима глянула на часы, было почти восемь вечера. Отца и мачехи дома не было, подумав, что заехали в гости к кому-нибудь, она выключила телевизор и пошла спать. Утром встала по привычке рано, ей надо было в университет, в доме было тихо, значит, родителей не было. Выпив кофе, она вышла из дома и пошла на платформу. В университете на второй паре ее вызвали из аудитории. Сима вышла и увидела двух милиционеров. Они сказали, что она должна проехать с ними. Видя ее недоумение, объяснили, что вчера вечером произошла авария на дороге, мужчина погиб на месте, а женщина в критическом состоянии находится в больнице. Судя по документам, машина принадлежит ее отцу. Симу привезли в морг на опознание. Войдя внутрь, она чуть не потеряла сознание от этого сладкого удушливого запаха.

Одно дело— ходить в морг на вскрытие, ей приходилось не раз это видеть и делать, другое — пройти опознание, может быть, поэтому атмосфера так подействовала на нее. Сима быстро взяла себя в руки.

—Я готова,—сказала она.

Санитар приподнял белую простыню, девушка пошатнулась, прикрыла рот рукой, чтобы не закричать, и кивнула головой. В полиции, куда ее потом привезли, в кабинете дали горячего чая, глотнув, она заплакала. Капитан дал ей время выплакаться, что-то писал. Наконец, видя, что она немного успокоилась, посмотрел на нее.

—Как это случилось?—спросила Сима.

—За рулем сидел Ваш отец,—ответил капитан,—машину на скорости вынесло на встречную полосу, врач подозревает, что у Вашего отца случился инфаркт. Вскрытие покажет. Произошло столкновение со встречной машиной, там тоже погиб водитель, к счастью, он был один.

—А Наталья Васильевна, что с ней?

—Женщина в больнице, состояние ее тяжелое, но врачи сказали, что жить будет.

Оформив все формальности, ее отпустили. В университет она уже не вернулась, поехала домой. В электричке сидела, глядя в окно, в голове почему-то не было никаких мыслей. Не успела войти в дом, как прибежала крестная.

—Сима, девочка, это правда?— со слезами на глазах, спросила она.

Они вошли в дом, девушка огляделась по сторонам и горько заплакала, присев на диван. Крестная принесла стакан воды, стуча зубами о край, Сима отпила глоток.

—Что же произошло?— снова спросила крестная.

Сима рассказала все, что только узнала.

—Я так и знала, что это змея только несчастье принесет в дом,— с негодованием сказала женщина.

—Она в больнице, в тяжелом состоянии,— добавила Сима.

Галина Ивановна присела рядом с крестницей, взяла ее руки в свои и, поглаживая их, сказала:

—Девочка моя, я все сделаю, заботу о похоронах возьму на себя. Муж мне поможет, об этом не беспокойся. Сейчас же поеду за разрешением, чтобы Сережу похоронили рядом с женой. А ты пока поспи, приляг, сон — это хорошее лекарство.

Она ушла. Закрыв дверь, Сима и правда прилегла, слезы душили ее, и она дала им волю. Наплакавшись, незаметно уснула. Разбудил ее звонок, она сняла трубку домофона и услышала испуганный голос Саши.

—Сима, ты дома? Открой, это я.

Она нажала кнопку, и через мгновение в дверях стояла Саша. В руках она держала большую сумку, вид у нее был встревоженный.

—Я поживу с тобой,— решительно сказала она,— пока поживу, можно?

—Конечно, можно, спасибо тебе,—поблагодарила подругу Сима,—можешь даже остаться совсем.

—Об этом я подумаю.

Прошла неделя после похорон. Отца похоронили рядом с женой. Все эти дни Саша и крестная были рядом с ней. Прилетел Олежка. Сима, увидев его, снова горько заплакала, уткнувшись ему в грудь. Юноша, как мог, утешал девушку, тихо что-то шептал ей, нежно прижимая к себе. Вместе с Сашей сходили в больницу к Наталье Васильевне. Их не пустили, так как она все еще находилась в реанимации. К ним вышел врач, Сима обратилась к нему.

—Доктор, скажите, как ее состояние?

Доктор, молодой еще мужчина, посмотрел на них и спросил:

—Кем Вы приходитеесь пострадавшей?

—Она жена моего отца.

—Значит Вы падчерица?

—Ну да,— Сима начала нервничать.

—А свои дети у нее есть?

—Да, есть дочь, но она живет со своим отцом. А что такое?

Доктор помолчал, потом ответил:

—Дело в том, что пострадавшая находится в коме, и если она выйдет из нее, то ходить не будет, а возможно, даже и сидеть.

—Что будем делать?—спросила Саша, когда девушки вышли на улицу.

—Первым делом надо сообщить Свете,—доставая телефон, сказала Сима,—только что она может, она еще ребенок.

Набрала номер и стала ждать. Наконец на том конце ответили.

—Я слушаю,—раздался голос.

—Света, здравствуй, как ты?—спросила Сима.

—Нормально, учусь. Что-то случилось? У тебя голос не такой.

—Да, случилось, твоя мама в больнице,—она мгновение помолчала и добавила.— Она в реанимации.

На том конце повисла тишина, потом Света спросила:

—Все серьезно?

—Да, серьезно, они попали в аварию.

—Кто они? С кем она была?

—С папой. Он погиб.

—Я соболезную тебе. Я приеду.

Телефон отключился, Сима посмотрела на него, вздохнула, положила в карман. Через день Света приехала, они сразу пошли в больницу. Девушкам через стекло показали Наталью Васильевну, которая лежала под аппаратом искусственного дыхания, голова ее была вся в бинтах. К ним подошел тот же доктор и повторил Светлане то, что говорил ранее Симе. Ему показалось странным, что на лице девушки не дрогнула ни одна мышца, не было и слез. Слушая его, она молча смотрела на мать. Выйдя из больницы, девушки также молча дошли до дома. Их встретили Саша и Олег. Они пообедали все, хозяйка основательно готовилась к Но-

вому году холодильник был забит деликатесами. После обеда Света предложила Симе поговорить.

—Сима, что будет с мамой?—спросила она.

—Что ты имеешь в виду?

—Ну ты же слышала, что она не будет ходить, а возможно, даже и сидеть. Как ей жить и где?

Сима поняла, что заботит девушку, она ответила:

—По завещанию ей принадлежит двухкомнатная квартира, а также на счету есть немного денег, и потом ей положена будет пенсия по инвалидности.

—Но я не могу жить с ней и ухаживать за ней,—возразила Светлана.— У меня своя жизнь, наконец, я учусь, и мне нет еще восемнадцати лет.

—Я позабочусь о твоей маме,—сказала Сима,—как только можно будет, ее поместят в хороший пансионат, где она будет под присмотром, за ней будут ухаживать, не волнуйся.

—Спасибо тебе, Сима,—ответила Света.—Как вспомню, сколько тебе гадостей делала, стыдно становится. Ты прости меня, пожалуйста.

—Да не держу я на тебя обиду, правда. Ребенок ты была.
Светлана внимательно посмотрела на нее.

—Знаешь, Сима, мне с отцом повезло, он прекрасный человек. Он умный и меня любит. Ему просто не повезло с моей матерью, останься он с ней и, правда бы спился. Я мать жалею, но не люблю, она меня тоже никогда не любила. У отца меня забрала, чтобы сделать ему больней, — она замолчала, подумала и добавила:

—Мать и твоего отца не любила, а он с ума сходил от нее, я помню, хоть и маленькая была. Она семью вашу разрушила и твоего отца убила. Хотела быть счастливой, мне чисто по-человечески ее жаль.

Сима слушала ее, в душе она была согласна с ней. Наталья Васильевна болела звездной болезнью, была красива настолько, что нравилась сама себе. Она умела соблазнять и повелевать. В ее жизни сбывались не только мечты, но и ее иллюзии. На другой день утром Света уехала.

—Даааа,—протянула Саша.— Жизнь прожить— не поле перейти, теперь я согласна со словами.

—А мне жаль Светлану,—сказала Сима,— может, она рядом с отцом оттаит душой, и мир для нее приобретет цвета.

Новогоднюю ночь провели дома втроем, Сима была

Сима была благодарна Саше и Олегу, что остались с ней, смотрели телевизор, говорили. Не было шума и пышных фраз, крика "ура" в полночь. На другой день ходили в гости к крестной, к родителям Олега. Их тепло встретили, накрыли стол, накормили обедом. Они одобряли выбор сына, девушка очень нравилась им.

Скромная, из порядочной семьи. Вечером Сима и Саша проводили Олега на поезд, а сами поехали в общежитие, чтобы забрать вещи Саши, девушки решили жить вместе.

«А годы летят, наши годы, как птицы летят...»— пела Валентина Левко, любимая певица мамы. Сима возилась на кухне, изредка поглядывая на экран маленького плазменного телевизора на стене. За окном было темно, мела метель, Олег задерживался. Она вздохнула, немного пожалела себя, что вот так, всю жизнь, придется ждать мужа после полетов. Муж! Сима нежно улыбнулась, произнесла это слово. Олег, ее Олежка, из озорного мальчишки— одноклассника превратился в военного летчика. Он так восторженно говорит о небе.

—Зайка, ты знаешь, какое это чудо, когда ты ощущаешь полную свободу! Ты в огромном и необъятном небе, что может тебя здесь беспокоить? Даже Леонардо да Винчи сказал: «Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо. Однажды там побывав, на всю жизнь ты обречен тосковать о нем».

Сима, слушала его и думала, «Боже, как я люблю его. Храните небеса, моего Олежку, берегите его!» Ужин был готов, она сняла передник, выключила свет на кухне и телевизор, прошла в комнату. Присела на диван, посмотрела на часы, без четверти десять, так поздно муж не задерживался. Она успокоила себя, что он не принадлежит себе, военный человек. На тумбочке стояло их свадебное фото, они

смотрят друг на друга и улыбаются. Это было сразу после окончания училища. Олегу присвоили звание лейтенанта и отправили служить в летную часть на Север. В ее жизни к тому времени произошли большие перемены. Перед этим у нее был разговор с крестной, она только окончила третий курс и вместе с Сашей собиралась на месячную практику на Белое море. Однажды вечером зашла к ней Галина Ивановна, Сима предложила чаю. Сидя за столом они разговорились.

—Сима, девочка, у тебя все хорошо?—спросила крестная.—Вижу, ты все какая-то задумчивая ходишь, людей не замечаешь. Саша вот ушла в общежитие, вы поругались?

—Нет, что Вы, не поругались. Саша занимается сейчас наукой, ей нужны лаборатории.

—А ты, ты не занимаешься?

—Знаете, когда болела мама, у меня было одно желание, это— получить образование и найти лекарство от рака,—она так посмотрела на женщину, что у той сердце сжалось.— Вот окончила третий курс, поверьте, чувствую, что не мое это. Что мне делать теперь? Я, правда, не знаю.

—Тебя это тяготит? А чем бы ты хотела заниматься?

—Не знаю, честно, не знаю.

—Я вот тоже о тебе думаю, поэтому и зашла. На днях говорили о тебе с мамой Олега, она заходила в школу. Так она сказала, что сын будет служить на Севере. А что ты там будешь делать?

Сима внимательно слушала крестную, помешивая ложечкой чай.

—Давай подумаем, как нам поступить, чтобы не потерять эти три года.

—Я так и так не вытяну учебу, каждый семестр оплачивать надо. Деньги, что оставил папа, просто тают. Ко мне приходил мужчина, они с папой вели свой бизнес,

просит продать цех, дает хорошую цену. Я же все равно ничего не понимаю, цех уже скоро полгода стоит.

—Сима, скажи мне честно, ты Олега любишь?

Планируешь замуж за него?

Девушка покраснела и тихо ответила:

—Да, я его очень люблю и никто другой мне не нужен.

Мы уже практически муж и жена.

Галина Ивановна испуганно взглянула на нее, на ее живот. Сима рассмеялась:

—Нет, нет, все нормально.

—Так что мы будем делать?— снова спросила крестная.—Может быть, тебе перевестись в педагогический институт, на факультет естествознания? Будешь преподавать в школе, профессия пригодится в любом городке. Так тогда и поступили. Сима перевелась в пединститут и блестяще его окончила. Саша сначала очень обиделась, но подруги ведь, простила. Сейчас учится в аспирантуре, занимается наукой. Сима даже видела ее статьи в научных журналах, искренне радовалась за подругу. Неожиданно зазвонил телефон. Сима сняла трубку.

—Зайка,—услышала голос мужа.— Не жди меня, сегодня у нас внеплановые ночные полеты. Целую тебя и спокойной ночи.

Послышались короткие гудки, она не успела даже слова сказать. За стеной послышался детский плач. У маленького сынишки начфина части резались зубки, малыш так мучился. Мальчик был просто прелесть, похож на маленького ангелочка. Сима любила заходить к ним, малыш ее узнавал и что-то радостно лепетал на своем языке. Метель за окном утихла, луна освещала военный городок, его тихие маленькие улочки. Она налила себе горячий чай, спать не хотелось. Подумала про Олега, вспомнила, как они поженились, это было летом. Однажды, уже после распределения и ему необходимо было уезжать к месту службы, он ей сказал:

—Сегодня я останусь у тебя.

—Ты что? С ума сошел?

А он, растянувшись на диване, ответил:

—А что здесь такого? Все равно поженимся ведь.

—Вот когда поженимся, тогда и будешь оставаться,— она рассмеялась.—А пока нет.

—Так давай поженимся завтра?

—Ага, так тебя и расписали завтра.

Олег встал с дивана, обнял ее.

—Ну а если серьезно, правда, давай поженимся?

Их расписали без очереди, было немного гостей, посидели в маленьком уютном кафе. Веселый народ студенты, умеют устраивать праздники. Один раз, правда, на глазах появились слезы, ей до боли захотелось видеть рядом родителей. Крестная и Елена Николаевна, видимо, поняли ее состояние, подошли обе, обняли ее. Так они простояли несколько мгновений, затем Сима шепнула им, целуя их, как дочь целует мать:

—Спасибо вам, я благодарна вам за все, за то, что рядом со мной в трудные и счастливые дни.

Внезапно снова зазвонил телефон, Сима испуганно взглянула на часы, они показывали полночь. Волнуясь, сняла трубку.

—Слушаю,—тихо сказала она.

В трубке послышалось прерывистое глубокое дыхание, затем голос Светланы:

—Сима, это я, Света.

—Я поняла, что случилось? Почему так поздно?

—Сима, она только что умерла,—послышался плач.

—Кто умер? Света, что говоришь?

—Мама только что умерла,—в трубке снова послышался плач.

—Света, успокойся, я завтра вылетаю, жди меня.

На том конце стало тихо, Сима растерянно стояла с трубкой в руках, наконец, она положила ее на место. Почти три года прошло со дня аварии, когда погиб отец. Наталья Васильевна три месяца находилась в больнице, потом Сима устроила ее в пансионат, где хороший уход за больными. Пока жила дома часто навещала ее. Мачеха так и осталась прикованной к постели и не говорила. Свете уже скоро

двадцать лет, она живет в Москве в квартире матери. Не зря гласит пословица: "не было бы счастья, да несчастье помогло", жизнь Светланы у отца круто изменила девушку. Останься с матерью, неизвестно что было бы с ней. Сима очнулась, ей же надо собраться, хорошо, что каникулы в школе, не надо отпрашиваться. Пятнадцать минут ушло на сборы сумки. От всего пережитого, она почувствовала усталость, разобрала диван и легла, сон быстро пришел, она задышала тихо и ровно.

Метель утихла, вскоре поступила команда: продолжить полеты. Летчики, взяв шлемы, кинулись к самолетам. Олег занял место за штурвалом, проделал ряд нужных манипуляций пилота и доложил на командный пункт о готовности к полету. Получив разрешение, тронул самолет с места и по рулежной дорожке вырулил на начало взлетной полосы.

—Первый, разрешите взлет?—запросил он командный пункт.

—Семнадцатый, взлет разрешаю,—послышалось в наушниках.

—Ну, Господи, помоги,—прошептал он про себя и дал полный газ.

Самолет тронулся с места и, набирая скорость, понесся по взлетной полосе. Набрав нужную скорость, Олег потянул штурвал на себя, самолет оторвался от земли и плавно пошел вверх. Набрав высоту, он убрал закрылки, сбросил обороты двигателей и встал на заданный курс. Поднял голову, посмотрел вверх, ему казалось, что небо гораздо ближе сейчас, чем земля. Оно было почти черным с миллиардами ярко горящих звезд на нем. Это было вверху, а внизу только плотные облака. Олег очень любил это небо, оставаясь с ним один на один, он был счастлив, ему хотелось петь и кричать от радости. Самолет улетал все дальше, оставляя за собой белую полосу. Олег выполнял тренировочный полет в условиях плохой видимости, самолет вошел в густой туман облаков. Такие полеты называются приборными полетами. Не видно ни земли, ни неба над головой. Постепенно ночная мгла стала рассеиваться, становилось светлее. Еще немного, и яркие лучи солнца пройдут сквозь молочно-белые облака и коснутся земли. Время полета его подходило к концу. С командного пункта в наушниках прозвучал голос старшего по полетам:

—Семнадцатый, полет закончен, возвращайтесь.

—Есть возвращаться,—ответил Олег и лег на обратный курс.

Самое сложное — это после полета вернуться на свой аэродром, но таких промашек у него не случалось. Он — летчик, это его профессия, которой он решил посвятить свою жизнь.

Сима проснулась от прикосновения чего-то холодного к лицу. Открыв глаза, улыбнулась, рядом с ней примостился Олег, он слегка касался ее губ и щек.

—Холодный, замерз?—спросила она, затем, обхватив его руками, крепко прижала к себе.— Давай согрею.

Олег, прижимаясь к ней и продолжая целовать, шептал:

—Замерз, очень замерз, согрей меня, а то я, как маленький Кай из сказки, даже сердце заledenело. Сима тихо рассмеялась

—Маленького Кая поцеловала снежная королева, а тебя я целую.

Она навалилась на него и, смеясь, спросила:

–Тебя плохо греют мои поцелуи?

–Все, все, сдаюсь,– тоже смеясь и отвечая на поцелуи,
– прошептал он.

Они любили друг друга, отдавая всю нежность и ласку, как два ошалевших от счастья человека. Потом, остывая от жарких объятий, Сима сказала:

–Олег, мне надо срочно улететь сегодня в Москву. Умерла Наталья Васильевна. Отмучилась, наконец.

–Надо, значит надо. Когда полетишь?–он посмотрел на нее.– Тебе действительно ее жаль? После всего, что она сделала с тобой?

–Знаешь, Олежек она все искупила, мне так кажется. Три года пролежав растением, наверно, успела раскаяться во всем.

Сима села, оперлась к стене, задумчиво посмотрела на мужа.

–Как-то давно, после смерти мамы, я зашла в церковь, никого не было, только один батюшка. Увидев меня, спросил, что меня привело сюда? Я заплакала и сказала, что у меня умерла мама. Потом спросила его, почему Бог, если он есть, забирает молодых и нужных кому-то людей. Батюшка внимательно посмотрел тогда на меня и ответил, что Господь забирает человека, когда он готов к вечной жизни. Тогда я с ним не согласилась. А вот узнав о смерти Натальи Васильевны, я подумала, что ведь батюшка был прав. Господь не дал ей тогда смерти, он дал ей время покаяться. Не твори зла, чтобы оно тебя не погубило.

Олег удивленно посмотрел на жену.

–Зайка, что с тобой?– спросил он.– Я тебя не узнаю. Педагог с высшим образованием, ты ли это?

Сима смутилась, покраснела, посмотрела на него.

–Я тебе хотела сказать,–она улыбнулась,– у нас будет ребенок.

Олег смотрел на нее удивленно, словно пропуская через себя новость, потом соскочил с постели, схватил Симу и начал кружить, приговаривая:

–Ура! Еще один летчик родится!

Они дурачились, смеялись, радуясь своему счастью. Вдруг она взглянула на часы и вскрикнула:

–Боже, я опоздаю на самолет, осталось три часа. Еда в холодильнике, чистые носки и рубашки в шкафу, я че–
рез два-три дня вернусь. Пока я принимаю душ, закажи мне такси.

В обед она была уже в Москве. Дверь ей открыла Света. В ней трудно было узнать ту строптивую девочку, которая жила с ней в комнате. Это была молодая, модно одетая женщина. Высокая прическа и аккуратный, неброский макияж. Сима подумала про себя, что смерть матери, не очень тронула ее, на лице нет следа печали. Они сидели на кухне за столом, пили чай и говорили.

–Когда похороны? И где будут хоронить?–спросила Сима.

Света немного помялась, потом ответила:

—Ты только не ругайся, Симочка, но я решила похоронить маму рядом с Сергеем Анатольевичем,—она смотрела на Симу и ждала.

Симе, конечно, не понравилось это, но поразмыслив, что задерживаться не входило в ее планы, кивнула головой. На похоронах никого не было, только Света и Сима. Из морга пансионата на кладбище подмосковного городка их доставила ритуальная служба, которая взяла на себя эту миссию. Сима постояла возле могил родителей, положила цветы. Там же, на кладбище, Сима и Света попрощались.

—Спасибо тебе,— сказала Света.—Ты всегда была доброй. Я и не сомневалась, знала, что ты приедешь.

—Как дальше думаешь жить?—спросила Сима.

—Обо мне не беспокойся, все хорошо у меня. Работаю бухгалтером на небольшой фирме, на жизнь хватает. Они обнялись, Света пошла на электричку, а Сима

направилась к дому крестной.

Галина Ивановна радостно вскрикнула, увидев в дверях крестницу.

—Симочка? Откуда?

—Здравствуй, крестная! Да вот случай привел побывать дома.

Вскоре они уютно расположились на кухне. Сима сидела, подогнув под себя ноги. От горячего чая лицо ее покраснелось.

—Значит, умерла твоя мачеха? Отмучилась, наконец. Хотя и пакостная была бабенка, но все же человек,— Галина Ивановна горестно покачала головой и добавила.— Ну что ж, моя дорогая, о мертвых говорят хорошее или вообще ничего не говорят. Оставим все на суд Божий, хотя, кто знает, есть он или нет, правда?

Она улыбнулась крестнице.

—Как живешь, деточка?—с нежностью в голосе спросила она.

Сима посмотрела на нее, мгновение подумала и ответила:

—Все хорошо. У меня будет ребенок.

—Почему у тебя?—улыбнулась снова Галина Ивановна.—У вас будет ребенок, Симочка.

Они весело рассмеялись.

—Ты когда обратно?—спросила она крестницу.

—Завтра утром.

—Переночуешь у нас. Знаешь, я в твой дом пустила квартирантов, зачем пустовать ему? Семья очень хорошая, молодые. Учителя, приехали из глубинки, работают у нас в школе. Может, надумаешь когда-нибудь продавать дом, они согласны с выкупом.

—Я не знаю, может, и правда придется его продать, мы люди военные теперь. Я так думаю, что вернуться сюда, вряд ли придется.

Они еще долго сидели и говорили. Утром Галина Ивановна встала пораньше, приготовила завтрак. Сима вышла на кухню.

—Какие запахи!— улыбнулась и присела за стол.
Вдруг сморщилась, прикрыла рот рукой, выскочила из-за стола и скрылась в ванной. Вернулась, смущаясь,
, сказала:

—Извини, так нехорошо стало.
Женщина засмеялась.

—Не извиняйся, это нормально в твоём состоянии. Счастливая ты, девочка,—она горестно вздохнула.—А мне вот не довелось познать счастье материнства, одна моя радость— это ты.

Сима встала, подошла к ней, прижалась, поцеловала ее в щеку.

—И я тебя очень люблю, кроме тебя и Олежки, у меня никого нет.
Галина Ивановна вызвала такси, собрала в сумку гостинцев.

—Не забывай обо мне, звони,—попросила она, целуя крестницу.
Уже в самолете Сима вдруг поняла, что соскучилась по Олегу, по их уютной квартирке. Через три часа самолет совершил посадку, в зале аэропорта ее встречал Олежка.

—Как ты узнал, что я лечу этим рейсом?—удивилась она, целуя мужа.

—Галина Ивановна позвонила, сказала, что у тебя тяжелая сумка,— ответил он.— Как будто, будь сумка легкой, то я бы тебя не встретил.
На улице их ждал друг Олега на машине.

—Домой?—спросил он, открывая багажник и ставя сумку. — Конечно, куда еще?— смеясь, ответил Олег.

Заурчал мотор, и машина тронулась с места.

В детстве Сима, слушая о Севере, представляла себе дикий край, где всегда холодно и где живут угрюмые люди. Эти люди ездят на собаках, говорят на непонятном языке. За год, прожитый здесь, Сима полюбила этот чудесный край, просто надо видеть красоту северной природы. А какие здесь белые ночи, таких ночей нет нигде. Когда наступает короткое лето, люди спешат насладиться теплом, купаются в реке, вода в которой не успевает нагреться. Зимой же мороз бывает за 40, все окутывается белым густым морозным туманом, снег скрипит под ногами. Нет, она уже не сможет жить где-то в другом краю, без этих снежных, бесконечных просторов. Так думала Сима, глядя из окна машины, на душе было легко и хорошо. Она дома! Машина остановилась возле подъезда, Олег помог выйти жене, достал из багажника сумку.

—Я сейчас,—сказал другу.— Подожди меня.

—Ты уезжаешь?—спросила его Сима.

—Да, зайка, служба зовет. Не жди меня, отдыхай.

Они вошли в квартиру, он поставил сумку, чмокнул ее в щеку и закрыл за собой дверь. Оставшись одна, она разделась и прошла в комнату, радостно огляделась.

—Ну вот и дома, слава Богу.

Настроение ее поднялось, она включила телевизор на кухне, сходила в спальню, переоделась и вернулась к плите. Решила приготовить на ужин что-нибудь

вкусное. Достала из морозилки цыпленка, разморозила в микроволновке. Олег любил молодых цыплят, запеченных в духовке с майонезом и картошкой. Вскоре по квартире рассеялся аромат, запеченного мяса. Вынимая цыпленка из духовки, почувствовала снова тошноту. «Господи, да что же это такое?» – подумала она и кинулась в ванную. Настроение сразу изменилось, Сима почувствовала себя обиженной. Вечер был испорчен. Олег сразу заметил перемену в жене.

–Что-то случилось?–спросил ее, входя на кухню.

Она поставила ему ужин, сама взяла кислое яблоко и села напротив.

–Токсикоз начинается, а мне завтра на работу,–ответила ему.–Дома еще ничего, потерплю, а на работе как я буду?

–Милая, но миллионы беременных учительниц работают и ничего.

Сима резко встала, бросила огрызок яблока и ушла в комнату. Олег доел ужин, убрал со стола, помыл за собой посуду. Вышел на балкон, чтобы покурить, затем вернулся в комнату. Сима сидела на диване, он присел рядом, обхватил ее руками, прижал к себе.

–Зайка, все же хорошо, просто надо немного потерпеть,– говорил он, чувствуя биение ее сердца.

Каникулы закончились, начались рабочие будни. Токсикоз продолжался, слава Богу, что тошнило ее по утрам. В школе уже все знали о беременности, поздравляли. Животик рос, она стеснялась, краснела, если кто-нибудь задерживал на нем внимание, это ее раздражало. Одно радовало: работа ей нравилась. Когда она переводилась в пединститут, то и подумать не могла, что преподавание принесет ей удовольствие. Ей нравится работать с детьми, хотя, чего греха таить, с современными детьми надо обладать хорошим терпением. А этим качеством она обладает с детства. Время не стоит на месте, время движется вперед. Однажды, вечером, собираясь прилечь, она почувствовала слабое шевеление внутри себя. Сима замерла и, почувствовав легкий толчок, улыбнулась. Ей так хотелось с кем-нибудь поделиться этим счастьем, но, как всегда, она была одна. Положив руку на живот, нежно сказала:

–Тише, тише, малыш, не бойся, твоя мама с тобой!

Она уже спала, когда пришел Олег. Поужинав, тихо хотел прилечь рядом, но Сима уже проснулась.

–Почему снова поздно?–спросила она.

–Служба, служба, дорогая,– ответил он, прижимаясь к ней всем своим холодным телом.

Вскоре послышалось его сопение, она сердито отвернулась к стене, Олег, еще крепче обхватив ее рукой, прижался к ней. Выйдя в декрет, Сима еще больше страдала от одиночества. Подруг она не заимела, иногда заходила к соседке. Пили чай с вареньем, жена начфина была мастерица варить варенье. Каких только сортов и баночек не было в ее кладовой, а какие она пекла пироги, объедение просто. Олег очень мало был дома. То полеты, то теория у него, стала подозревать, что у него появилась другая женщина, проверить, естественно, не могла. Она нервничала, стала раздражительной. Однажды, когда он снова пришел

поздно, не пустила его в постель, кинула подушку и одеяло. Он поймал подушку и посмотрел на жену.

—Что сие значит?—спросил он.

—Это значит, что спать будешь в зале.

—Почему? Почему я должен спать в зале?—потом, подумав, добавил.—Я тебе мешаю, хорошо.

—Я не знаю, где ты бываешь? С кем ты?

Олег рассмеялся громко, смеялся долго.

—Ты меня ревнуешь? Зайка, что с тобой? Ты такая сильная и вдруг ревность. Ты же знаешь, что я в небе.

—Ну и люби свое небо,—обиженно произнесла она.

Он подошел к ней, присел на постель.

—Родная, я люблю тебя и небо, очень люблю.

Сима заплакала.

—Тогда выбирай: или я, или небо.

Олег вдруг стал серьезным.

—Нет, дорогая. И ты, и небо! Так есть и так будет,

Взял подушку с одеялом и ушел спать на диван в зале. Сима пыталась заплакать в подушку, но в ней заспорили две женщины. Одна говорила:

—Он тебя обманывает, у него есть другая жизнь, тайная от тебя.

Вторая убеждала:

—Не ставь ему условий, не ломай его. Он правду тебе сказал, что любит тебя и небо. Лишить его неба— это убить мечту и без тебя он не сможет.

Так в раздумьях и уснула. Утром проснулась от шума закипевшего чайника. Выйдя на кухню, увидела Олега, он делал себе бутерброд. Она подошла к нему, обняла за шею и заглянула ему в глаза.

—Прости меня,—тихо сказала.—Прости, я была неправа. Просто я все одна, скучаю по тебе, я устала тебя ждать.

—Я же военный, Сима. Ты же знала, за кого идешь замуж, говорила, что за мной хоть на край света. Вот он, этот край света. Я понимаю, тебе сейчас трудно, но осталось два месяца, и нас будет трое. Если хочешь, давай вызовем маму, она побудет с тобой.

—Нет, не надо маму, пока не надо, все хорошо. Это просто не было настроения. Погода установилась, наконец, лето пришло к ним. Люди радовались теплу, соскучились по яркому солнышку, которое теперь покидало небо на короткое время и снова всходило. Одна беда, которая портила прогулки, это мошкара и комары, которых Олег называл "мессеры". Чем ближе роды, тем больше страховывал ее, хотя, как биолог, все знала о родах. Но одно дело— читать в книге, другое — рожать самой. Они с Олегом уже знали, что будет мальчик, ребенок крупный. Последнее время очень болела спина, хотелось больше лежать, но соседка Варя, жена начфина, взяла над ней шефство. Заставляла утром гулять и делать легкую зарядку, не разрешала много есть.

—Олежка, а ты пойдешь со мной рожать?—спросила Сима мужа.

—Если ты этого хочешь, я буду рядом.

—А я не знаю.

—Значит, подумай, правда, у нас никто еще не ходил с женами на роды. Может, и ты сама? Там же врачи и медсестры, что я там буду делать? Летчик сам родится. Он засмеялся и погладил живот, ладонь почувствовала толчок, Олег снова засмеялся.

—Не смейся, Сима, что ты выдумываешь?—сказала Варя, узнав про роды с мужем.— Во все века бабы сами рожали, негоже это мужьям видеть. Если уж так боишься, то я с тобой пойду.

Они с утра гуляли на улице, пока не было ни мошкары, ни комаров. Варя в коляске везла сынишку, который лопотал что-то на своем, только ему понятном, языке.

Под утро Сима проснулась от резкой боли. В спальне было темно, плотные шторы защищали от солнца, которое не сходило с небосвода в полярный день. Она застонала, проснулся Олег, испуганно посмотрел на нее.

—Что? Началось?—спросил, увидев ее расширенные от страха глаза.

—Ой, Олежка, я боюсь,—простонала она.

Он вскочил с постели, засуетился, нашел телефон и вызвал скорую. Медики приехали через пятнадцать минут. Олег, взял приготовленную сумку, помог жене спуститься к машине. В больнице ее сразу отвезли в предродовую. Олег поехал на службу. Схватки становились продолжительнее, время между ними — короче. Наконец ее взяли в родовую. Сима, между приступами боли, мысленно молила Бога о помощи. Она так старалась, выполняла все, что говорили. Дышала и не дышала, тужилась, ей казалось, что это никогда не закончится. Роды продолжались уже три часа, она выбилась из сил.

—Сима, ну давай еще один раз, ребенок уже виден,— сказала акушерка.— Слушай меня, малыш крупный, все будет хорошо.

Малыш и, правда, оказался крупным, он громко закричал, но сразу затих, как только его положили ей на живот. Сима, со слезами на глазах, нежно коснулась его рукой. Ребенка забрали, а она увидела возле себя Олега. Он был стерильно одет, взял руку жены и нежно пожал, улыбнулся ей. Сима глазами показала на стол, где лежал и громко плакал их сын. Олег подошел ближе и увидел это крохотное чудо, у него сразу странно защемило в сердце, защемило в глазах.

—Здравствуй, сынок,— тихо прошептал он,—здравствуй!

После некоторых обязательных процедур, медсестра ловко одела и завернула ребенка, подала отцу. Такого волнения Олег не испытывал никогда еще. Странно, но ребенок замолчал, уставил на него свои синие глазки, словно хотел спросить: «Ты кто?»

День выписки Олег превратил в праздник. Украшенная машина, разноцветные шары, огромный букет нежных белых роз. Не забыл и медсестер. В большом пакете было шампанское, шоколад и фрукты. Дома все было приготовлено для встречи малыша и мамы. Когда они остались одни, друг с женой уехали, он, убрав на кухне, вошел в спальню.

—Завтра мама приезжает, тебе будет легче, месяц поживет, пока мы привыкнем,— он посмотрел на спящего сынишку.

—Как мы его назовем?— спросила Сима.

—Ну мы же с тобой говорили об этом,—ответил Олег.— Матвей, ведь сейчас модны русские имена.

—Матвей Олегович,—произнесла она.—Красиво!

С приходом Елены Николаевны Симе и, правда, было легче. Свекровь ловко управлялась с внуком, и, странное дело, он замолкал, стоило ей заговорить с ним. За месяц она многому научила невестку, Сима так была благодарна ей. Они очень хорошо ладили между собой, ведь они любили одного мужчину и просто боготворили Матвея. Месяц пролетел быстро, Елена Николаевна уехала. Она долго целовала внука, видно было, что ей очень тяжело расставаться с ним. Перед этим они вдвоем, в ожидании Олега, долго говорили, сидя в уютной кухне за чаем.

—Симочка,—сказала свекровь.— Если тебе нужна будет помощь, сразу звони мне, я приеду. Мои мужики и сами временно могут управиться. А вы летом к нам, на воздух, под теплое солнышко.

—Спасибо Вам, Елена Николаевна,—поблагодарила Сима ее.— Я не знаю, что бы делала без Вас.

—Девочка моя,—растрогалась свекровь.— Да ты сама умница. Я же вижу, как ты любишь Олега и так благодарна тебе за это. Счастье сына! Что еще нужно матери? Сама это поймешь, когда Матвейка вырастет.

После отъезда свекрови, к которой она привыкла уже, Симе стало одиноко. Уже чувствовалось дыхание осени, стояли последние теплые дни, и Сима старалась больше гулять с Матвеем на воздухе. Олег приходил со службы, переодевался и с удовольствием проводил время в семье. Подходил к кроватке сынишки и говорил с ним.

—А кто это тут лежит? Кто ждет папу?

Малыш начинал улыбаться, быстро перебирать ножками и ручками. А он брал его на руки, клал животиком на ладонь и ходил по комнате, приговаривая:

—У-У-У летит самолетик.

Малыш, пуская слюни, издавал свои звуки. Сима смотрела на них и счастливо улыбалась.

Снова пришла зима. Красивая, суровая, северная, снежная зима. Матвею исполнилось полгода. Это был подвижный ребенок, привыкший к рукам. Не любил оставаться один, сразу поднимал крик. Сегодня Сима проснулась с каким-то чувством тревоги. Олег сразу заметил ее состояние.

—Что с тобой?— спросил ее.

—Да не знаю, что-то так тревожно на душе.

—Успокойся, тебе нельзя волноваться. Я читал, что из-за этого может пропасть молоко у матери. Я тебя прошу Он позавтракал, поцеловал ее и сынишку, внизу просигналила машина, ему пора на аэродром. Сима старалась чем-нибудь заняться, чтобы отвлечь себя. Покормила и переодела Матвейку, уложила спать, сама занялась обедом на кухне. Неожиданно зазвонил телефон, схватив трубку сказала:

—Я слушаю.

В трубке раздался веселый голос Саши.

—Сима, привет!

—Господи, Саша?—удивилась она.— Сколько лет не слышала твоего голоса. Как ты? Где ты?

—Прости меня, Симочка! У меня такие перемены! Я живу в Калифорнии. Да, не удивляйся, так получилось. Я замужем, работаю по специальности. Летом мы приедем, увидимся и наговоримся. А ты, я слышала, стала мамой, поздравляю от всей души. Кто у тебя? Как назвали?

Сима сказала, что родили сына и назвали Матвеем.

—Симочка, я не могу больше говорить, летом увидимся. Сейчас я в Африке, работаем в одном племени аборигенов, вернусь в Калифорнию, и свяжемся с тобой по скайпу. Все, целую, Олегу привет.

Сима положила телефон, подумала: «Молодец Сашка, добила своего». Дай Бог ей добиться исполнения мечты. Какое-то легкое сожаление промелькнуло у нее, но она тут же прогнала прочь, успокоив себя, что она тоже счастлива. Вернулась к своим делам, тревожное состояние тоже вернулось. Чтобы окончательно себя отвлечь, включила тихо телевизор и нашла музыкальный канал.

Олег, выполнив задание, возвращался назад. Самолет летел на небольшой высоте, ничто не предвещало беды, уже был виден аэродром.

—Первый, захожу на посадку,—доложил он командному пункту.

—Семнадцатый, мы вас видим, посадку разрешаем,— последовал ответ.

Тут он увидел, что не вышли основные стойки шасси, сразу сообщил на командный:

—Не вышли основные стойки шасси, повторяю попытку еще раз, захожу на вторую посадку.

Самолет пролетел над аэродромом и скрылся в облаках.

Олег уменьшил скорость полета, открыл кран аварийного выпуска, но ни одна из стоек не вышла, о чем он сообщил по радиации. Самолет снова пролетел над аэродромом и взмыл ввысь. Олег знал, какой сейчас поступит приказ. Если и при аварийном выпуске шасси даже одна из основных стоек не вышла, он обязан покинуть самолет. В наушниках затрещало, и послышался голос старшего по полетам:

—Семнадцатый, приказываю покинуть самолет,— тишина, потом снова голос. —Сынок, ты знаешь, что делать.

Олег знал, что необходимо еще немного набрать высоту и катапультироваться. Мысли лихорадочно крутились в голове, он почувствовал, как по спине потекло. Ему жалко было самолет, это был его боевой друг, и он не мог бросить его.

—Первый, говорит семнадцатый, разрешите аварийную посадку.

—Семнадцатый, говорит первый, посадку не разрешаю. Приказываю покинуть самолет.

—Я не могу бросить самолет, иду на посадку, простите. Олег направил самолет в сторону тундры, вдали виднелись скалы горного хребта. Решив, что до них достаточно далеко, пошел на снижение. На командном пункте видели, как самолет пропал на радаре, и объявили тревогу, подняли на вертолете поисковую

группу. Олег сделал круг, слил остатки топлива, и самолет стремительно пошел вниз. За эти секунды, когда он со всей силой держал штурвал и отталкивал от себя, перед глазами промелькнула вся его жизнь. Он уже видел, как быстро приближается земля.

—Любимая, прости меня,—шепнул он, почувствовал удар, и его подбросило вверх, вскрикнул от резкой боли в спине.

Самолет днищем скользил по снегу, ничего не было видно, снег залепил лобовое стекло. Олег выпустил тормозной парашют, началось торможение, неожиданно самолет носом уткнулся в скалу, удар был такой силы, что Олег потерял сознание. Сколько был без чувств, он не знает. Очнувшись от голосов, открыл глаза.

—Жив, герой?—спросил командир эскадрильи.
Увидев, что Олег пытается встать, остановил его.

—Лежи, лежи,—потом крикнул: —Давайте носилки сюда. Олега доставили в госпиталь.

В дверь позвонили, Сима открыв, увидела соседку Варю. Она была чем-то взволнованна.

—Симочка, чем занимаешься?—спросила и прошла в комнату
В это время из спальни слышался плач, проснулся Матвей. Взяв на руки сына, вышла к соседке.

—Сима, дай мне Матвейку, а сама поезжай в больницу,— тихо сказала Варя, как-то жалко глядя на нее.

—Зачем мне в больницу?—спросила Сима, прижимая сынишку к себе.

—Понимаешь, там что-то с Олегом, но говорят, что ничего страшного.
Сима побледнела, присела, Матвей, видимо, испугавшись, громко заплакал. Очнувшись, подала ребенка соседке, быстро оделась и выскочила из квартиры. Остановив первую машину, быстро доехала до госпиталя. Ее попросили подождать. Олега увезли на рентген. У него было сотрясение мозга, и оказались сломанными четыре ребра. Врачи сказали, что родился в рубашке. Она, видимо, от пережитого, увидев мужа, заплакала. Врач успокоил, что все хорошо, что летчику несказанно повезло, поваляется пару недель, и его выпишут. Оставшись вдвоем в палате, Сима кинулась к Олегу.

—Олежек, я так испугалась. Вот с утра не могла успокоиться, какая-то тревога не покидала меня,—она внимательно посмотрела на него и серьезно добавила.—Я бы не смогла жить без тебя.

—Зайка, все хорошо ведь закончилось.

—Это случай,—вспыхнула Сима.—Я слышала, как в коридоре говорили, что ты очень рисковал. Неужели эта железка тебе дороже нас?
Вдруг она поняла, что говорит чепуху, она жена летчика и не имеет права быть слабой.

—Прости меня, прости, я говорю ерунду,—она виновато посмотрела на него,— но я так люблю тебя.

—Я вас с Матвейкой тоже очень люблю.

Вошла медсестра.

—Сима, Вам пора, пусть больной отдыхает, да и Вам нужен отдых.

Две недели прошли, Олега отпустили домой, но до полетов еще не допускали. За то, что совершил вынужденную посадку и сохранил самолет, ему повысили воинское звание, теперь он был капитан. Сима поняла, что Олег должен видеть ее сильной, должен верить, что она спокойна за него и гордится им. Она— жена летчика и сделает все, чтобы дома Олежке было тепло и уютно. Дома он занимался сынишкой. Они вместе ползали или играли в самолет. Олег брал сына и на руках, высоко подняв, ходил по квартире и гудел. Матвейка заходился смехом от радости. Она, видя эти игры, и сама смелась. Вскоре он вышел на службу и приступил к полетам. Каждый раз чувство тоски и тревоги охватывало ее вновь. Старалась не думать о крушениях самолетов, про себя тихо молилась и ждала. Олег приходил домой веселый, каждый приход был праздником в доме. Она, улыбаясь, накрывала на стол: будь то обед или ужин. Матвейка спешил ему навстречу, делая свои еще неуверенные шаги, спотыкался, падал и под хохот ползком продолжал движение. В такие минуты Сима чувствовала себя самой счастливой: с ней рядом любимый человек. Им вместе суждено пройти дорогу жизни. Она знала, что он всегда будет смотреть на нее с нежностью, пройдут годы, и, несмотря на седину и морщинки, скажет ей, что она самая прекрасная женщина на свете. Она в ответ скажет, что он самый лучший мужчина на земле. Ведь счастье бывает только отраженным.

Я тебя никому не отдам

«Какой жуткий лес,— подумала Люба, — сколько иду, а он все не кончается». Высокая и острая трава больно хлестала по ногам, где-то в кустах прокричал филин, она вздрогнула, страх сковал ее. Вдруг она услышала крик, кричала женщина, голос был немолодой. Люба остановилась, прислушалась и проснулась. Крик повторился и перешел в громкий плач. Плакали в соседней комнате. Соскочив с постели, она резко открыла дверь и застыла. В комнате были соседи и бабушка, которая громко и навзрыд плакала. Увидев Любу, она тихо сказала:

—Внученька, горе-то какое,—она закрыла лицо руками, потом посмотрела на нее. —Нет их, нет больше твоих: мамы и папы, нет доченьки моей.

Девушка, забыв, что она в одной ночной сорочке кинулась к ней:

—Бабуличка, ты, что такое говоришь? Они же уехали к дяде Саше на юбилей. Не надо, не плачь, куда они денутся, послезавтра приедут, вот увидишь. Она оглядела всех, кто был в комнате. По их лицам поняла, что случилось и правда что-то страшное.

—Тетя Вера,—она обратилась к соседке, маминой подруге,— что случилось-то? Та подошла, обняла ее:

—Авария, Любушка, авария. Разбились на машине. Люба повернулась к бабушке и, увидев, что той плохо, побежала за лекарствами. Вернувшись, накапала ей капель и повела в спальню. Уложив в постель, укрыла одеялом и вышла, прикрыв дверь. В комнате уже была одна соседка, сидела на диване и тихо плакала. Девушка присела рядом с ней.

—Как это случилось? Папа отлично водит машину. Вера отрицательно покачала головой, потом встала:

—Я пойду, Любушка, хорошо? После ее ухода, у Любы внутри что-то щелкнуло, и она заплакала, осознав, что произошло на самом деле. На другой день её вызвали в городской морг на опознание. При входе встретил сотрудник полиции, объяснил для чего она здесь. Ей стало плохо, когда она увидела родителей. Очнулась уже на улице. В полиции ей объяснили, что произошло на дороге. Виновника аварии задержали, он был пьяный за рулем. Следующие дни прошли как в тумане. Похороны родителей, сердечный приступ у бабушки, Люба очень испугалась за нее. Хорошо, что рядом была тетя Нина, мамина сестра, она прилетела на похороны с севера. Перед возвращением тетка завела разговор с племянницей:

—Может, поедешь со мной? Будешь учиться, школа у нас хорошая, год доучишься и поступишь в институт. Будете вместе с моей Наташкой. Девушка отрицательно покачала головой:

—Нет, тетя Нина, я останусь с бабушкой, нельзя ее оставлять одну. Тетка в душе была согласна с ней, мать и правда нельзя оставлять одну. На другой день, проводив родственницу, убрав в доме, зашла к бабушке в комнату, присела на край постели. Взяла ее руку, прижала к своей щеке, вздохнула и тихо сказала:

—Ну вот, остались мы с тобой одни. Я никогда тебя не оставлю.

Бабушка приподнялась, они обнялись и горько заплакали. Наплакавшись, Люба еще раз поцеловала бабушку, пожелала спокойной ночи и ушла к себе. Людмила Андреевна прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Внучке семнадцать лет. Любаша так похожа на нее в молодости. Даже судьба почти одна. Ведь и она осталась без родителей в этом же возрасте, в один день погибли они.

Был сорок первый год. Война шла уже больше месяца. Они жили в небольшом белорусском городке. Еще у всех жила надежда, что вот-вот, и красная армия погонит супостатов со своей земли. Отец Людмилы был председателем исполкома, а мать работала в школе. Люда окончила школу и мечтала стать учителем, как мама. Война подходила все ближе. Отец настаивал, чтобы жена с дочкой уходили на восток. Люда возвращалась от подруги, которая согласилась идти с ними, как увидела, что на окраине показались немецкие мотоциклисты. Она кинулась бежать домой садами. С криком "немцы" она вбежала в дом. В это время во дворе показались фашисты.

—Уходите быстрее, через сад, я их задержу,— сказал отец.

Мать обняла ее:

—Беги, дочка, прячься.

Толкнула ее в дверной проем и закрыла дверь. Сама вернулась в комнату, взяла старую берданку (муж был хороший охотник).

—Я с тобой, Андрей,— ответила на немой его вопрос.

В ответ он обнял жену, поцеловал:

—Спасибо, родная, за счастье, которым ты меня одарила,

Люда спряталась в зарослях малинника. Она видела, как немцы прикладами стучали в дверь, потом из окна раздались выстрелы. В ответ немцы открыли огонь по окнам, потом начали бросать гранаты. Девушка вцепилась зубами в ладонь, чтобы не закричать, почувствовала, как по руке потекло что-то горячее. Потом стало тихо, только огонь пожирал дом, где еще недавно жило счастье. Когда немцы ушли, она, пробираясь садами, пришла к подруге, которая уже знала, что случилось. С темнотой они вышли из городка, к утру нагнали колонну беженцев, что двигалась на восток. Люда посмотрела на Валентину. Подруга шла молча. Длинная русая коса почти расплелась, а ее красивые глаза с тоской смотрели по сторонам, на изнуренных дорогой людей. Было больно и горько смотреть на этих, почти, обезумевших от страха людей, что понуро старались уйти от войны. Иногда им навстречу шли солдаты, они шли остановить врага, посягнувшего на самое святое — их Родину. Люди встречали и провожали их глазами молча. Ни те, ни эти, еще не знали, что это только начало. Начало страшной и жестокой войны, унесшей десятки миллионов жизней. Внезапно в небе послышался гул самолетов. Кто-то крикнул: "мессеры, все бегите в лес!" Самолеты летали стремительно и низко, поливая градом пуль, разбегающихся в панике людей. Всюду раздавались крики и громкий плач детей. Люда растерянno остановилась, потом ужас охватил ее, и она побежала. Девушка летела с такой скоростью, что ветер свистел в ушах. Она не заметила, как подруга, широко раскинув руки, упала в траву, словно подкошенная. Наконец Людмила остановилась, кругом стояла тишина, огляделась, ища подругу, но на поляне

никого, кроме нее, не было. Испугавшись, стала кричать, звать ее, но никто не отозвался ей. Среди сочной июньской зелени травы лежала Валентина, а ветер ласково перебирал ее длинные волосы, широко открытые синие глаза смотрели в такое же синее небо, на груди разрасталось алое пятно, под цвет маков, что раскачивали головками, словно жалели девушку. Людмила, постояв, пошла по едва заметной тропе. Шла долго, в горле пересохло, очень хотелось пить и есть, она вспомнила, что последний раз ела вчера утром. Вдруг она услышала голоса, говорили на русском, и она прибавила шаг. Через несколько минут увидела группу солдат, которые, заметив ее, опешили. Наконец один воскликнул:

–Ребята, лесная нимфа к нам пожаловала. Вокруг засмеялись, девушка смутилась. От группы отделился и подошел молоденький лейтенант, он внимательно посмотрел на нее и спросил:

–Кто Вы? Как здесь оказались?

Людмила, слегка волнуясь, все рассказала ему. Выслушав ее, лейтенант сказал, что она может идти с ними, они догоняют свою часть. Потом достал карту и попросил показать, где она видела мотоциклистов, она нашла свой городок и показала ему. Лейтенант, которого звали Алексей, покачал головой и приказал всем строиться, вскоре двинулись в путь. С ними вместе пошла и она. Людмила Андреевна тяжело вздохнула и подумала, как давно это все было. Всю войну она прошла с этими ребятами, была дважды ранена, но после госпиталя снова возвращалась к ним. Конечно, не все дожили до Победы, многие остались лежать на полях жестоких сражений. Для нее война закончилась в Чехословакии, когда тяжело был ранен Алексей, к тому времени он был уже майор. Алеша, ее любимый Алеша, его израненного, она привезла в дом его родителей, да и сама осталась с ним. Недолгим было их счастье, в пятьдесят первом году он умер. Для всех война закончилась в сорок пятом, а для него, продолжавшего поднимать и вести в бой свой батальон, она закончилась в мае пятьдесят первого года. С его смертью потерялся смысл жизни. Через два месяца родила двойняшек, дочки так похожи были на своего отца, глядя на них, она находила силы жить. Людмила тосковала по мужу, по привычке прислушивалась к шагам, ей даже чудился запах родного тела, слегка горьковатый, но самый сладкий, родной, который с другим не спутаешь!

Людмила Андреевна встала с постели, в окне уже серело, все равно она уже не уснет. За окном шумела весна! Она стояла у плиты и, помешивая овсяную кашу, подумала, что много уже весен прошло через ее жизнь. Вот и у внучки пришла семнадцатая весна, правда, весна оказалась горькой. Она вздохнула, в душе надеялась, что это не сломает ее любимицу. Словно услышав эти мысли, в кухню заглянула Любаша:

–Доброе утро, бабуля! Она была уже одета, волосы были заплетены в две косы, завязанные бантами. Взяв из рук бабушки тарелку с кашей, воскликнула:

–Овсянка, сэр!

Людмила Андреевна обернулась, посмотрела на нее и пошутила:

–Да, овсянка, кушайте, сударыня.

Минут через десять под окном раздался девичий голос:

—Люба, выходи!

Девушка, на ходу запивая чаем кашу, выскочила из-за стола, чмокнула бабушку в щеку, сдернула с вешалки легкую куртку, схватила портфель и хлопнула дверью. На улице стояла девушка, с копной огненно-рыжих волос и лицом, усеянным веснушками. Это была Светлана, подруга Любы, с которой они вместе с первого класса. Людмила Андреевна, шутя, называла ее "рыжая бестия", за ее неумный характер. Светку не все любили, за ее честность. Она никому не прощала лжи и сама всегда всем говорила только правду. Говорила прямо и открыто. Люба, со своим спокойным характером и врожденной скромностью, как-то дополняла подругу. Они очень хорошо понимали друг друга, доверяли свои девичьи секреты. На улице был конец апреля, и в школе полным ходом шла подготовка к Первомайским праздникам. Домой возвращались по главной улице. Город оживал после зимней спячки. Весело звенели старые трамвайчики, мальчишки со смехом перепрыгивали лужи, всюду слышалось веселое чириканье городских птах. Подружки шли, тихо разговаривая, а за ними медленно шел молодой человек, лет 18-19. Светка недовольно пробурчала:

—Во, верный страж на посту. Люб, ну что это такое, три года, день в день, он ходит за нами. Тебе его не жалко?

Девушка отрицательно покачала головой. Она подумала, что и правда, это уже надоело. И чего все ходит и ходит? Она резко остановилась и повернулась к нему, он остановился и виновато посмотрел на нее.

—Ну что ты все ходишь и ходишь?—спросила она его.—Я тебе давно сказала, чтобы ты оставил меня в покое. Непонятно?

Парень сконфузился, но быстро взял себя в руки и ответил:

—Буду ходить. Пока не вырастешь, буду ходить. Я тебя никому не отдам.

Светка рассмеялась:

—Ой, смотри какой ревнивец, мавр тоже нашелся. Тебе сказано, отстань...

Он не дал ей договорить:

—Буду ходить.

Девушки рассмеялись и пошли дальше. Вечером за ужином, Люба спросила бабушку:

—Бабуль, а ты любила дедушку?

Людмила Андреевна удивленно посмотрела на внучку, улыбнулась:

—Любила, внученька, очень любила. И он меня любил, так любил, что дышать боялся на меня. Всю войну мы рядом были. Помню, когда меня ранило первый раз, мы тогда никак не могли взять высоту, немец просто поливал нас огнем, так вот, как меня ранило, так испугался. Я видела все по его глазам, помогал санитарам вынести меня с поля боя, потом поднял батальон и все же взял высоту. А когда его тяжело ранило, я думала, от горя умру. Ты знаешь, внученька, нашу любовь весь батальон оберегал. Когда он умер, я дышать не могла, воздуха мне не хватало. Дочки меня спасли, иначе я бы не выжила. Многие наши однополчане приехали проводить его в последний путь.

Время летит очень быстро. Вот и Первомай пришел. День выдался теплый и солнечный. К центру города двигались колонны демонстрантов, пестреющие изобилием красок. Десятый класс шел во главе школьной колонны, как лучший класс школы. Шли с песнями, шутками, весело размахивая алыми флажками и большими искусственными цветами. Потом всем классом гуляли в парке, вели разговоры, делились планами, кто кем хочет стать. Люба с волнением слушала комсорга класса Костю Иванихина, Она даже себе боялась признаться, что он ей нравится. Юноша решил стать физиком, и действительно, все знали, что он просто болен этой наукой. Но вот все громко засмеялись, когда Светка сказала, что она будет артисткой.

—Ну что вы смеетесь? Буду! Еще и народной буду!— гордо сказала всем.

И тут Костя спросил Любу:

—Любаша, а ты не изменила свою мечту? Я помню, ты говорила, что будешь врачом.

Она покраснела и ответила:

—Ребята, я не буду поступать в институт, пойду в медучилище, не могу оставить бабушку.

Ее молча выслушали, сочувственно посмотрели, жалея девушку. Тут Светка вскочила, за ней, со смехом, встали все со скамьи и побежали по аллее парка. Молодость есть молодость, тем более, если она счастливая. Людмила Андреевна проснулась рано, солнце только начало всходить. Сегодня девятое мая, День Победы. Для нее, прошедшей всю войну, это особенный день. Она, девчонка еще, оказалась в пекле наравне с мужчинами, старалась ни разу не показать свою слабость и страх. Иногда, среди шквального огня, при виде гибели боевых товарищей, не лишиться рассудка было почти невозможно. Как отпор врагу, сила духа человеческого оказалась прочнее металла и огня. Сидя за столом, Людмила Андреевна держала старую пожелтевшую фотографию, на ней были ребята, с которыми она прошла этот ад. В центре фотографии Алеша, командир батальона, а рядом с ним хрупкая девушка. Людмила Андреевна улыбнулась, вспомнила, как он признался ей в любви. Это было перед боем. Алеша нашел ее, отозвал и сказал:

—Сейчас мы пойдем брать высоту, береги себя, я тебя очень прошу, мне без тебя не жить.

Повернулся и ушел. Она погладила фото рукой. Вот Илья Рязанский, батальонный "Василий Теркин", любимец батальона. Весельчак и балагур. Погиб при взятии этой высоты. А это вот, стойкий оловянный солдатик, Пашка—сибиряк, безнадежно был влюблен в нее. Его прозвали так, потому что он был ранен множество раз и всякий раз возвращался в батальон. В этом году он не приедет на День Победы, нет больше оловянного солдатика. Она взяла стопку открыток, с поздравлениями с праздником. Их каждый год присылали однополчане, называя ее сестричкой, с каждым годом их приходит все меньше и меньше. В комнату заглянула Люба:

—Бабуличка, что же ты не собираешься?—подошла, обняла.— С Днем Победы! С праздником, моя родная!

Людмила Андреевна погладила внучку по голове.

—Да-да, иду уже.

Через некоторое время она вышла из своей комнаты, внучка глянула на нее и счастливо засмеялась:

—Какая ты у меня, просто красавица!

Она повернула бабушку лицом к зеркалу, в нем отразилась седовласая женщина, в темном костюме, на груди множество медалей и орденов. Люба, трогая медали, тихо проговорила:

—По твоим медалям можно изучать географию, бабуля.

Они шли по улице в сторону центра города, к площади. Бабушка и внучка! Люди приветливо поздравляли с праздником, улыбались им, смотрели с уважением. Так смотрят на всех, кто прошел эту войну и сумел сохранить в себе все лучшие человеческие качества: доброту, любовь к своей Родине, милосердие.

Прозвенел последний звонок, пришла пора экзаменов. Погода стояла теплая, лето вступало в свои права. Выпускники брали тетради и книги, уходили на берег реки. Готовились к экзаменам вместе. Между зубрежками купались, потом падали на горячий песок и снова повторяли ответы на билеты. В эти дни Люба и Костя как-то незаметно сблизились, их стали постоянно видеть вдвоем. Светка очень ревновала подружку, ворчала:

—Ну вот, я уже и не нужна стала. Все с Костей и Костей.

Любаша отшучивалась:

—Ну что ты такое говоришь? Ты —это ты, а Костя—это Костя!

Подруга обиженно отворачивалась. И еще одному человеку не нравилась эта дружба, даже сна лишила. Люба несколько раз видела, как Сашка тихо, стараясь быть незаметным, шел за ними.

Однажды он, не выдержав, остановил Костю, проводив девушку, тот возвращался домой.

—Привет,—преградив дорогу, сказал Сашка.—Я тебе, парень, скажу один раз, а ты выслушай и запомни. Забудь про эту девчонку. Чтобы я тебя больше возле нее не видел.

Развернулся и ушел, Костя хмыкнул и вошел во двор дома. Наконец экзамены все позади. Люба сдала все на четыре и пять. Людмила Андреевна очень радовалась за внучку. Девушка никак не могла выбрать момент, как сказать, что она не поедет поступать в институт, но получилось все неожиданно. На удивление бабушка спокойно выслушала и согласилась, что она поступит в медучилище. Выпускной вечер был в городском Доме культуры. Аттестаты вручала директор школы. Было много сказано теплых слов в адрес учителей и выпускников, некоторые девочки, не выдержав, плакали. Нет, не страх это был, перед взрослой жизнью, это было прощание с детством. Всю ночь молодежь веселилась от души. Под утро, как принято, все пошли встречать первый свой взрослый рассвет. Костя незаметно увел девушку, и они остались одни. Юноша стал читать стихи,

читал увлеченно, глядя ей в глаза. От выпитого шампанского кружилась голова. Не удержавшись, он поцеловал девушку, потом еще и еще. Люба почувствовала, что ее охватывает какое-то новое, еще не известное ей, чувство, всю охватило странное ощущение. Казалось, что вся кровь прилила к голове, и не стало никаких мыслей. Когда они пришли в себя, то растерянно, даже с испугом, посмотрели друг на друга.

—Любаша,—тихо сказал Костя,—прости меня. Ты не волнуйся, все будет хорошо, мы поженимся.

Она встала, он помог ей поправить платье, прическу, и они пошли. Шли, держась за руки. Где-то играла музыка, крутилась лента магнитофона. Всюду гуляла моло-

дежь. Кто парами, а кто группой. Возле дома, прощаясь, она сказала:

—Ты ни в чем не виноват. Я давно тебя люблю, просто сказать боялась.

Днем ее разбудил громкий стук в дверь, потом в комнату влетела Светка. Она с порога закричала:

—Спишь? А там твоего Костю Сашка избил до полусмерти, он сейчас в больнице, а Сашку забрали в милицию. Вот.

Все это было сказано на одном дыхании, с широко раскрытыми от ужаса глазами. Люба вскочила, заметалась по комнате, спросила подругу:

—В какой больнице Костя? Что с ним?

—В травматологии, у него что-то сломано.

В палату их не пустили, сказали, что больному сделали укол, и он спит, что у него сильное сотрясение мозга и рука сломана. Следующие дни прошли, как в угаре. Костины родители подали заявление за избиеие сына, виновника держали в милиции. Люба приложила все свои силы, долго уговаривала родителей Кости, наконец, они забрали заявление, и Сашку отпустили домой, больной поправлялся. В один из вечеров Саша пришел к ней, они сидели на улице. Долго молчали, потом Сашка проговорил:

—Люба, выслушай меня внимательно. Тебе скоро восемнадцать лет, я этого дня жду пять лет. Поверь мне, я очень тебя люблю. Люблю с тех пор, как увидел тебя еще подростком. Уже тогда я решил, что ты будешь только моя. Ты прости меня за Костю, я знаю, он посмел прикоснуться к тебе...

Люба не дала ему договорить, перебила:

—Сашенька, найди себе другую девушку. Я люблю Костю. Это ты можешь понять?

Глаза его гневно сверкнули, он встал.

—Люби кого хочешь, но женой будешь моей, Я тебя не отдам никому!

Она вздохнула, встала и ушла в дом. Людмила Андреевна посмотрела на внуку и спросила:

—Что с тобой? Ты какая-то бледная. Что он сказал тебе? Не обидел?

—Нет, бабуля, все хорошо, я полежу немного,—ответила

она и прикрыла дверь своей комнаты

В медучилище Люба поступила, вместе с ней и Света, просто решила быть рядом с подругой. Это событие решили дома отметить. Людмила Андреевна испекла сладкий пирог, присела отдохнуть. Последнее время неважно себя чувствовала, участились боли в сердце, очень боялась, что внучка заметит, поэтому была нарочито веселой. Девушка наливала чай, вдруг скривилась и выскочила к умывальнику, ее стошнило. Когда вошла, Людмила Андреевна внимательно посмотрела на нее и сказала:

—А ну-ка, присядь, внученька. Давай, расскажи мне всю правду. Кажется мне, что случилась беда у тебя, так?

Любаша заплакала и рассказала все. Выслушав внучку, она всплеснула руками и произнесла:

—Бедная ты моя, девочка, что же мы теперь делать будем с тобой?

В ответ девушка молчала. Как она могла сказать, что Костя уехал и забыл о ней, а родители не дают ей его адрес. Поздно вечером, когда внучка уже спала, Людмила Андреевна присела перед фото дочери и зятя, заплакала:

—Простите меня, не уберегла я Любочку, беда с ней, простите.

Долго она горевала, потом прилегла на постель и затихла, в доме раздавалось только тиканье настенных часов-ходиков. Утром Люба, не видя бабушку, вошла к ней в комнату. Людмила Андреевна так и лежала на постели, словно все еще спала. На похороны матери тетка не смогла приехать, сама была после операции. Прислала деньги и телеграмму, в которой снова звала племянницу к себе. Уже прошло девять дней, Люба никуда не выходила из дома. Соседка, подруга матери, не могла без слез смотреть на нее. Не выдержав, сказала ей:

—Девочка, моя, может ты действительно поехала бы к Нине, все же тетка родная. Я за домом присмотрю.

Девушка отрицательно покачала головой. Света, верная подруга, не оставляла ее одну, ухаживала, как за малым ребенком, заставляла чуть ли не силой есть. Однажды пришел Сашка. Она повернула к нему голову, посмотрела и снова отвернулась. А его поразили ее глаза. Они были какие-то неживые, потухшие. Присев рядом с ней, взял за руку, тихо сказал:

—Любушка, голубушка ты моя, ну нельзя так, жизнь продолжается и надо жить. Всхлипнув, она закрыла лицо руками, прошептала:

—Понимаешь, у меня бабушка умерла, самый дорогой мой человек. Мой свет, моя радость.

Она снова заплакала. Юноша, гладил ее волосы:

—Ты не одна, у тебя есть я, и всегда буду рядом, если ты захочешь.

Люба отвела его руки и серьезно ответила:

—Нет, я тебе уже говорила, что не люблю тебя, забудь меня. Мы никогда не будем вместе.

Он встал, посмотрел на нее.

—Ну, это мы еще увидим,— сказал и вышел.

Вскоре она уехала на Север. Тетка, увидев округлившийся животик, вздохнула:

—Ничего, все будет хорошо.

Люба держала на руках свою новорожденную дочку В палате все роженицы спали, за стеной сладко посапывали их малыши. Любаша проводила первые часы с ее долгожданной, выстраданной, такой желанной малышкой. Она сидела, не выпуская ее из рук. В палату тихо вошла детская медсестра, взяла малышку и шепотом сказала:

— Там внизу ваш папка, он только прилетел и очень хочет тебя видеть. Ты иди, а я посмотрю, чтобы никто не увидел.

Люба удивленно глянула на нее, накинула халат и стала спускаться вниз по лестнице. Внизу, в холле стоял Саша. Увидев ее, он широко улыбнулся, подошел и подал ей огромный букет алых роз. У него были такие счастливые глаза, она подумала, что может зря бежит от него, вдруг это и есть ее счастье. Александр обнял ее, она уткнулась ему в плечо, плакала молча, и слезы смывали всю боль, что накопилась в душе. Наконец она посмотрела на него и спросила:

— Как ты меня нашел? Тебе Света сказала? Улыбаясь, ответил:

— У тебя очень хорошая подруга.

Прошло два года. В саду, под старой яблоней, за столом сидели Люба и Светлана. По тропинке сада Саша водил за руку малышку, которая весело что-то щебетала ему на своем языке, а он счастливо смеялся. Света, глядя на эту картину, спросила:

— Скажи мне, подруга, только честно, ты счастлива? Любаша улыбаясь, тоже глядя на мужа с дочкой, ответила:

— Очень, я очень счастлива! Если бы я знала, что так будет, я бы в школе еще вышла за него замуж, — немного подумав, добавила. — Не всегда мы можем сразу разглядеть свое счастье, не верится нам, что оно может быть рядом. Все ждем его издалека. А ведь стоит руку протянуть и бери, бери свое счастье, оно начинается с малого. С единственного человека, который любит тебя от макушки до пят. Вот Саша таким оказался.

Все мы ищем счастье и для каждого человека оно свое.

Варькино счастье

Варька открыла глаза, яркое солнце на миг ослепило ее, она зажмурилась и рассмеялась. «Как хорошо дома!» подумала она. Дверь в ее комнату была приоткрыта, и из кухни донеслись слова матери:

—Ой, Валя, сколько я его уговаривала, плакала, унижалась. Говорила, что дочь взрослая у нас Ничего не помогло, собрал вещи и ушел. Первое время столько слез в подушку пролила, одному Богу известно. А теперь смирилась, сердцу не прикажешь, любит он ее. Обиды на него не держу.

Варька вздохнула, жалко мать. Как отец ушел из дома, она смотрит невесело, появилась седина. А отца Варька любит. Слабый он. Видела она его новую жену. Яркая женщина, от такой любой мужик голову потеряет. Живут в городе, отец работает на заводе, начальником смены. Варька была у них один раз, когда ее братишке, Васильку, было три года. Славный малыш, очень похож на отца. Она встала, сладко потянулась, накинула халатик и вышла на кухню. За столом сидели мать и ее двоюродная сестра Валентина, она приехала в гости. На столе стоял самовар, початая бутылка вина и пахло свежими ватрушками. Тетка, еще не старая женщина, сидела раскрасневшаяся от вина и чая. Её черные, с проседью, волосы были гладко зачесаны и собраны в узел на затылке. Она смотрела на мать, слушала и по- бабьи охала. Варька поздоровалась. Тетка всплеснула руками и воскликнула:

—Батюшки, какая взрослая! Какая красавица получилась!

Варька смущенно покраснела. Сходила умылась и присела рядом с матерью. За столом разговор сменился. Тетка рассказывала что-то смешное, и они смеялись. Ватрушки просто таяли во рту, давно Варька не ела маминой домашней выпечки. После завтрака она вышла во двор, за забором послышался смех. Открыв калитку, Варька увидела одноклассницу Ленку Чашину. Они бросились друг к другу, обнялись и, разговаривая, пошли к реке. Солнце уже стояло высоко, было жарко. Варька с удовольствием вдыхала горячий воздух, пахнувший травами. Тропинка вела их через луг, цветущий всеми красками лета. Белые ромашки и голубые васильки весело покачивали головками от легкого ветерка. Варька улыбалась, она так любила эту красоту, эту землю, здесь она выросла. Высоко в небе пел свою песню жаворонок. На берегу они скинули халатики и рухнули на горячий песок, солнце своими горячими лучами ласково грело их. Ленка спросила:

—Варь, ну что ты молчишь? Расскажи, как ты?

Варька повернула голову, взглянула в Ленкины, чуть раскосые, глаза, рассмеялась:

—Всё хорошо, Ленусь,—ответила она и добавила.—Все хорошо.

Она закрыла глаза. Перед глазами встал Максим. Они познакомились, когда она прошлый раз возвращалась домой, в город. В электричке к ней подсел парень в военной форме.

—Девушка, с Вами можно познакомиться?"—спросил он.

Она подняла голову от книги и посмотрела на него. Он сразу ей понравился, у него были очень добрые глаза. Они познакомились, его звали Максим. Рассказал, что отслужил в армии и возвращается домой, за разговорами время пролетело незаметно. В городе он спросил, где она живет? Она назвала адрес своего общежития. Варька в этом году окончила кооперативный техникум и работала бухгалтером в строительном тресте, думает учиться дальше. Через два дня он встретил ее после работы. Они стали встречаться. Максим нравился ей все больше, потом она поняла, что любит его.

—Варь, ты где?—Ленка заглянула ей в лицо.— Ты где, под- руга?

Варька очнулась, рассмеялась, вскочила и побежала к воде. Вода была теплой и приятно ласкала тело —Лена, иди сюда!"—крикнула она.

Подруга осторожно вошла в воду, легла и поплыла к ней. После купания они немного обсохли и вернулись домой. Вечером сходили в кино, потом сидели на лавочке и слушали музыку, что доносилась от Дома культуры, молодежь танцевала. На другой день она помогала матери в огороде, они пропололи грядки и окучили картошку. Ночью прошел сильный ливень. Мать довольная сказала:

—Слава Богу, нынче будем с картошкой. Лишнюю продадим и справим тебе новое пальтишко к зиме.

Неделя пролетела незаметно, и Варьке надо было возвращаться в город. Когда сошла с электрички, увидела Максима, удивленно спросила:

—А ты что здесь делаешь?

Он засмеялся:

—Тебя встречаю!

Взял её сумки, и они пошли к остановке.

В общежитии было тихо, в комнате никого не было, девчонки тоже уехали. Максим уткнулся лицом в ее волосы, обнял, потом повернул к себе и поцеловал. Она посмотрела ему в глаза и ответила на поцелуй. Он стал целовать ее лицо, шею, что-то шептал. Сопrotивляться ему не было ни сил, ни желания. Максим подхватил ее на руки и положил на постель. Утром проснулась первой, посмотрела на спящего Максима. «Что же мы наделали? —крутилась мысль в голове.—Что теперь будет?» Он, почувствовав её взгляд, открыл глаза и улыбнулся, притянул к себе и начал целовать. Варька, взглянув на часы, вскрикнула:

—Боже, опаздываю на работу!

Они вскочили, забегали, одевались на ходу, выскочили из общежития. На остановке Максим поцеловал её, и она поехала на работу. Следующие выходные провели вместе. Днем загорали и купались на городском пруду, а вечером ходили на танцплощадку в парк. Прошло время. Варька домой не ездила, боялась, что мать все поймет по глазам. Однажды, собираясь утром на работу, пили с девчонками чай. Вдруг она почувствовала себя нехорошо, ее затошнило. Она выскочила из-за стола, в туалете её вырвало. Девчонки удивленно переглянулись. Девушка поняла, что беременна. Вечером, когда пришел Максим, она, краснея и смущаясь, сказала ему правду.

—Максимушка, что же делать?—спросила его и затаила дыхание. Он схватил ее на руки, стал носить на руках, приговаривая:

—Спасибо, звездочка моя ясная!

На другой день они подали заявление в ЗАГС. В воскресенье Максим пригласил её к себе. Варька очень волновалась, за столом чувствовала себя неловко, но постепенно успокоилась, разговорились. Ей понравились родители Максима, они работали на машиностроительном заводе. В следующий выходной поехали к ней, в село. Матери Максим сразу понравился, она радовалась за дочь. Хлопотала, собрала на стол. Смотрела на них и думала, что, может, дочке повезет в жизни, и она будет счастлива. Свадьба была скромной, были только самые близкие. После свадьбы молодые стали жить отдельно, в однокомнатной квартире, что подарили Максиму его родители. Варька чувствовала, что она не очень нравится им, они мечтали о лучшей партии для сына. Ещё на свадьбе она обратила внимание на красивую девушку, которая не сводила глаз с Максима.

—Максик, кто эта девушка, она так печально смотрит на тебя — спросила она.

Он обнял Варьку и ответил:

—Это Вероника, дочь друзей моих родителей,—и шутливо добавил.—Была назначена мне в невесты.

У Варьки неприятно кольнуло в сердце, но она отогнала от себя это ощущение. И началась у Варьки новая жизнь, она не могла нарадоваться своему счастью. Все было хорошо, они любили друг друга, беременность протекала без осложнений. Весной родился Вовка, их счастьем не было предела, все свободное время они посвящали сыну.

Прошел год. Варька вышла на работу, Вовку отдали в ясли. Максим работал и учился, он очень изменился. Она уже не видела радости в его глазах, стал молчалив. Часто стал задерживаться, приходил поздно, когда она уже была в постели, а однажды не пришел ночевать домой. Варька переживала, она чувствовала, что между ней и ним встала другая женщина, и решила поговорить. Вечером, поставив ему ужин, она села напротив и спросила:

—Максим, что происходит? Ты где-то задерживаешься вечерами, вот совсем не пришел домой, что это значит? Он резко бросил вилку на стол, встал и сказал:

—А это значит, что я ухожу совсем. Я не люблю тебя, и наш брак оказался ошибкой.

Он схватил куртку и хлопнул дверью. Варька вздрогнула, потом заплакала. Ночью Максим не пришел. Она всю ночь проплакала, а утром позвонила на работу и попросила отгулы. Собрала вещи, вызвала такси и поехала на вокзал. В дороге Вовка капризничал, плакал, с горем пополам доехали. Мать сразу все поняла, когда она с Вовкой и с сумками вошла в дом, ей повезло, на станции встретился сосед, он их довез. Все дни Варька была в ожидании, ей казалось, что Максим просто погорячился, одумается и придет, но чуда не произошло. Ей надо было ехать, пора было выходить на работу. Вовку мать не отдала, сказала, что ему с ней будет лучше, да Варька это и сама понимала. Каким-то образом на работе уже все всё знали, смотрели на неё с жалостью. Она

сходила в местком и попросила комнату в общежитии, ей дали направление. После работы получила ключи от комнаты. Прошла неделя, Максим не появлялся, даже не звонил, зато ей принесли повестку в суд, он подал на развод. Варька ничего не могла понять. Разрушить все вот так, без объяснений, убить ее любовь, как он мог? На суде она молчала, один раз взглянула на него, дала согласие и вернулась домой. Ночь она проплакала, а утром это была уже другая женщина. В июле она поступила в институт на заочное отделение, решила стать экономистом. Время шло. Она работала и училась, по выходным ездила в село к сынишке. Вовка рос смышленным, очень был похож на Максима, за все время он один раз брал сына к себе. Он женился на Веронике, недавно у них родилась дочь.

А время бежит и жизнь идет. Варька защитила диплом, Вовка пошел в школу. Жили они в городе, ей дали однокомнатную квартиру, все было хорошо. Беда подкралась неожиданно. Внезапно умерла мама, они окучивали картошку, внезапно мать охнула и упала. Варька кинулась к ней, стала звать ее, но мать лежала с белым, без единой кровиночки, лицом. Когда приехала скорая, мать уже умерла. Тяжело она перенесла смерть матери, но жить надо дальше. На работе её повысили, она стала главным экономистом. Вовка радовал успехами в школе, учеба ему давалась легко. Вроде все хорошо у нее было, только вот сердце оставалась пустым и холодным. Конечно, были мужчины в ее жизни, но вот сердце не подавало сигнала, что это ее человек. В четверг ей пришлось задержаться на работе, дописывала квартальный отчет. Вышла из управления, а на улице ливень, ветер с ног сбивает просто. Она раскрыла зонтик и направилась к остановке. Ей надо было перейти на другую сторону улицы, и только она ступила на дорогу, как мимо пронеслась машина, окатив её холодной водой с головы до ног. Варька ругнулась и застыла в растерянности. «Ну вот почему мне так не везет?» – подумала она. Машина вдруг резко затормозила и стала тихо сдавать назад. Поравнявшись с ней, остановилась, боковое стекло опустилось. Она увидела, что за рулем сидит мужчина её лет, элегантно одетый. Он выглянул в окно и посмотрел на мокрую Варьку.

–Девушка,– сказал он смущенно,– извините меня, пожалуйста. Я не заметил Вас, такой ливень идет.

Варька сердито глянула на него и буркнула:

–Ладно, езжайте дальше.

Мужчина помолчал и предложил:

–А давайте я Вас довезу до дома?

Он открыл переднюю дверцу, и она, подумав, села рядом с ним. В машине было тепло и уютно, играла приятная музыка. Варька достала из сумочки зеркальце, посмотрела в него и платочком вытерла потекшую тушь. Мужчина поинтересовался:

–Скажите, по какому адресу Вас отвезти?

Она назвала . Когда подъехали к дому, дождь уже закончился. Варька поблагодарила водителя и вышла. Дома, стоя под теплым душем, подумала:

«Какой приятный мужчина. Интересно, кто он?» Голос сына вернул ее в действительность.

—Мам, у нас в среду родительское собрание, в шесть часов вечера,— сказал он через дверь.

Я слышу— ответила она, надевая халат.

Варька вышла из ванной и посмотрела на сына. Он так был похож на своего отца. Та же внешность, привычки, характер. Она подошла, пригладила вихор на затылке и улыбнулась. Они с сыном так понимали друг друга. Вовка учился хорошо, был любознательный, увлекался футболом. На другой день, после работы, в коридоре её остановила старший бухгалтер Нина Васильевна, они были подругами уже много лет.

—Варя! Подожди,—сказала она,—приезжайте с Вовкой в выходной к нам на дачу. Что сидеть в городе?

Варя кивнула головой и ответила:

—А, наверно, и правда махнем-ка мы на природу!—и добавила.—Что-то так хочется развяться.

Она улыбнулась подруге, и они вышли на улицу. Варька застыла от неожиданности. Почти у входа стояла машина, из нее вышел вчерашний незнакомец, в руках у него был букет цветов. Она остановилась, подруга глянула на неё, потом на мужчину, буркнула:

—Ну я пойду. Так мы ждем вас.

Варька спустилась, мужчина подошел к ней, протянул цветы и проговорил смущенно:

—Здравствуйте, Варя!

У нее промелькнуло в голове: «Откуда он знает мое имя? Вчера я ему его не называла».

Словно прочитав ее мысли, он сказал, что имя её узнал по своим каналам, и рассмеялся. Он назвал себя. Его звали Борис. Предложил подвезти ее до дома. В голове снова пронеслась мысль: «А почему бы и нет?»

Она решительно села в машину. Борис закрыл за ней дверцу и сел за руль, включил радио, в салоне раздалась песня «Нежность» в исполнении Кристалинской. Ехали молча, остановились возле какого-то кафе. На её удивленный взгляд Борис сказал:

—Давайте зайдем, посидим?

Она согласно кивнула. В кафе было тихо, людей почти не было. Заказал для них две чашечки кофе. Несколько минут прошло в молчании, потом он заговорил:

—Простите меня, Варя, может за женщинами не так ухаживают, я давно этого не делал. Понимаете, как-то не везет мне в жизни с женщинами. Первая жена ушла от меня после двух лет совместной жизни, от второй я сам ушел. Три года живу один, избегаю серьезных отношений. Увидев Вас вчера, такую беззащитную, я понял, что мне нужна именно такая женщина. Скажу откровенно, Вы мне сразу понравились. Но я Вас не тороплю, узнайте меня, может, и я Вам понравлюсь?

Она слушала его, не перебивая. Впервые, после развода с Максимом, ей приятно было в компании мужчины. Он так нежно смотрел на нее, что ей стало не по себе.

—Хорошо,—сказала она,— давайте попробуем. Для начала, я приглашаю Вас завтра к моей подруге на дачу. Там будет приятная компания, кстати, познакомьтесь с моим сыном.

Он допил кофе и ответил:

—С удовольствием, Варя, поеду с вами.

Довез ее до дома, договорились, что завтра в одиннадцать он заедет за ними. Дома ее ждал Вовка, она сказала, что завтра они едут на дачу к тете Нине.

"Ура!—закричал сын и забегал по комнате,—Ура! На дачу!

Варька громко рассмеялась. Утром зазвонил дверной звонок, она открыла, перед ней стоял Борис, они с Вовкой были уже готовы. Мальчик серьезно глянул на протянутую руку Бориса, подал свою и покраснел, Они познакомились. По дороге она попросила остановиться возле какого-нибудь магазина, надо докупить кое-что. Борис сказал, что купил уже все необходимое. Вовка устроился довольный на заднем сидении, смотрел в окно. Варя сидела рядом с Борисом, часто ловила его взгляд и улыбку. Через час они были на месте. Нина радостно встретила их, смотрела на Варьку и хитро улыбалась. Бориса представили всей компании. Был муж Нины, брат ее с женой и родители. Мужчины приняли Бориса в свой коллектив. Они пошли к мангалу и шашлыкам. Женщины занялись столом, сидеть решили на улице, еще было тепло, Мальчишки гоняли мяч, у Нины было два сына, погодки: Юрка и Сережка.

За столом было шумно и весело. Варька с удивлением смотрела на Бориса. Он вел себя так, словно вырос в этой компании, видно было, что ему приятно быть здесь, среди этих людей. После шашлыков на столе появился пузатый самовар. Все стали пить чай и снова много говорили. Мужчины громко спорили о политике, доказывая друг другу, каждый свое. Женщины вели тихую беседу, о своем, о бабьем.

—Варь,— сказала Нина,— не упусти мужика. Сразу видно, что хороший человек. Хватит уже мыкаться, ты, как никто, достойна счастья.

Варька вздохнула и тихо сказала:

—Права ты, моя подружка. Самой уже надоело быть одной, ловить эти минуты счастья. Так хочется, чтобы счастье мое со мной в доме жило.

Домой возвращались уже поздно, Вовка уже спал. Борис занес его на руках и положил на постель. Потом они сидели на кухне, пили кофе и говорили. Она рассказала ему о себе. Выслушав ее, он сказал:

—Варь, а давай жить вместе? Переедете ко мне, у меня большая квартира. У Вовки будет своя комната. Я работаю главным инженером на заводе, все будет хорошо. Я никогда не обижу тебя.

Она сказала, что ей надо подумать, он улыбнулся и дал время до утра. Они попрощались, и он уехал. А она не спала почти всю ночь, все думала, как поступить. Видно, что он добрый. Она сможет его полюбить, он уже ей нравится. Да и Вовке нужен отец, нельзя мальчишке одному расти. Решение созрело, что пора изменить свою жизнь. Утром он позвонил, она дала согласие. Борис

приехал, лицо его светилось от радости, быстро собрали необходимые вещи, закрыли квартиру. Вовка был на седьмом небе от счастья, что у него есть своя комната, он бегал по квартире и счастливо смеялся. Почти весь день Варька знакомилась с квартирой, готовила обед. Обедали вместе, потом вышли гулять в парк, ели мороженое. Вечером после ужина Вовка ушел в свою комнату, они остались вдвоем. Борис был очень нежным и ласковым с ней. Варька, наконец, поняла, что для счастья не так уж и много надо. Просто чтобы тебя любили. Утром Борис завез её на работу, Вовку повез в школу. Она вошла в кабинет и сразу поняла, что всем всё известно, женщины смотрели на нее с улыбками. Она стремительно вышла и зашла в кабинет подруги.

—Колись, подруга,—проворчала она,— твоя работа?

Нина замялась:

—Прости, дорогая, сказала одной, а узнали все,—потом подошла к ней.— Счастья тебе, родная моя. Я так рада за тебя, ты даже не представляешь, как.

Они засмеялись. Вот так Варька нашла свое счастье. Они с Борисом расписались. Борис оказался хорошим мужем ей и прекрасным отцом Вовке. Однажды в магазине она столкнулась с Максимом. Он взглянул на её счастливое лицо и спросил про Вовку. Она сказала, что он живет прекрасно, что у него хороший, любящий отец. Максим улыбнулся как-то натянуто, вид у него был какой-то жалкий. Варька поняла, что нет у него счастья, но в этом её вины нет. Она расплатилась на кассе и вышла из магазина. Походка у нее была уверенной и счастливой женщины,

Две матери

—До завтра,—сказала Таня подруге.—Не опаздывай, как сегодня.

—Сама не знаю, как получилось. Почему-то будильник не зазвонил,— ответила Соня.

Девочки учились в девятом классе в одной из лучших школ города. Подруги еще немного постояли и разошлись. Таня свернула на аллею, через сквер она всегда возвращалась домой. Было прохладно и в сквере никого не было, только на одной скамье сидела женщина. Увидев Таню, она вся напряглась и встала. «Снова эта женщина,—подумала девочка.—И чего она за мной следит?» Она посмотрела на нее. На вид ей лет сорок, она была какая-то странная. Лицо припухшее, как это бывает у больных или пьющих людей. Из-под старенькой шапочки выглядывала жиденькая темная челка. На ней был надет оранжевый, явно с чужого плеча, плащ, на ногах растоптанные ботинки. Таня брезгливо поморщилась и хотела пройти мимо, но она, неожиданно, назвала ее имя. Девочка остановилась, незнакомка жестом пригласила ее присесть. Оглядываясь по сторонам, не видит ли кто, она присела на скамью. Женщина молча сидела и смотрела на нее. Не выдержав, Таня спросила:

—Откуда Вы меня знаете?

—Я все о тебе знаю,— волнуясь, ответила незнакомка. Таня начала нервничать, в душе ругая себя, что согласилась присесть. Женщина была ей неприятна.

—Говорите, что Вы хотите от меня?—не выдержав, сказала она.—Мне пора идти. Та, вместо ответа, как-то странно посмотрела на нее.

—Меня зовут Люба, Любовь Степановна,—ответила ей, немного помолчав, добавила.—Я твоя мама.

Таня ужаснулась от этих слов, вскочила со скамьи.

—Вы ненормальная,—крикнула она и побежала прочь по аллее.

—Доченька,—тихо сказала Люба со слезами на глазах.—Доченька моя.

Она снова устало присела на скамью, достала из кармана пачку сигарет, задумалась. Нет, никогда дочь не простит ее. Дети не прощают, когда их бросают. Достала сигарету, щелкнула зажигалкой, затянулась. «А девочка с характером,—улыбнулась она.—Красивая, вся такая ухоженная».

Люба оглядела себя, тяжело вздохнула, а ведь могло быть все иначе, будь у нее настоящая семья. Что она видела в жизни? Да, были у нее папа и мама, был дом. Все рухнуло в один момент. Тогда все рухнуло не только у них. Перестройка. Завод, где работал отец, закрыли. Людей просто выбросили на улицу. Работу отец не мог найти, перебивались его случайными заработками и на зарплату матери, она работала медсестрой в детской больнице. Отец стал часто приходить пьяный домой, что-то бурчал и падал замертво. Люба тогда училась в восьмом классе. Была живой и общительной девочкой, у нее было много друзей. Потом отец совсем перестал ходить на работу, его часто видели среди бомжей. Мать ругалась сначала очень сильно, потом просто плакала. Жить становилось все тяжелей. Любе очень жалко было мать и себя, она замкнулась в себе. Однажды мать была в ночную смену, а отец, как всегда, еле пришел домой и не один. С ним был

какой-то здоровый верзила, молодой парень. Он так посмотрел на нее, что у Любы все похолодело внутри. Они прошли на кухню, на столе появилась бутылка водки, а она ушла к себе. Сделав уроки, выключила лампу и прилегла, укрывшись пледом. За стеной долго громко говорили, пели, потом все стихло. Люба задремала, но вдруг почувствовала, как на нее навалилось что-то тяжелое. Она попыталась закричать, но ей закрыли рот рукой. Девочка долго сопротивлялась, слезы текли по ее щекам, но верзила был сильнее ее. Долго, грубо и безжалостно, насиловал ее, от ужаса и боли, она потеряла сознание. Когда она пришла в себя, в комнате никого не было. Люба вышла на кухню, отец спал за столом. Утром, когда мать пришла с работы, она рассказала ей все. Мать в гневе кинулась на кухню. Отец уже проснулся и искал чем бы похмелиться. Увидев жену, сказал:

—Сходи в магазин, принеси чего-нибудь. Он хотел присесть, но жена закричала на него.—Тебя убить мало, ирод проклятый, сколько можно так жить? Ты что с ребенком сделал?

Она заплакала, а он смотрел на нее, видимо, не мог понять, в чем дело.

—Что ты орешь?—наконец выдал из себя.—Не ори, лучше беги в магазин, я ждать не умею. И чего я сделал с Любкой?

—Кого ты вчера привел в дом? Животное, зверь какой-то, девчонку насильничал, ты, где ирод был?

До отца, видимо, стало доходить, он присел на табурет. Рот его открывался и закрывался беззвучно, наконец, он смог сказать.

—Кто? Ромка насильничал Любку? Да не может этого быть, она наговаривает, сама наверно полезла к нему, парень-то красавец, бабло имеется у него.

—Папа, ты, что такое говоришь,—заплакала Люба и выбежала из кухни. Мать сильно ударила его, он пошатнулся и упал.

—Люба, дочка, сходи за хлебом, я пока завтрак приготовлю,—громко сказала мать, потом обратилась к мужу.—Чего там развалился? Вставай.

В ответ тишина, она обошла стол, наклонилась и закричала:

—Степан, Степушка, что же я наделала?

Люба, услышав крик матери, вбежала на кухню. Мать плакала, а отец лежал на полу, из его головы текла ручейком кровь. Девушка все поняла, видимо, падая, он ударился головой о батарею.

—Доченька, вызови скорую,—попросила мать.—Давай бегом.

Она кинулась в прихожую, набрала номер и вызвала скорую помощь. Помочь отцу уже никто не мог, удар оказался смертельным. В доме появилась милиция. Люба смутно помнит все, что происходило в доме, мать увезли. За убийство по неосторожности матери дали три года, Люба стала жить с бабушкой. Продолжала ходить в школу, однажды на уроке ей стало плохо. Учительница отвела ее в медпункт, где медсестра измерила ей температуру, задавала много вопросов.

—Люба, у тебя мальчик есть?—спросила она. Девочка отрицательно покачала головой, но медсестра внимательно посмотрела на нее.

—Ты что-то скрываешь от меня?—снова спросила и добавила.— Скажи мне правду. Ты спала с мальчиком? Люба, ничего не понимая, заплакала, а медсестра сказала:

—По всем признакам, девочка моя, ты беременна. Тогда, не переставая плакать, она рассказала все. Выслушав ее внимательно, в душе очень жалея этого ребенка, погладив ее по голове, медсестра сказала:

—Ты сейчас иди домой, учительнице скажи, что я тебя отправляю, а завтра пусть бабушка придет ко мне, хорошо?

Люба вышла, взяла в классе сумку и пошла домой. На другой день бабушка пришла в школу, ее встретила классная руководительница и они прошли в медкабинет. Медсестра предложила присесть, спросила, как зовут, помолчала немного.

—Варвара Леонидовна,—обратилась к ней,—Люба с Вами живет?

—Ну да, со мной, мать ее, невестку мою, посадили, а Любашу мне под опеку отдали,—она растерянно посмотрела на них.—Да что случилось то? Внучка пришла вчера из школы и сказала, что меня хотите видеть.

—Понимаете, девочка беременна,—ответила медсестра.— Вам надо сводить ее в больницу, для уточнения. Бабушка сидела и смотрела широко открытыми глазами.

—Как беременна? Она же еще дите, ей только пятнадцать лет. Господи, что же делать то мне теперь? Кто же это мог сотворить с ней?

—Люба сказала, что ее изнасиловал какой-то Рома. Я удивляюсь, почему родители не заявили в милицию?

—Понимаете, если все окажется правда, девочка не может тогда продолжать учебу в школе,—включилась в разговор учительница.

Люба очнулась от воспоминаний, огляделась по сторонам, встала со скамьи и направилась к выходу из сквера.

Таня не слышала, как пришла мать с работы, она сидела в наушниках и слушала музыку. Очнулась, когда с нее сняли наушники, повернула голову и увидела недовольное лицо матери.

—Таня, когда это все прекратится?

—Что?—спокойно спросила она.

—Вот это,—мать показала на беспорядок в комнате.—Все разбросано, сама не переоделась, посуда не помыта. У тебя совесть есть?

—Ой, да ладно, чего бурю в стакане устраиваешь, мама. Комната моя и меня все устраивает, а посуду сейчас помою.

Хлопнув дверью, мать вышла из комнаты. Таня, хмыкнув, переоделась и вышла на кухню. Там уже, тоже переодевшись, хлопотала мать, скоро должен прийти с работы отец. Дочь и мать молча занимались своими делами: одна готовила ужин, другая мыла посуду. Наконец, не выдержав молчания, дочь обратилась к матери:

—Ну, не сердись, ну, правда, ничего ведь страшного не произошло. Ты лучше послушай, что случилось сегодня со мной. У меня до сих пор в голове крутится, что это за женщина была.

—Какая женщина?—спросила мать и с тревогой посмотрела на нее.

—Да понимаешь, я заметила еще несколько дней назад, что за мной следит какая-то женщина. Сначала я подумала, что мне показалось, но она действительно следила за мной. А сегодня в сквере она остановила меня, назвав по имени.

—Кто такая, как она выглядит?—снова спросила мать.

—Ужасно выглядит, неприятная такая, лет 40,а может и больше. Да, она сказала мне, что она моя мать и зовут ее Любовь Степановна. Нина Павловна, так звали мать, побледнела.

—Мама, что с тобой?—испугалась Таня. —Голова что-то закружилась,—ответила она.—Сейчас пройдет.

—Я тогда пойду к себе.

Таня, вытерла руки и ушла в свою комнату. Нина Павловна, отодвинув обед с плиты, присела за стол. «Люба объявилась,—подумала она.—А ведь обещала, что больше не появится в нашем городе. Теперь жди беды». Она вышла из-за стола, мысли лихорадочно крутились в голове. Нет, она не отдаст дочь. Танечка только их дочь. Они с мужем вырастили ее, других родителей у нее быть не может. Послышался щелчок замка, это муж пришел с работы.

—Почему меня никто не встречает?—раздался его бодрый и громкий голос. —Почему такая тишина?

Вошел в комнату, улыбнулся жене, поцеловал ее в щеку.

—Мы есть будем?—спросил он и направился в ванную. Пока мыл руки, Нина Павловна накрыла на стол, приоткрыла дверь в комнату дочери.

—Дочка, иди обедать. —Скорей ужинать,—ответила Таня, выходя к столу.— На часы смотрели? Уже шесть вечера. В спальне Нина решила рассказать мужу новости. Забрав у него пульт от телевизора, сказала:

—У нас неприятность.

—Что случилось?—спросил он, не отрывая взгляд от телевизора.

—Объявилась мать Тани.

Он приподнялся, посмотрел на нее.

—Снова преследует тебя? —спросил жену.—Ей снова нужны деньги?

—На этот раз она хочет дочь,—Нина Павловна заплакала.—Тема, она заберет Танечку.

—Не заберет, не волнуйся, спи спокойно, Таня сама уже вправе решать с кем ей жить. Ты ее мать, другой она не знает, так что, даже и не думай ни о чем.

Не спалось Нине Павловне в эту ночь. Да и как тут уснешь? Ее доченька, ее кровиночка в опасности. Мысли вернули ее на пятнадцать лет назад. Она тогда работала медсестрой в родильном отделении. Однажды в ее смену привезли роженицу, молодую, совсем еще девочку. Она благополучно родила дочку, которая была здоровенькой, закричала сразу. Утром Нину Павловну вызвали вниз, в приемную. Она спустилась, к ней подошла пожилая женщина.

—Здравствуйте,—сказала она.— Я бабушка Любы Игнатовой, мне бы хотелось с Вами поговорить.

Они зашли в кабинет, и женщина рассказала всю историю этой молодой мамы.

—Теперь Вы понимаете, что ребенок ей не нужен?—спросила Нину Павловну.
—Она сама ребенок, а мне не вытянуть, стара я уже.

—Хорошо, я поговорю с ней,—ответила Нина Павловна.
Люба из больницы ушла одна, вернее, с бабушкой. Как-то ночью Нина зашла в детскую палату, плакал ребенок.

Она подошла к кровати, это была оставленная девочка.

—Ну что ты плачешь?— тихо спросила малышку.— Мешаешь всем спать.
Девочка замолчала и посмотрела на нее, а у Нины так что-то сердце защемило. Еще года не прошло, как она потеряла ребенка. На пятом месяце беременности она зимой, в сильный гололед, упала, спускаясь со ступенек магазина. Врачи вынесли вердикт, детей иметь она не сможет. Не удержавшись, взяла девочку на руки и стала ходить по палате, вскоре малышка заснула. До утра она думала, как сказать мужу про девочку, как уговорить, чтобы согласился взять ребенка. На удивление, он, выслушав ее, согласился сразу. Нина так была благодарна ему и быстро занялась удочерением девочки. Ее оживление обрадовало Артема, он так любил ее, больно было видеть потухшие глаза жены. Так у них появилась дочь Таня, в которой они души не чаяли.

Утром, за завтраком, когда вся семья была в сборе, Нина Павловна обратилась к дочери:

—Танюша, эта женщина ожидает тебя в сквере?

—Да, сидит и ждет. Мама, я ее чего-то боюсь, она такая неприятная.
Мать погладила ее по голове, поцеловала.

—Все хорошо, не бойся ее, видимо, женщина больна. Таня улыбнулась, встала, поцеловала родителей.

—Я побежала, до вечера, я вас люблю,—весело сказала и хлопнула дверью.

—Я сегодня должна поговорить с ней,— сказала Нина Павловна мужу.—Я хочу знать, что ей надо от нашей семьи?

—Дочь она хочет свою,—ответил муж. —Она не получит ее, Таня наша дочь.

—Тебя подвезти на работу?—спросил он ее.

—Не надо, я на автобусе.

—Тогда я поехал, до вчера.

Нина убрала со стола и тоже поспешила на автобус. Люба сидела на своей скамье и смотрела на окна школы. Подруга, с которой они жили в ее доме, даже пошутила, когда она стала собираться.

—Ты уже как на работу ходишь в этот сквер. Кого ты там все ждешь?

—Не твое дело,—ответила Люба.

—Ну конечно, что не мое,—пьяно икнув, ответила подруга.—Иди, иди, может чего и высидишь.

Глядя, на хорошо одетых и куда-то спешащих людей, она снова ушла в прошлое. Школу пришлось бросить, сидела дома, бабка никуда не выпускала ее. Потом роды, она тогда чуть с ума не сошла от боли, ей казалось, что сейчас она сама взорвется и ничего не будет. Родилась девочка, которую ей даже не показали. Потом ее пригласили в кабинет врача и убедили написать отказ от ребенка. Она, тогда, еще своим детским умом не понимала, что подписала себе приговор.

Учиться стала в вечерней школе, кое-как окончила восемь классов. А потом? Потом началась новая жизнь. Богатенькие пузатенькие дяденьки, которые были добрые. Они покупали шоколад, они научили пить водку и плавать в бассейнах после жаркой парилки. Потом пришла мать из тюрьмы, это была уже другая женщина. Ловко опрокидывала стаканы с водкой, курила дешевые вонючие сигареты и сильно ругалась матом. Однажды, она спросила у матери, почему они не посадили Ромку за ее изнасилование. Мать ответила, что пожалели ее, не хотели славы плохой. Бабушка, видимо, не выдержав такой жизни, вскоре умерла. Недолго прожила и мать. Дальше и вспоминать-то нечего. Не жизнь – угар, пьяный угар. Вот сейчас ей тридцать лет, а кто ей даст ее возраст? Детей у нее почему-то больше не было. Видимо Бог так рассудил, она не в обиде. Про дочь свою стала вспоминать, какая-то тоска проходила по сердцу, когда видела детей. Однажды, проходя мимо школы, увидела двух стоящих девочек, которые тоже окинули ее взглядом и засмеялись. А она, пройдя их, остановилась и еще раз посмотрела на одну из них, они встретились глазами. Сердце ее зашлось, она увидела себя молодую. Стала приходить в сквер и следить за девочкой, узнала, как ее зовут. Люба не сомневалась, что это ее дочь, Так она сидела в сквере, копаясь в своей памяти. Нину Павловну она заметила, когда та уже присела рядом на скамью.

–Здравствуй, Люба, – тихо сказала Нина. – Что ты делаешь возле школы?

–А, это ты, здравствуй, узнала?

–Я спрашиваю тебя, что ты делаешь здесь? Зачем ты напугала мою дочь.

–Твою дочь? – Люба криво усмехнулась. – А ты ничего не перепутала?

Это моя дочь, поняла, моя.

–Люба, вспомни наш разговор много лет назад, – спокойно обратилась к ней Нина Павловна. – Мы с тобой тогда поняли друг друга и договорились, что ты никогда не будешь искать встречи с дочерью, ты обещала. Таня не знает, что она приемная дочь. Девочка растет в любви, она считает нас своими родителями. Ты вторгаешься в ее счастливую жизнь, хочешь сломать ее.

Люба так посмотрела на нее, что Нине стало страшно при мысли, что у нее могут забрать дочь. Внутри у нее стоял комок, сердце холодело. Ведь она воспитала Таню, это ее доченька, даже знакомые все говорят, что они очень похожи.

–Я молодая была, глупая, – тихо сказала Люба. – А теперь я хочу свою дочь. Я всем скажу, что вы ее обманом у меня забрали.

–Я вижу, ты меня не слышишь, – не выдержала Нина, – запомни, дочь я тебе не отдам и ломать ее душу тоже не дам. Таня – моя дочь, повторяю еще раз.

Она встала и направилась к школе, в дверях которой показались дети, закончились занятия.

–Мама? – к ней подбежала Таня. – Ты почему здесь?

–Да вот, мимо проходила, дела были. Она обняла дочь, и они пошли рядом.

Таня оглянулась, женщина сидела на скамье и смотрела им вслед.

–Мама, это она, – сказала девочка.

–Кто, доченька?

—Ну, женщина та, она смотрит на нас.

Нина Павловна прижала к себе дочку, чмокнула ее и засмеялась.

—Видимо, заметила какая ты красавица, вот и смотрит.

—Каждый день смотрит,—пробурчала тихо Таня.

—Так на красивое всегда хочется смотреть, ласточка моя.

Они вышли из парка.

—Ну, теперь беги домой, а мне надо зайти на работу,— сказала она Тане.

Девочка пошла дальше. Нина Павловна смотрела ей вслед, с лица исчезла улыбка, и оно стало снова озабоченным. На работе, сидя в кабинете, она дала волю слезам. Кто-то тихо постучал в дверь, она вытерла слезы и повернула ключ. Вошла дежурная медсестра Вера, они дружили много лет.

—Нина, что с тобой?— спросила она.—Ты какая-то не своя сегодня пришла, потом ушла куда-то, а теперь вот плачешь.

Они присели на маленький диванчик. Нина Павловна тяжело вздохнула.

—Вера, Люба преследует Таню.

—Какая Люба?— не поняла Вера.

—Ну Люба, она хочет забрать свою дочь.

Вера, наконец, поняла, о чем речь.

—Откуда ты знаешь?— спросила она подругу.— Ты видела ее?

—Да, сегодня я встречалась с ней. А вчера она остановила Таню и сказала ей, что она ее мать.

Девочка испугалась очень.

—Вот тварь,— не удержалась Вера.— Слушай, а может она снова денег хочет? Зря вы тогда с Артемом не взяли расписку с нее.

—Какая расписка, Вера? — с горечью сказала Нина Павловна.— Танечке тогда было четыре года, она так болела, что нам некогда было с Любой говорить. Артем дал ей денег, она сказала, что ей необходимо уехать из города. Одиннадцать лет не было ничего слышно о ней, и вот, на тебе, явилась.

Вера внимательно посмотрела на подругу. Она, как никто, знала, что значит Таня в жизни Нины. Всю себя, свою любовь, она отдавала дочке. Радовалась каждому новому зубику, первым шагам, а как она плакала от счастья, когда девочка сказала свое первое слово "мама". Не каждая родная мать так любит своего ребенка.

Люба видела, как девочка кинулась к Нине Павловне, как они обнялись и, весело о чем-то говоря, пошли. Слезы зависти показались у нее на глазах, нагнув голову, торопливым шагом, она направилась в противоположную сторону. Придя домой, не раздеваясь, упала на постель и зашлась слезами. Ничего не понимая, подруга молча смотрела на нее.

—Люба, ты чего? Что случилось?

Она никогда не видела, чтобы Любка плакала. Даже однажды, когда ее избил очередной сожитель, она, вытирая кровь, только ругалась. Наконец, наплакавшись, Люба встала, сняла плащ, умылась и присела за стол.

—Чем кормить будешь?

Та вскочила и, улыбаясь беззубым ртом, засуетилась, собирая на стол. Через мгновение на нем уже дымилась горячая картошка, в железной миске стояли соленые огурцы, хлеб и, конечно, бутылка водки и два стакана. Выпив и хорошо закусив, подруги разговорились.

—Вот что ты ревела, как белуга? Скажи мне,—спросила Любу подруга.—Куда ты ходишь?

—К дочери хожу,—подумав, ответила она.

—Иди ты,—удивилась та.—К какой такой дочери? Что-то я не слышала, чтобы у тебя была дочь,

—А что ты знаешь обо мне?—с болью в голосе, спросила Люба.—Что ты можешь знать?

Она встала и, слегка пошатываясь, пошла к постели, упала на нее и затихла. Подруга долго еще сидела за столом, разговаривая сама с собой, наконец, сон сморил и ее.

Артем, придя с работы, поставил на стол коробку с тортом.

—Девочки,—громко сказал он.—Я принес торт, у нас сегодня сладкий стол.

—Ура!—с криком выскочила из своей комнаты Таня, увидела коробку и добавила,—мама, твой любимый, "Киевский".

Нина Павловна вышла из спальни, подошла к мужу, поцеловала его и улыбнулась.

—Мойте руки и к столу.

На кухне накрывала на стол, улыбалась, слыша, как из ванной доносились голоса. Отец и дочь мыли руки, что-то весело обсуждая.

—Я есть не хочу, буду только чай с тортиком,—сказала Таня.

—Надо поесть, дочка,—ответил Артем.—Смотри, какая худая стала.

—Нормальная ты, доченька,—с улыбкой сказала Нина Павловна, когда Таня посмотрела на нее.

—Я видела сегодня Любу,—сказала она мужу, когда они остались вдвоем.—Она очень изменилась, Артем, такую ее нельзя подпускать и близко к Танечке.

Артем положил программу передач на столик и посмотрел на жену.

—Что ты имеешь ввиду?

—Я говорила с ней, она сказала, что все равно заберет у нас свою дочь. Говорит, что мы обманом забрали у нее ребенка. Может дать ей денег? Может она тогда оставит нас?

—Нет, Нина, это не выход. Она уже не испуганная девочка, она теперь взрослая женщина. Дав ей деньги, мы сделаем хуже, мы привяжем ее к своей семье, она не отстанет.

Они не заметили, что в дверях тихо стоит Таня, а по ее лицу текут слезы. Не выдержав, она бросилась к ним с криком:

—Не отдавайте меня этой тетке, мамочка, папочка, я не хочу к ней.

Нина Павловна испугалась и кинулась за лекарством, у дочери началась истерика, она продолжала громко плакать и умолять их:

—Не отдавайте, я буду слушаться. Мама, я посуду буду мыть, я в комнате наведу порядок.

Артем отнес ее в комнату, положил на постель, присел рядом. Нина Павловна с трудом успокоила ее, заставив принять успокоительное. Они сидели рядом с дочкой, пока она не заснула, но и во сне девочка что-то шептала и всхлипывала. В своей спальне, уже лежа в постели, он сказал

—Я сам поговорю с Любой.

Утром в квартире стояла тишина, завтрак уже стоял на столе. Нина Павловна хотела идти в комнату дочери, как открылась дверь, и Таня вышла. Она была бледна, реснички были влажными, видимо, она снова плакала. Молча подошла к столу, присела на стул. У Нины Павловны сердце сжалось от жалости к ней. Она подошла, обняла и прижала ее к себе.

—Ты моя, доченька, я тебя никому не отдам, даже под страхом смерти. Мы с папой любим тебя, ты для нас дороже всех сокровищ на свете.

Закончив завтрак, Таня взяла сумку и ушла. Нина Павловна, стоя у окна, видела, как она перешла дорогу, на той стороне оглянулась и помахала ей рукой. Ее очень беспокоило, как девочка сможет пережить душевное расстройство, вызванное появлением чужой женщины, называющей себя ее матерью.

—Господи, как все было хорошо,—подумала она.—И откуда она взялась на нашу голову?

Посмотрела на часы и стала собираться на работу. Классная руководительница заметила удрученное состояние девочки. Отличница, из хорошей семьи, очень активная, а сегодня сидит на уроке, повернув голову в окно и о чем-то думает. На перемене подозвала девочку к себе.

—Таня, у тебя что-то случилось?—спросила ученицу свою.

—Нет, Людмила Васильевна, ничего не случилось.

Они стояли в коридоре у окна, из которого был виден сквер. На скамье, как всегда, сидела женщина в оранжевом плаще. Девочка посмотрела на учительницу и повторила:

—Ничего не случилось.

Потом зашла в класс, схватила сумку и тут же выбежала в раздевалке, сдернув куртку, выскочила на улицу и быстрым шагом направилась в сквер. Женщина заметила ее и встала ей навстречу. Таня подошла к ней, она тяжело дышала, по лицу текли слезы.

—Как Вы посмели, как могли?—она очень волновалась.—У меня одна мама, понимаете, одна, я ее очень люблю. Мне не надо никакой другой.

Девочка плакала, говорила сбивчиво. Люба стояла бледная, бескровными губами тихо шептала:

—Доченька, доченька моя,

—Никакая я Вам не доченька,—крикнула Таня,—Не смейте так меня называть. Я Вас ненавижу!

Она развернулась и побежала по аллее. Люба стояла молча, она испытала шок. Присела на скамью и только тогда выдохнула, и заплакала. Дома, сидя за столом, она, со слезами на глазах, рассказала все подруге. Как всегда, слегка пьяненькая, подруга, посмотрела на нее, покачала головой.

—А что ты хотела?—сказала она, размахивая соленым огурцом, надетым на вилку.—Ты ворвалась в семью, воспитавшую твою дочь, где ее любят. Живет себе ребенок, купается в счастье, и на тебе, появляется чужая тетка и предъявляет права на этого ребенка. Ты разрушила счастье семьи. Да случись с моей семьей такое, то я убила бы тебя просто, клянусь.

—Вот, вот, правильно говорите, мадам,— сказал Артем, входя в комнату.—Извините, у вас там открыто, я и вошел.

—Вы кто?—спросила Люба.

—Я отец Тани,—приехал поговорить с Вами.

—Я не узнала Вас,—ответила Люба.

—Я Вас, голубушка, тоже не узнал бы, встретив на улице,—огляделся, нашел стул, придвинул к себе и присел.—Я хочу поговорить. Помнится, много лет назад, взяв деньги, Вы обещали, что никогда не потревожите нас. Почему не исполнили обещанное?

—Я так скучаю по дочери,—тихо ответила она.

—По какой дочери?—снова задал вопрос гость.

—Вы же в глаза ее не видели, не кормили, не переживали, когда она болела. Всем этим занималась моя жена, настоящая мать Тани. Подруга, враз, протрезвевшая, испуганно смотрела на мужчину.

—Денег снова захотела?—он перешел на «ты».—Нет, милая, не получишь ничего. Потому что нет у тебя никакой дочери. Нет, и не было. Никому и ничего ты сейчас не докажешь. А если попытаешься еще раз ломиться в нашу семью, то я тебя,—он внимательно посмотрел на нее.—Я убью тебя.

Люба вздрогнула от этих слов, вся сжалась. По его виду поняла, что он не шутит, он убьет. Подруга со страхом смотрела то на него, то на нее. Наконец, не выдержав, сказала:

—Она не будет, она правда не будет,—перевела взгляд на подругу.—Любка, скажи ему, что не будешь. Ведь не будешь? Чего молчишь?

Люба расстегнула верхнюю пуговицу, старенькой кофточки, словно она мешала ей дышать. Артем смотрел на этих женщин, стало страшно от мысли, какая жизнь была бы у Танюшки, если бы ее оставили с матерью.

—Ты, мужчина, иди домой,—снова сказала подруга.—Не будет Любка вам мешать. Живите спокойно.

Артем направился к двери, потом вернулся, подошел к Любе, посмотрел мгновение.

—Ты же молодая женщина, красивая, дочка похожа на тебя. Возьми себя в руки, ведь ты можешь начать все сначала. Надо только захотеть. Хочешь ребенка? —он помолчал, потом добавил.—Таня никогда тебя не признает матерью. Родить можешь, ребенок будет твоим, будет любить тебя. Подумай над моими словами. Он вышел, а в комнате нависла тишина.

—Умный мужик,—наливая в стаканы, снова сказала подруга. Люба вскочила, смахнула все со стола, зазвенела разбитая посуда.

—Тю, оглашенная,—закричала подружка.—С ума сошла?

—Уйди, уйди от меня,—плача, кричала Люба.

Та, собрав вещички, пошла к дверям. —Оставайся сама, не заплачу, было за кем плакать,—сказала и хлопнула

дверью так, что зазвенели стекла в окне.

Оставшись одна, Люба подошла к зеркалу и долго смотрела в него.

—Артем прав,— произнесла она.—Человек счастлив настолько, насколько он этого хочет. От себя не убежишь. Эх, девонька, до чего себя довела? В тридцать лет стать старухой,—она горько усмехнулась себе в зеркало.—Я ведь как считала, что, похоже, есть люди, которым дано быть счастливыми, а есть такие, которым не дано, что бы они ни делали и чего бы ни достигли, себя причислила к ним. Значит, будем работать над собой! Она подмигнула себе в зеркало, легко вздохнула: — Может, я получу прощение за все.

Люба не помнила, чтобы ее пробуждение было таким легким, как сегодня.. Бодро соскочив с постели, она распах-

нула окно, и в комнату ворвался поток свежего воздуха.

«Прошлое пусть останется в прошлом,—подумала она.—

Будущее пока существует в мечтах. Я могу, и буду жить только настоящим, сегодняшним днем».

Позавтракав, она решила сделать генеральную уборку. Целый день скребла, мыла и стирала. Работа так увлекла ее, что она не заметила, как прошел день. Закончив уборку, присела на стул и с удовольствием огляделась. Комната преобразилась. Все блестело чистотой, в окна заглядывало заходящее солнце. Вспомнив, что давно не ела, почувствовала голод. Встала, прошла на кухню и приготовила легкий ужин. Убирая со стола, услышала, как кто-то вошел в дом.

—Батюшки!—послышался удивленный возглас подруги.—Что это с тобой? Такие перемены!

Люба поставила чайник на плиту и вышла из кухни. Перед ней стояла Манька, рассматривая, чуть раскосыми глазами комнату. В руках она держала сумку, о содер-

жимом которой нетрудно было догадаться, так как подруга уже была навеселе.

—Как я кстати,—проговорила она и направилась к столу, на ходу раскрывая сумку.

—Не выставляй,—сказала ей Люба.— Не надо, я не буду. У меня чай горячий, давай лучше его?

—Ты что, заболела?—голос подруги был встревоженный.

—Нет, все хорошо. Я наоборот выздоравливаю.

—Понятно,—ответила Манька и убрала сумку.— Согласна, будем чай.

Они сидели за столом и говорили. Впрочем, говорила Люба, а подруга слушала, подперев руками лицо.

—Понимаешь, Маша, каждый из нас живет в своем мире. Артем своими словами, словно что-то перевернул во мне. Кто я есть? Как я жила?— Люба смахнула слезу ладонью и продолжила.—Меня изменили, сломали еще в детстве,

растоптали. Я чувствую теперь стыд. Ведь моя жизнь могла быть другой. У меня могло быть все: и муж, и дочь, и машина, и дом, в котором жило бы счастье. Живи и радуйся. И вот я открыла для себя новый смысл жизни, я стану другой.—она внимательно снова посмотрела на подругу.—Я решила сходить в церковь. Моя мама водила меня туда.

—Я верю тебе, Любаша,— тихо сказала Манька.— У тебя все получится. Несмотря на такую жизнь, ты осталась чистой, грязь к тебе не пристала. Все у тебя получится, верь в это. И дочка тебя признает, даст Бог, а в церковь ты и правда сходи, говорят, помогает это.

Подруга встала, вздохнула, огляделась и улыбнулась.

—Хорошо у тебя стало,—взяла свою сумку и направилась к двери, потом обернулась.

—Прощай, подруга.

Дверь тихо скрипнула, и стало тихо. Люба еще немного посидела, затем встала и убрала со стола. Но не так-то просто, оказалось, начать новую жизнь.

—С чего начать? —она в растерянности стояла перед шкафом, глядя на свой гардероб, в котором почти ничего хорошего и не было.—Господи, меня же в этом никуда не пустят.

Люба расстроилась, ей необходимо нормально одеться, а для этого нужны деньги. Заглянула в кошелек, там было немного, остались от расчета, она работала уборщицей в офисе строительной компании. Посмотрев в зеркало на себя, вздохнула.

—Прости меня, мама,—прошептала она и достала из глубины шкафа коробочку. Открыла крышку, и в руке блеснула цепочка с кулоном старинной работы. На дне осталось колечко. Это было наследство. Ювелирные украшения, которые передавались от матери к дочери из поколения в поколение. Умирая, мать приказывала ей не продавать украшения, а отдать дочери. Женщина верила до конца, что мать и дочь встретятся.

—Прости меня, мама,—повторила Люба,— но я вынуждена так поступить.

Колечко она оставила, а кулон решила отнести в скупку, там даже не торговались, сразу дали хорошие деньги. Не каждый день несут украшения, датированные 17 веком. Конечно, кулон было жалко, но выхода не было. Она сразу направилась в универмаг, где после долгого хождения купила себе недорогой, но вполне приличный плащ и сапожки на шпильке. Девушка продавец оказалась приветливой и терпеливой к столь необычной покупательнице. Даже посоветовала купить к плащу шифоновый шарфик. Люба долго крутилась перед зеркалом, девушка, улыбаясь, смотрела на нее.

—Вы меня извините,—обратилась она к ней.— Вам бы еще прическу сменить, волосы подстричь до плеч, Вы красивая женщина. Люба смутилась и рассмеялась. —Спасибо. Расплатилась в кассе, попросила в пакет положить старые вещи, а сама пошла прямо так. В парикмахерскую она и правда зашла, подстригла волосы. В приподнятом настроении вернулась домой, правда, ноги болели, отвыкла от шпильки. В церковь Люба действительно пошла, долго стояла

пред входом, не решаясь войти внутрь. Какая-то старушка, видя ее нерешительность, подошла к ней.

—Что стоишь, девонька? Вижу, что мучает тебя что-то, заходи, не бойся. Бог услышит тебя.

И она вошла с опаской, ей было неловко, людей было много. Не покидало чувство, что на нее смотрят. Люба простояла всю службу, внутри нее проходила какая-то борьба, словно кто-то невидимый пытался убедить ее уйти, но она не поддавалась. Нашла в себе силы преодолеть это чувство, сразу стало легко и спокойно. Вышла из церкви с ощущением счастья и удовлетворения. Немного отдохнув, пошла в центр занятости, ей нужна работа. В коридоре была очередь, время шло медленно. Наконец, ее пригласили в кабинет. Внимательно выслушав ее, женщина за столом посмотрела на нее и предложила три места. Уборщица в школу, санитарка в больницу и нянечка в дом малютки—это вакансии на сегодняшний день. Люба сразу согласилась работать нянечкой, и ей дали направление.

Дом малютки находился почти за городом, пришлось ехать на автобусе. Заведующая, пожилая женщина, приятная на вид и располагающая к себе, хорошо встретила ее.

—Проходите,—сказала она, показывая на дверь.—Я сейчас. Люба вошла и присела на стул, стоящий у стены.

—Почему Вы хотите работать у нас?—спросила заведующая, входя в кабинет.

—Мне нужна работа.

—Но у нас маленькие дети, от младенцев до четырехлетних. Это крохи, и с ними очень много работы, а зарплата небольшая. Вы такая молодая, красивая, Вам можно найти работу и лучше.

—Нет, нет,—ответила Люба.— Меня все устраивает, а детей я люблю.

—У Вас есть дети?

—Нет, у меня нет детей,—смутилась она.

—Ну хорошо, я Вас беру.

Проходите медосмотр и приходите. Неделю Люба обходила больницу, сдавала анализы, наконец, наступил ее первый рабочий день. Дом малютки, недавно отреставрированное здание, находился в парковой зоне. Сразу за территорией стоял лес, из которого доносит ветерок свежие ароматы трав, первых цветов и удивительную симфонию леса: разноголосое пение птиц. Любе дали группу, это семнадцать малышей от года до двух. Воспитательница, Галина Васильевна, женщина уже в возрасте, приветливо встретила Любу. Они прошли в игровую. Это была светлая и теплая комната, в центре которой стоял большой деревянный манеж, в котором ползали и стояли, держась за края, маленькие человечки. С ними находилась их медсестра Юлия Владимировна. Увидев вошедших, все повернули головки и на их мордашках появились улыбки, послышался детский лепет. Галина Васильевна с улыбкой произнесла.

—И минуты не прошло, как вышла, а они радуются, словно долго не была,—она подошла к манежу и стала гладить малышей по головкам.

Дети тянули к ней ручки и кто умел говорить, называли ее "мама".

—Боже, помоги мне,—подумала Люба.— Дай мне силы выдержать, так хочется обогреть и приласкать их всех. Постепенно она втянулась в работу, даже скучала, когда у нее был выходной. Малыши быстро привыкли к новой няне, дружно что-то лепетали на своем, только им понятном, языке, когда она входила в группу. Невозможно видеть глаза ребенка и чувствовать, как он старается до тебя дотронуться, подержаться хоть за край юбки. Сердце ее разрывалось от жалости к этим детям, оказавшимся ненужными своим матерям. Люба чувствовала сострадание и любовь к ним. Она добросовестно выполняла свою работу: кормила малышей, следила за их вещами, купала, гуляла на свежем воздухе. К концу рабочей смены она валилась с ног от усталости, но душа радовалась, она нужна этим детям. А как она радовалась, когда кто-нибудь из детей делал свои первые шаги, говорил первые слова. И как переживала, если у кого-нибудь поднималась температура или болезненно резались зубки. Шло время. Любу было уже не узнать. Это была уверенная в себе женщина, которая знает, чего она хочет. Но не все так гладко было на работе. Конечно, коллектив был хороший: три воспитателя, три нянечки и медсестра, они все ладили между собой. Люба была самой молодой из них и одинокой. Видя, что не всегда деткам хватает витаминов и различные лакомства бывают только по праздникам, она покупала для них соки, фрукты, за что часто выслушивала упреки, что это нельзя делать. Молча слушала, а сама снова приносила сумки для малышей. Вот так жила теперь Люба. Подруга Манька, увидев как-то свет в ее окнах, зашла провести товарку, как она всегда говорила.

—Привет, подруга, совсем прописалась в своем детдоме. Про меня забыла,—она вытащила из кармана юбки маленькую бутылочку, но, увидев глаза Любы, вздохнув, сунула обратно.— Да, видно и правда ты стала другая. Ладно, дай хоть чай.

—Знаешь, Маша, вот уже скоро год, как я работаю, а душа не привыкла, не могу, мне так жалко их всех. Есть там одна малышка, ей скоро три года будет, так она мне Таню напоминает,—Люба посмотрела на подружку.— Я хочу ее взять себе. И еще что-то новое стало во мне,—она усмехнулась.—Чувствую, что сердце мое стремится к счастью и любви, тепла хочу.

—Да это понятно,—ответила Манька.—Женщина ведь ты, природа требует свое. И для счастья у тебя все данные есть. Посмотри, какая ты красивая стала, даже румянец на щеках играет.

Люба смутилась и рассмеялась.

—Скажешь тоже, девушку нашла.

Они еще немного поболтали, и Манька ушла. Возвращаясь однажды утром, после ночной смены домой, Люба шла через сквер. Навстречу шли три девушки и о чем-то весело говорили. Люба даже остановилась, узнав в одной из них, Таню. За то время, что она не видела дочь, девочка превратилась во взрослую красивую девушку. Подруги прошли мимо, не обратив на нее внимания, а она постояла еще некоторое время, глядя им вслед. Девушки зашли в школьный двор, Люба повернулась и столкнулась лицом к лицу с мужчиной.

—Извините,—смутился он.— Задумался и не заметил Вас.

—Это Вы меня простите,— тоже смутившись, ответила Люба.— Это я виновата, стою на дороге.

Мужчина с интересом рассматривал ее, что ей стало неловко.

—Меня зовут Максим,— представился он.— А можно узнать, как зовут Вас?

Люба посмотрела на него, заметив про себя, что от него исходит какое-то душевное тепло, которого ей как раз и не хватало. Она назвала себя, Максим улыбнулся в ответ.

—Можно я Вас провожу?

Они пошли рядом по аллее, всю дорогу молчали. Свежий утренний ветерок приятно играл ее волосами, сквозь зелень деревьев пробивались солнечные лучи, которые слепили глаза, отчего она щурила их. Люба чувствовала какое-то облегчение, и даже его молчание ей было не в тягость. Так, в молчании они дошли до ее дома, при расставании он спросил:

—Может, мы с Вами встретимся?

Она не ответила, но как бы в знак согласия кивнула головой. Ночью она плохо спала, часто просыпалась, ее мучили сомнения. Максим чем-то притягивал к себе, но в то же время ей было страшно. И все же она пошла на свидание. Так они начали встречаться. Максим был очень внимателен, с ним было ей спокойно, он светился какой-то бесконечной добротой. Она ему рассказала о своей жизни, рассказала все, ничего не утаила. Он помолчал некоторое время, потом сказал, глядя ей в глаза.

—Спасибо за откровенность и доверие, я это очень ценю. То, что было в твоей жизни до меня, пусть останется в прошлом. У нас есть настоящее и будущее,—он снова помолчал, потом добавил.— Люба, у меня была семья, хорошая семья. Любимая жена и маленькая дочь. Два года назад на переходе их сбила машина. Вместе с ними тогда умер и я. Год я прожил в скиту у монахов, пока не пришло облегчение в мою душу, и я вернулся домой. Устроился на работу, продолжаю жить. Я вижу, вернее, чувствую, что мы нужны друг другу.

Так Люба вышла замуж. Через полгода они удочерили Веронику, ту маленькую девочку, которая была похожа на Таню. Максим всей душой привязался к малышке, она ему платила большой любовью. Любовь— это не выгодное приобретение, а дар. И как всяким неожиданным и приятным подарком, этим чувством необходимо дорожить. Моя героиня нашла свое счастье. Долгим и трудным был ее путь. Но самая дорогая победа в жизни — это победа над самим собой.

Бездушная

Громко стучат колеса на стыках рельс, вагон тихо покачивается. За окном один кадр сменяет другой, как в хорошем кино. Мелькают маленькие станции, деревушки, и, конечно, все это утопает в пышной зелени, буйно растущей кругом. Моей соседкой была женщина моих лет. Мы познакомились. Людмила Викторовна оказалась очень приветливой, разговорчивой дамой. Она ехала в Киров к дочке, которая в третий раз стала мамой. Глаза Людмилы просто светились от радости. Она рассказала, что у дочки два сына, а она так мечтала о девочке, и вот, наконец, родилась девчушка, которой дали прекрасное имя – Надежда. Я искренне поздравила Людмилу, пожелала здоровья и счастья маме и малышке. Мы разговорились. Проводница принесла нам чай. Купе было уютное, мы находились вдвоем. После чая я прилегла с книгой и углубилась в чтение. Соседка тяжело вздохнула и сказала, что тоже любит читать в поезде, да вот забыла дома книгу. Тогда я дала ей свои рассказы. Она так хорошо улыбнулась, устроилась удобно и притихла. Так прошло часа два

–Интересные истории,– сказала Людмила и посмотрела на меня.– Столько судеб людских, ведь вот все разные какие, словно живые люди перед глазами проходят. Спасибо.

Я скромно улыбнулась, отложила свою книгу и спросила ее:

–Вам, правда, понравились?

–Да,– ответила она и добавила.– Женская судьба, что может
Она немного подумала, потом сказала:

–Знаете, у меня тоже есть история о женщине. Давайте, я Вам ее расскажу, а Вы уж сами решите, стоит о ней писать или нет.

Я сразу повеселела и приготовилась слушать.

–Родилась я, –начала соседка,–в городе Малоярославец, это под Москвой. Была единственным ребенком в семье. Жили мы в коммунальной квартире. Кроме нас там жили еще три семьи. Время было тяжелое, только окончилась война. Отец мой не был на фронте, работал токарем на заводе. Надо сказать, что большой специалист был в своем деле, за что и ценили его очень. Так вот, в одной квартире жили муж с женой. Они недавно вернулись из эвакуации, с театром были где-то в Таджикистане или Узбекистане, я не помню. Я хорошо помню соседей справа от нас. Это были две женщины: мать и дочь. Мать звали Василиса Васильевна– женщина преклонных лет. Несмотря на возраст, всегда была ухоженной. Седые волосы уложены в прическу, этаким, знаете, «божий одуванчик». Со всеми была одинаково приветлива, охотно давала советы, если кто-то в этом нуждался. А вот дочь, которую звали Инесса, была дама с норовом. Фронтовичка, на фронт ушла она добровольцем. Всю войну прошла, победу праздновала в Вене. Это мне рассказала мама. Инессе не любили у нас и боялись. Я хоть и маленькая была, но помню, как замолкали женщины на кухне, если она туда заходила. Часто из соседней комнаты доносился ее громкий и грубоватый голос. Василиса Васильевна начинала суетиться, бегать своими мелкими шажками из комнаты на кухню и обратно с тарелками и чайником

—Бедная женщина, —высказалась, однажды, моя мама, жалея соседку, — тиран какой-то, а не дочь.

Людмила Викторовна приподнялась, поправила подушку и присела, прислонившись к стене.

—Время шло, я подрастала. Наша коммунальная квартира меня не расстраивала, я думала, что все люди так живут. Очереди в ванную, туалет. Толкотня и чад на кухне. Серьезных ссор как-то не было, но стычки, конечно, случались. Инесса работала в каком-то государственном учреждении. А где именно и кем, никто не знал. У нее, видимо, не было подруг, потому что никто не приходил к ней в гости. Она никогда никого не жалела, не сочувствовала. Когда умерла ее мать, она даже не всплакнула. Женщины переживали, жалели старушку, а она была спокойна.

—Да что же она за человек? Сердца у нее нет что ли— сказала артистка.

Вечером я пошла в ванную и, проходя мимо их комнаты, заглянула в приоткрытую дверь. В комнате был полумрак. Мне было страшно, но любопытство взяло верх, я вошла и огляделась. Тут я услышала всхлипы и, повернувшись, увидела Инессу, она плакала, уткнувшись лицом в подушку. Я подошла к ней и рукой провела по ее волосам, она вздрогнула, подняла голову, наши глаза встретились

—Вам больно?— спросила я ее.

—Больно, Милочка, больно вот здесь,—сказала она и показала на сердце.

Я хоть и ребенок была, но своим детским сердцем поняла, что не такой она человек, какой ее считают. Мне стало ее жалко, не зная, что бы для нее сделать, я спросила ее:

—Тетя Инесса, а хотите, я Вам чаю принесу?

Она улыбнулась, включила свет, потом сказала:

—Спасибо, Мила, мне уже лучше, это просто что-то наш-ло. Хорошая ты девочка.

Я осмотрелась по сторонам. На стенах висели картины и фотографии. В картинах я тогда не понимала ничего, в основном на них были люди в старинных одеждах. Одно лицо мне показалось знакомым, я долго смотрела на него. Это была молодая женщина в шляпке с вуалью, в руках она держала алую розу.

—Кто это?— спросила я Инессу и повернулась к ней.

Она улыбнулась, вздохнула и сказала:

—Это моя мать, Василиса Васильевна.

—Какая красивая.

—Ну, Милочка, в молодости все красивые.

—И я буду красивой, когда вырасту?

—Ты уже красивая,— засмеялась она.

В дверь заглянула моя мама и, увидев меня воскликнула:

—Людмила, ты, что здесь делаешь? Мы с папой потеряли тебя, — тут она заметила Инессу и смутилась:

—Извините, пожалуйста.

—Ничего, ничего, мы поближе познакомились с Милочкой просто.

Я обратила внимание, что, отвечая моей матери, Инесса снова стала прежней. У нее даже взгляд стал другим, холодным. Почти шепотом я сказала « до свидания», и мы вышли. В комнате мама сделала мне замечание, что ходить по чужим комнатам— это неприлично.

На другой день было 12 апреля 1961 года. Вся страна ликовала. Как же, человек в космосе! Наш, советский человек! С уст не сходило имя этого человека: Юрий Гагарин. Счастливое событие отмечалось у нас на кухне. Все жильцы собрались за одним столом. Поздравляли друг друга. В открытые окна доносилась бравурная музыка со двора. Вышла к столу и Инесса. Сначала нависла тишина, и она, испытывая неловкость, хотела уйти, но моя мать позвала ее:

—Идите, идите сюда, такой праздник, радость-то какая.

За столом снова стало шумно. Немного посидев, все устремились на улицу. Я тоже увязалась за взрослыми.

—Я не утомила Вас? —посмотрела на меня Людмила Викторовна.

—Нет, нет, что Вы, продолжайте,—поспешила я с ответом, испугавшись, что она остановится.

Однажды раздался звонок в двери, он так настойчиво и долго звонил, что я не вытерпела и подошла открыть дверь, передо мной стояла почтальонка. Увидев меня, спросила:

—Взрослые есть дома?

Я ответила, что никого нет. Она подала мне конверт.

Это заказное письмо для Инессы, отдашь ей, хорошо?

Только не забудь. И распишись мне вот здесь. Письмо я, конечно, отдала. Инесса очень удивилась, но, прочитав адрес, заволновалась и скрылась в комнате, забыв про меня. В тот же вечер она уехала куда-то. Вернулась домой дней через десять, и не одна. Вместе с ней приехал мужчина и двое мальчиков, лет двенадцати и десяти. Мужчина был инвалид, у него не было ног. Для всех было загадкой, кто эти люди и что будет дальше. А дальше было просто, через время Инесса и Василий (так звали мужчину) поженились, и всех Инесса прописала у себя. Мальчики стали ходить в школу. Василий оказался хорошим сапожником, чему несказанно обрадовались наши женщины, и вскоре с удовольствием щеголяли в новых туфлях. Время шло, жизнь продолжалась. Мой отец и Василий подружились, часто сидели у нас, вели разговоры или играли в шахматы. Инесса по-прежнему жила как-то в стороне от всех. Однажды вечером мой отец спросил Василия:

—А где вы познакомились с Инессой?

—Как где?—удивился Василий.— На фронте. Я ей жизнью обязан, она меня двенадцать километров, зимой, на себе тащила. Вот только ноги спасти не удалось.

—Скажи, а она всегда такая была?—спросил тогда отец, и, заметив удивленный взгляд, добавил.—Да бездушная она какая-то, словно и сердца нет у нее.

— А, вот ты о чем,—улыбнулся Василий,—что ты, нет, конечно, это она с виду такая. Ее даже наш командир взвода побаивался, а он разведчик был, знаешь какой, на всю линию фронта один такой. И сердце есть у нее, только никому его

не открыла. Раз случай у нас был, прислали к нам пополнение, и один шустрый решил приударить за ней. Ребята стали отговаривать, но настырный оказался. Как-то подкараулил ее и давай руками лапать, ну она ему и показала «кузькину мать», долго смеялся весь взвод над «Ромео», уж больно большой синяк под глазом «украшал» его. Инесса немецкий язык хорошо знала, часто с нами за языком ходила. Сильная она, бывало, что уже сил нет, с ног валишься, а она ничего, держится. Когда она меня сдала раненого в госпиталь, мы больше и не виделись. А через несколько дней наступление, наши пошли вперед. Меня отправили в тыл, там я получил письмо от нее и адрес на всякий случай. Ноги мне ампутировали, подержали в госпитале, подлечили и отправили домой. Жена поплакала, и стали мы жить дальше. Пацанов вот двоих родили. Все бы ничего, да померла моя Глаша, а малым мать нужна. Три года я сам тянул их, да вот стало что-то трудно мне, и вспомнил я про Инессу. Долго думал, боялся, но решился и все ей про себя написал. С большим волнением ждал ответа, а она сама приехала. Посидели, погоревали, друзей вспомнили, тут она и говорит:

—Поедьте все ко мне, вместе нам легче будет. Василий замолчал, молчали и мы.

—Пацанов моих обогрела, жизнь в них вдохнула. Если бы вы их там видели, а сейчас сытые, чисто одетые. Нет, сосед, не бездушная она, на таких земля держится, не выжили мы бы без нее,—вздыхнув, сказал он.

Людмила Викторовна замолчала.

—А что же дальше? Как жизнь сложилась у них?—спросила я.

—Умер вскоре Василий. Инесса детей у себя оставила, вырастила и выучила. Хорошие люди получились. Любили они ее всем сердцем. — Людмила Викторовна улыбнулась и добавила.— Старший, Митя, вот уже тридцать с лишним лет является моим мужем. Сын у нас и дочь, три внука, а теперь вот еще и внучка. Вот такая история о женщине.

—Да, интересная история,—сказала я.—Действительно, прав был Василий, на таких земля держится.

—Проговорили, а за окном уже темно,—произнесла Людмила Викторовна, — давайте отдыхать.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи. Я с удовольствием легла под одеяло и закрыла глаза, история меня тронула. Соседка моя уже спала, слышалось ее ровное дыхание. Я повернулась на бок и под равномерный стук колес быстро уснула.

Оглавление

Счастье найдет тебя	4
Я всегда буду рядом	38
Мать и дочь	48
Дорога к счастью	69
Я тебя никому не отдам	108
Варькино счастье	117
Две матери	124
Бездушная	139

Лидия Рыбалко

Дорога к счастью

Повести и рассказы

Компьютерный набор текста— Рыбалко Л.П.

Верстка и оформление — Рыбалко Л.П.

Картинки из Интернета— <https://yandex.ua>